

Институт философии, теологии и истории святого Фомы
Католический Центр Духовного Развития "ИНИГО"

Исторический путь Церкви

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

Я есмь Путь и Истина и Жизнь...

Новосибирск
2008

Я есмь Путь и Истина и Жизнь...

Курс заочного христианского обучения. Тетрадь пятая. Новосибирск, 2008.

Исторический путь Церкви: от эпохи гонений до разделения Восточной и Западной Церквей.

Редактор: д. Владимир Дегтярев

Автор:

Статьи «Церковь в эпоху гонений», «Церковь в эпоху после Константина», «Раскол Западной и Восточной Церквей»

Андрей Мышанский

© Институт философии, теологии и истории святого Фомы
© Католический Центр Духовного Развития "ИНИГО"

Церковь в эпоху гонений

1. Начало гонений в иерусалимской общине

Христианская вера с самых своих истоков была нелегким выбором. Господь, которому служили христиане, умер на кресте как преступник. Вскоре после этого Стефана побили камнями за свидетельство перед иудейским синедрионом. Затем по приказу Ирода Агриппы был убит Иаков. С тех времен и до наших дней всегда находились люди, скреплявшие свое свидетельство кровью.

Но причины гонений и методы их проведения бывали разными. Уже первые десятилетия существования Церкви отмечены определенным развитием в подходе к этому вопросу.

Чтобы разобраться в причинах гонений на христиан, необходимо обратиться к самому раннему периоду христианской истории – жизни иерусалимской христианской общины в первые годы после вознесения Иисуса Христа.

Уже в начале Деяний св. Апостолов, рассказывая о жизни первой общины последователей Христа, богодухновенный автор говорит о трениях между разными группами членов этой общины: «произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей» (Деян. 6:1).

Здесь сказано вовсе не о конфликте между евреями и язычниками, поскольку из Деяний ясно видно, что в то время в Церкви еще не было язычников. Речь идет о конфликте между двумя группами евреев, теми, кто твердо придерживался обычаев и языка предков, и другими, готовыми воспринять эллинистические тенденции и воспринимавшими их. В Деяниях первые названы «Евреями», а вторые – «Еллинистами». Озабоченные этим противостоянием, двенадцать апостолов созвали учеников и назначили семь человек «пещись о столах».

Точный смысл этого выражения не совсем ясен, но речь, очевидно, шла о том, чтобы назначенные апостолами семь человек выполняли административные обязанности, а сами они продолжали проповедовать и учить. По-видимому, все семеро принадлежали к числу «еллинистов», поскольку они носили греческие имена. Таким образом, назначение семи выглядит попыткой придать эллинистической части общины больше веса в делах церкви, чтобы при этом двенадцать апостолов, которые все были евреями, оставались основными учителями и проповедниками.

В седьмой главе Деяний рассказывается о Стефане, одном из этих семи. Она содержит намек на то, что в его отношении к храму нет должного благоговения (Деян. 7:47-48). Как бы там ни было, иудейский синедрион, состоявший в основном из антиэллинистически настроенных иудеев, отказался его слушать и приговорил к смерти. Такое решение вступает в явное противоречие с тем, как тот же синедрион поступил с Петром и Иоанном, которых отпустили, подвергнув предварительно телесному наказанию и запретив проповедовать (Деян. 5:40). Более того, когда начались гонения и христиане были вынуждены бежать из Иерусалима, апостолы смогли остаться в городе. Когда Савл пошел в Дамаск на розыски укрывшихся там христиан, апостолы оставались в Иерусалиме, и Савл как будто бы не замечал их. Все это указывает на то, что первые гонения были в основном направлены против христиан-«еллинистов», а «евреи» испытывали гораздо меньше трудностей. Лишь позднее, в ходе событий, описанных в двенадцатой главе, Ирод приказал убить Иакова и арестовать Петра.

Сразу после описания смерти Стефана автор Деяний переходит к рассказу о еще одном из этих семи – Филиппе, основавшем церковь в Самарии. Петра и Иоанна послали для наблюдения за жиз-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

нию в новой общине и для возложения рук на ее членов. Таким образом, появилась церковь за пределами Иудеи, и хотя эта церковь была основана не апостолами, она признавала их авторитет. Такая схема часто повторялась и в дальнейшем, по мере распространения церкви на новых территориях.

Начиная с девятой главы в центре внимания Деяний все чаще оказывается апостол Павел, и мы все меньше и меньше слышим об Иерусалимской церкви. Иудейские христиане-«эллинисты» стали связующим мостиком с языческим миром, и язычники присоединялись к церкви в таких количествах, что вскоре значительно превосходили числом раннюю иудейско-христианскую общину. Поэтому мы в основном будем вести речь о христианстве, в которое входили язычники. Вместе с тем нельзя забывать и о самой ранней церкви – о ней мы располагаем лишь отрывочными сведениями.

Ранние христиане не считали себя последователями новой религии. Всю свою жизнь они оставались иудеями. Это относится к Петру и к двенадцати апостолам, к семи ведущим лидерам иудеев-эллинистов и к Павлу. Их вера не подразумевала отвержение иудаизма, она скорее отражала убежденность в том, что мессианская эпоха наконец наступила. «За надежду Израилеву обложен я этими узами» (Деян. 28:20), – говорил Павел. Первые христиане не порывали с иудаизмом, они были уверены, что их вера является исполнением векового ожидания Мессии иудеями.

Именно поэтому христиане в Иерусалиме соблюдали субботу и посещали храм. К этому они добавили соблюдение первого дня недели, когда они собирались в память о воскресении Иисуса. На этих ранних богослужебных собраниях основное внимание уделялось не Страстям Господним, а той победе, благодаря которой занималась заря новой эпохи. Лишь позднее – несколько десятилетий спустя – центральное место в христианском богослужении заняла смерть Иисуса. В ранних христианских общинах преломление хлеба совершалось «в веселии и простоте сердца» (Деян. 2:46).

Но было у них время и для покаяния в грехах. Из иудейской традиции церковь заимствовала два дня поста в неделю. Однако христиане с самого начала постились не по понедельникам и четвергам, как иудеи, а по средам и пятницам. Очевидно, это объясняется поминовением дней предательства Христа и Его распятия.

В той ранней церкви авторитетом пользовались прежде всего двенадцать апостолов. Наибольшим влиянием среди апостолов, судя по всему, обладали Петр и Иоанн – на то есть множество указаний в Деяниях, а в Гал. 2:9 Павел называет их двумя из «столпов».

Третий «столп», между тем, был не из числа двенадцати. Им был Иаков – брат Господень. По словам Павла (1 Кор. 15:7), воскресший Иисус явился Иакову. То ли благодаря своей кровной связи с Иисусом, то ли по каким-то другим причинам, но Иаков вскоре стал лидером Иерусалимской церкви. Позднее, когда иерархов церкви уже называли «епископами», о Иакове стали говорить как о первом «епископе» Иерусалима. Хотя именовать его так явно неправомерно, тем не менее, по всей видимости, он действительно возглавлял христианскую общину в Иерусалиме.

Спустя какое-то время гонения ужесточились, их жертвой мог теперь пасть любой. Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, приговорил к смерти Иакова, брата Иоанна (не путать с Иаковом, братом Иисуса и главой общины). С одобрения своих подданных Ирод арестовал Петра, но тот скрылся. В 62 году н.э. по приказу первосвященника, но вопреки советам и желанию фарисеев, был убит другой Иаков – брат Иисуса.

Вскоре после этого лидеры христианской общины в Иерусалиме решили перебраться в Пеллу, город за Иорданом, где жили в основном язычники. Это решение объяснялось не только преследованиями со стороны иудеев, но и настороженным отношением римлян к новой религиозной группе, о которой они толком ничего не знали. К тому времени иудейский национализм достиг наивысшего

Церковь в эпоху гонений

накала, и в 66 году н.э. вспыхнуло восстание, что четыре года спустя привело к разрушению Иерусалима римскими армиями. Христиане были последователями Того, Кого они считали наследником Давида и Кого римские власти распяли, ибо Он провозглашал Себя Царем иудеев. Сначала их возглавлял Иаков, брат Распятого, затем, после смерти Иакова, – Симон, другой родственник Иисуса. Чтобы как-то ослабить неприязнь властей, церковь и решила перебраться в Пеллу. Но к христианам все равно относились с подозрением, и в конце концов римляне убили Симона, хотя не совсем ясно, было ли это вызвано его христианской верой или притязаниями на Давидово наследие. Как бы там ни было, в результате всего этого ранняя еврейская церковь, отвергавшаяся как иудеями, так и язычниками, оказалась в изоляции. Хотя к 135 году н.э. значительное число еврейских христиан вернулось в Иерусалим, их связи с остальным христианством были почти полностью порваны, и руководящая роль перешла к христианам из язычников.

Итак, первые гонения на христиан были связаны с расколом внутри самой христианской общины на т.н. «иудеев» и «еллинистов». Став первыми жертвами гонений в Иерусалиме, «еллинисты», первыми рассеялись по соседним городам и первыми начали распространять христианское послание на этих землях.

2. Благовествование среди язычников

В Деян. 8:1 сказано, что христиане «рассеялись по [разным] местам Иудеи и Самарии». В Деян. 9:32-42 говорится о посещении Петром христианских общин в Лидде, Сароне и Иоппии. В Деян. 8 содержится рассказ о проповеди Филиппа в Самарии, об обращении Симона-волхва и о служении там Петра и Иоанна.

Но уже в Деян. 9 сообщается, что христианские беглецы есть даже в Дамаске, далеко за пределами Иудеи. А в Деян. 11:19 дополнительно сказано, что «рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии». Это не означает, что миссионерская работа распространялась на язычников, ибо здесь же уточняется, что они живут там, «никому не проповедуя слова, кроме Иудеев».

Служение Филиппа в Самарии и обращение евнуха-ефиоплянина можно, по-видимому, считать первыми указаниями на готовность церкви принимать в свои ряды неевреев. Но прямо этот вопрос поставлен в Деян. 10 в эпизоде с Петром и Корнилием, который в конце концов привел Иерусалимскую церковь к неожиданному выводу: «Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь» (Деян. 11:18). Сразу вслед за этим сообщается, что нечто подобное произошло и в Антиохии, что Варнава был послан туда Иерусалимской церковью для исследования происшедшего и что «он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался» (Деян. 11:23). Эти события показывают, что хотя в самом начале христианство распространялось главным образом благодаря свидетельству еврейских христиан-еллинистов, покинувших Иерусалим из-за гонений, материнская церковь одобряла их работу как среди евреев-еллинистов, так и среди язычников.

Это, естественно, не решало всех проблем, поскольку оставался вопрос, должны ли обращавшиеся в христианство язычники соблюдать закон Израиля. После некоторых колебаний Иерусалимская церковь приняла их, заявив, что «угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины и блуда» (Деян. 15:28-29). Но на этом дело не кончилось – послания Павла полны свидетельств того, что какое-то время оставались люди, требовавшие в этом отношении большей строгости.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Вообще деятельность апостола Павла связана с многочисленными пастырскими путешествиями, в которых он не только проповедовал и укреплял в вере новообращенных христиан, но и формировал первоначальную систему христианского вероучения, основанного на Евангелии. Здесь нет необходимости описывать все путешествия Павла, которым в Деяниях посвящены несколько глав. Достаточно сказать, что по какой-то неизвестной причине Варнава пришел в Тарс за Павлом и что они провели вместе год в Антиохии, где последователей Иисуса впервые назвали «христианами». Затем в ходе своих благовестнических путешествий сначала с Варнавой, а потом с другими сотрудниками Павел донес Евангелие до острова Кипр, до различных городов Малой Азии, до Греции, до Рима и, возможно, до Испании.

Но утверждение, что Павел принес Евангелие в эти места, не подразумевает, что он сделал это первым. Из Послания к Римлянам явствует, что в столице империи церковь существовала и до того, как туда пришел Павел. Более того, в Италии христианство распространилось столь широко, что когда Павел прибыл в небольшой портовый город Путеол, христиане уже были и там. В Новом Завете много говорится о Павле и о его путешествиях, но в разных землях действовали и многие другие проповедники. Варнава и Марк были на Кипре. Еврей из Александрии Аполлос проповедовал в Эфесе и в Коринфе. Сам Павел, выражая сожаление, что некоторые проповедают Христа «по зависти и злобупению», в то же время радовался, что все они провозглашают Христа (Флп. 1:18).

Величайшая, неоценимая заслуга Павла в формировании раннего христианства выражается в написанных им Посланиях, связанных с этим служением, поскольку эти тексты в конечном счете стали частью христианского Писания и тем самым оказали и продолжают оказывать огромное влияние на жизнь и систему взглядов христианской Церкви.

Важно также отметить, что хотя Павел чувствовал призвание проповедовать язычникам, при посещении нового города он обычно сначала шел в синагогу и в еврейскую общину. Он считал, что проповедует не новую религию, а исполнение обетований, данных Израилю. Он возвещал послание не об отвержении Богом Израиля, а о том, что благодаря воскресению Иисуса наступил век Мессии и тем самым язычникам предоставляется возможность присоединиться к Божьему народу.

О дальнейшем жизненном пути и судьбе большинства апостолов Новый Завет ничего не сообщает. В Деяниях упоминается о смерти Иакова, брата Иоанна. Но та же самая книга, описав свершенное Павлом в течение нескольких лет, внезапно прекращает рассказ на том времени, когда он проповедовал в Риме и ожидал суда. Что стало с Павлом, Петром и другими апостолами? Уже на раннем этапе истории Церкви появились предания, согласно которым тот или иной из них проповедовал в каком-то определенном месте и принял там мученическую смерть. Все подобные рассказы в большей или меньшей степени могли быть основаны на реальных фактах.

Наиболее достоверен из такого рода преданий рассказ о том, что Петр был в Риме и принял в этом городе мученическую кончину во времена гонений при Нероне. Об этом упоминают многие авторы I и II веков. По некоторым сведениям он был распят вниз головой, и это проясняет смысл слов в Ин. 21:18-19, которые иначе понять трудно.

В случае с Павлом дело обстоит сложнее. В Деяниях рассказ о нем обрывается на времени, когда он проповедовал в Риме. Ряд авторов первых веков единодушны в том, что он умер в Риме при Нероне, по всей видимости – обезглавленным, как подобает римскому гражданину. Другие же утверждают, что он совершил еще несколько путешествий, не упомянутых в Деяниях, в том числе – в Испанию. В попытке согласовать эти два предания высказывалось предположение, что Павел был в Испании в период между событиями, описанными в конце Книги Деяний, и гонениями при Нероне. Но такое объяснение не увязывается с хронологией. С уверенностью можно

Церковь в эпоху гонений

говорить только о том, что у нас нет точных сведений о происходившем с момента последнего эпизода, описанного в Деяниях, и до смерти Павла в правление Нерона.

Реконструкция последующей жизни апостола Иоанна затрудняется частым упоминанием имени «Иоанн» в ранних текстах. Согласно одному из древних преданий, Иоанн был казнен в бочке с кипящим маслом. Однако из Откровения известно, что Иоанн находился тогда в ссылке на острове Патмос. По другому, заслуживающему доверия преданию, Иоанн был учителем в Эфесе, где и умер около 100 года н.э.

К концу II века возникла тенденция, значительно затруднившая задачу историков, стремящихся исследовать реальную жизнь и судьбу апостолов. Церкви всех крупных городов начали претендовать на прямое апостольское преемство. В Александрии церковь, соперничавшая с Римом и Антиохией, пришла к выводу, что ей нужен основатель из числа апостолов, вследствие чего появилось предание об основании Александрийской церкви святым Марком. Когда же столицей империи стал Константинополь, его церкви тоже понадобились апостольские корни, и она стала утверждать, что брат Петра Андрей проповедовал в Византии – древнем городе, на месте которого впоследствии построили Константинополь.

Известны и другие предания о деятельности апостолов, достойные упоминания если не в силу их достоверности, то по крайней мере ввиду их популярности и значения для последующей истории. Это в особенности относится к преданиям о зарождении христианства в Испании и Индии.

По утверждению испанских христиан, работу по возведению Евангелия в их стране проводили не только Павел, но и семь посланников святого Петра, а также святой Иаков Зеведеев (брат Иоанна). Легенда о посланцах Петра в Испании появилась в V веке, но она не пользовалась такой популярностью, как легенда о посещении страны Иаковом, возникшая три века спустя. Согласно этому преданию, Иаков без особого успеха проповедовал Евангелие в Галисии и Сарагосе. На обратном пути ему явилась стоящая на колонне Дева Мария, обратившаяся к нему со словами ободрения. Многими «Virgen del Pilar» («Дева на колонне») почитается в Испании до сих пор. По возвращении в Иерусалим Иаков был обезглавлен по приказу Ирода, и ученики отвезли его останки в Компостелу в Испании, где он якобы покоится и ныне.

Эта легенда сыграла важную роль в дальнейшей истории Испании – святой Иаков (по-испански «Сант Яго» или «Сантьяго») стал национальным святым страны. В ходе войн с маврами имя «Сантьяго» часто становилось боевым кличем, поднимавшим на борьбу с неверными различные княжества. Кроме того, паломничества к усыпальнице святого Иакова в Компостеле во многом сказались на развитии религиозности в Европе и на объединении Северной Испании. Орден святого Иакова Компостельского также внес значительный вклад в испанскую историю. Таким образом, хотя крайне маловероятно, что Иаков вообще когда-нибудь думал об Испании, легенды о посещении им этой страны оказали значительное влияние на формирование испанской исторической традиции.

Предание о посещении апостолом Фомой Индии в буквальном смысле слова ставит историков в тупик. Впервые оно появляется в «Деяниях Фомы», написанных, вероятно, не позднее конца II века. Однако эти «Деяния» расцвечены такими мифологическими подробностями, что весь рассказ в целом вызывает недоверие. Там, в частности, говорится, что индийский царь Гондофар искал архитектора для постройки дворца и что Фома, который не был архитектором, предложил свои услуги. Узнав, что Фома раздаст нищим деньги, выделенные на строительство дворца, царь приказал бросить апостола в темницу. Но тут вернулся к жизни умерший брат Гондофара Гад и рассказал брату, что видел величественный небесный дворец, построенный благодаря жертвованиям, которые Фома давал нищим. Царь и его брат уверовали и крестились, а Фома пошел дальше по Индии и в конце концов принял мученическую смерть.

Совершенно очевидно, что в этой истории очень многое вызывает сомнение, и большинство историков целиком отвергают ее как вымысел, поскольку в исторических источниках нет упомина-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ний ни о Гондофаре, ни о других содержащихся в этой легенде подробностях. Однако найденные недавно монеты доказывают, что действительно существовал правитель с таким именем и что у него был брат, которого звали Гад. Благодаря этой находке, а также неоспоримо древним истокам христианства в Индии и тому факту, что между Индией и Ближним Востоком тогда велась оживленная торговля, трудно, видимо, категорически отвергать (с исторической точки зрения) возможность посещения Фомой этой страны и позднейшего включения в рассказ об этом мифологических подробностей. Во всяком случае, показательно, что в Индии с относительно давних времен существует церковь, считающая Фому своим основателем. В заключение следует сказать, что некоторые апостолы – в частности, Петр, Иоанн и Павел – несомненно, несли Благоую Весть и совершали путешествия, в ходе которых проповедовали Евангелие и опекали церкви, созданные ими самими или другими людьми. Вполне возможно, что то же самое делали и другие апостолы, например Фома. Правда, большинство преданий об апостольских путешествиях возникли позднее, когда считалось, что апостолы разделили мир между собой, и когда церкви в каждой стране или в каждом городе заявляли о своем апостольском преемстве. На самом же деле большая часть проповеднической работы проводилась не апостолами, а множеством безвестных христиан, по разным причинам – из-за гонений, по делам или по призванию – переезжавших с места на место, неся с собой Благоую Весть.

Контрольное задание

Каким образом распространялась Благая Весть в античном мире? Можете ли Вы провести определенные параллели с современной эпохой?

3. Первые конфликты

Как мы уже отмечали, ранние христиане не считали себя последователями новой религии. Они были иудеями, и главным, что отличало их от остальных приверженцев иудаизма, была их уверенность в уже свершившемся пришествии Мессии – тогда как прочие иудеи все еще продолжали ожидать этого пришествия. Поэтому христианское послание евреям не призывало их отказаться от иудаизма. Наоборот, с наступлением мессианской эпохи они должны были стать еще более совершенными иудеями. Равным образом, проповедь язычникам заключалась не в том, чтобы они приняли новую религию: они должны были стать соучастниками обетований, данных Аврааму и его потомкам. Язычников приглашали стать «детьми Авраамовыми» по вере, поскольку они не были таковыми по плоти. Приглашение это основывалось на том, что иудеи со времен пророков верили, что с пришествием Мессии все народы будут приведены к Сиону. Для ранних христиан иудаизм был не соперником христианства, а все той же, прежней верой, хотя его последователи не признавали, что пророчества уже исполнились, и не верили в это. Иудеям, отвергавшим христианство, сложившаяся ситуация представлялась похожим образом. Христианство в их глазах было не новой религией, а еретической сектой иудаизма. Как мы уже видели в предыдущих тетрадах, иудаизм I века не был монолитным и

Церковь в эпоху гонений

представлял собой конгломерат разнородных групп и течений. Поэтому когда христианство появилось на исторической сцене, иудеи увидели в нем просто еще одно направление своей религии.

Отношение тогдашних иудеев к христианству легче понять, поставив себя на их место и взглянув на христианство – с их точки зрения – как на новую ересь, которая, переходя из города в город, искушала правоверных иудеев, побуждая их становиться еретиками. Кроме того, многие евреи полагали, отчасти опираясь на Библию, что причиной утраты израильтянами независимости и их превращения в подданных империи стал отход народа от традиций предков. Чувство национальной принадлежности и патриотизм заставляли опасаться, что внезапно появившиеся новые еретики в очередной раз навлекут на Израиль гнев Божий.

Именно поэтому в большинстве новозаветных рассказов отмечено, что преследуют христиан в основном иудеи, а защиты они ищут у римских властей. Так произошло, например, в Коринфе, где иудеи обвиняли Павла перед проконсулом Галлионом в том, что «он учит людей чтить Бога не по закону», на что Галлион ответил: «Иудеи! если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас; но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайтесь сами: я не хочу быть судьей в этом» (Деян. 18:14-15). Позднее, когда из-за обвинений Павла в том, что он привел в храм язычника, возник мятеж, и иудеи хотели убить апостола, его спасли римляне.

Итак, римляне, иудеи и христиане сходились во мнении, что речь идет о конфликте между евреями. Пока порядок не нарушался, римляне предпочитали оставаться в стороне. Когда же вспыхивали волнения или поднимался мятеж, они вмешивались для восстановления порядка, а иногда и для наказания нарушителей.

Примером такой политики может служить изгнание иудеев из Рима около 51 года н.э. императором Клавдием. Об этом упоминается в Деян. 18:2, хотя причины изгнания там не уточняются. Римский историк Светоний пишет, что иудеев, «постоянно волнуемых Хрестом», изгнали из столицы. Большинство историков убеждены, что «Хрест» – это никто иной, как Христос, и что речь идет о крупных волнениях в Риме среди иудеев, возмущившихся против христианской проповеди, так что император многих из них решил выслать. В то время конфликты между христианами и иудеями римляне все еще считали внутренним делом иудаизма.

Но по мере присоединения к Церкви все большего числа язычников различие между христианами и иудеями становилось все очевиднее, тем более что количество иудеев в ее рядах постоянно сокращалось. Кроме того, еврейский национализм, приведший в конечном счете к восстанию против римской власти, побуждал христиан, особенно христиан из числа язычников, по мере возможности отмежевываться от этого движения. В результате римские власти начали относиться к христианству как к религии, отличной от иудаизма. Это новое понимание христианства привело к гонениям, продолжавшимся в Римской империи два с половиной века – со времен императора Нерона до обращения императора Константина.

Первое крупное гонение римского государства против христиан относится к периоду правления императора Нерона. Нерон взшел на римский престол в октябре 54 года благодаря интригам его матери. Поначалу он был разумным, не вызывавшим особой неприязни правителем, чьи законы в пользу неимущих благожелательно встретил римский народ. Но его все больше ослепляли мечты о величии и страсть к наслаждениям, и постепенно он окружил себя придворными, готовыми удовлетворить любую его прихоть. Через десять лет после прихода к власти к нему с презрением стал относиться не только народ, но и поэты и художники, которых оскорбляли его притязания считать себя одним из них. Вскоре поползли слухи о его сумасшествии.

Так обстояли дела, когда ночью 18 июня 64 года в Риме вспыхнул большой пожар. Нерон в это время находился в нескольких милях от города в своем дворце в Антии и, узнав о происходящем,

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

немедленно поспешил в Рим, где попытался организовать борьбу с огнем. Он предоставил бездомным парки своего дворца, общественные здания. Несмотря на это императора, которого многие считали сумасшедшим, подозревали в том, что он сам приказал поджечь город в нескольких местах. Пожар продолжался шесть дней и семь ночей, а затем периодически возобновлялся в течение еще трех дней. Десять из четырнадцати районов города были полностью уничтожены. Измученный страданиями народ требовал справедливости. Все чаще поговаривали – и слух этот дошел до наших дней, повторяясь во многих литературных произведениях, – что Нерон приказал уничтожить город, чтобы перестроить его по своим планам. Римский историк Тацит, который, возможно, был очевидцем происшедшего, пересказывает ходившие тогда слухи, но, по всей видимости, склонен считать, что пожар возник случайно из-за возгорания в лавках с товаром. Однако народ подозревал именно императора в поджоге. Рассказывали, будто во время пожара большую часть времени он провел на вершине башни, что на Палатинском холме, где в актерском одеянии играл на лире и пел о разрушении Трои. А еще говорили, что, самонадеянно считая себя поэтом, он приказал поджечь город, чтобы огонь вдохновил его на большую эпическую поэму. Нерон пытался развеять эти подозрения, но скоро стало ясно, что добиться этого не удастся, пока не будет найден другой виновник. В двух из уцелевших районов проживало значительное число иудеев и христиан. На христиан император и решил возложить вину.

Тацит пишет:

«Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращениями за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестившую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому» (Анналы 15:44).

Приведенные слова Тацита представляют большую ценность – это одно из самых ранних дошедших до нас свидетельств об отношении язычников к христианам. Из этих строк ясно, что Тацит не верил в причастность христиан к пожару в Риме. Кроме того, он не одобряет «изощренные казни» Нерона. Тем не менее этот благонамеренный, высокообразованный римлянин верит многому из того, что говорится о «мерзостях» христиан и об их «ненависти к роду людскому». Тацит и другие авторы того времени не уточняют, что подразумевали эти «мерзости». Авторы II века скажут об этом определеннее. Но, во всяком случае, Тацит верит слухам и считает, что христиане ненавидят человечество. Последнее обвинение станет понятнее, если вспомнить, что все общественные и культурные начинания – театральные представления, служба в армии, искусство, спортивные соревнования – были настолько пронизаны духом языческого поклонения, что христиане обычно избегали их. Поэтому Тациту, любившему свою культуру и свое общество, христиане казались человеконенавистниками. Еще одна причина, возможно, кроется, в апокалиптических настроениях ранних христиан, согласно которым существующий мир погибнет среди катастроф, будучи обречен огню (ср. 2 Петр. 3:7,10-12), а пришедший с небес Сын Человеческий водворит на его развалинах новый порядок вещей. Отсюда – всего лишь один шаг до обвинений в преднамеренном поджоге.

Церковь в эпоху гонений

Тацит продолжает:

«Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина, и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (Анналы 15:44).

И снова языческий историк, ничуть не сочувствуя христианам, указывает, что причиной гонений было не желание добиться справедливости, а удовлетворение прихоти императора. Кроме того, эти строки – одно из немногих сохранившихся языческих свидетельств о жестоких пытках, которым подвергались ранние мученики.

Размах гонений при Нероне установить трудно. Христианские авторы конца I века и начала II вспоминают об ужасах тех дней. Очень возможно также, что жертвами Нерона стали Петр и Павел. С другой стороны, о гонениях за пределами Рима упоминаний нет, поэтому вполне вероятно, что преследования христиан, хотя и крайне жестокие, ограничивались столицей империи.

В 68 году н.э. в ходе восстания, поддержанного римским сенатом, Нерон был низложен и покончил жизнь самоубийством. Гонения против христиан прекратились. Последовал период политических неурядиц, так что 69 год н.э. стал «годом четырех императоров». В конце концов к власти пришел император Веспасиан, и за время правления его самого и его сына Тита власти христианами не интересовались.

Домициан, ставший императором после Тита, сначала тоже не обращал на христиан особого внимания. Не вполне ясно, когда именно он обрушил на них свой гнев. Известно, что он любил и уважал римские традиции и хотел их восстановить. Христиане же, отвергавшие римских богов и многие из римских традиций, мешали осуществлению мечтаний Домициана, что могло стать одной из причин гонений.

Притеснения пришлось испытать и иудеям. Поскольку в 70 году храм был разрушен, Домициан решил, что все иудеи должны передавать в казну империи сбор на храм, который прежде шел в Иерусалим. Одни иудеи отказались этому подчиниться, другие согласились, не скрывая, что Рим не может занять место Иерусалима. В ответ Домициан ввел законы, направленные против иудаизма, где он настаивал на новых условиях пожертвований в еще более жестких выражениях. Поскольку в то время римские власти еще не проводили четкого различия между иудеями и христианами, имперские судьи преследовали теперь всех, кто следовал «иудейским обрядам». Так начался новый период гонений, направленных против иудеев и христиан.

Как и при Нероне, эти гонения, по всей видимости, не были одинаково суровыми во всех частях империи. Фактически, достоверно мы знаем только о тех гонениях, которые в этот период свирепствовали в Риме и Малой Азии.

В Риме были казнены Флавий Климент и Флавия Домицилла, вроде бы состоявшие в родстве с императором. Их обвинили в «атеизме» и в совершении «иудейских обрядов». Поскольку христиане поклонялись невидимому Богу, язычники часто относились к ним как к безбожникам. Поэтому вполне вероятно, что Флавий и Домицилла умерли как христиане. Если это так, они были единственными мучениками, жертвами этих гонений в Риме, имена которых нам известны. Но авторы тех лет утвер-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ждают, что мучеников было много, а в послании Римской церкви коринфянам («Первое Послание Климента») говорится о «беспрестанных и неожиданных злых делах, обрушивающихся на нас».

В Малой Азии в ходе гонений родилась книга Апокалипсис (Откровение), автор которой – «пророк Иоанн», а в церковной традиции – апостол Иоанн Богослов – был сослан на остров Патмос. Есть сведения, что там казнили очень многих, – церковь Малой Азии долго вспоминала о правлении Домициана как о времени суровых испытаний.

В Откровении, написанном во время гонений, отношение к Риму гораздо суровее, чем в остальных книгах Нового Завета. Павел призывал христиан в Риме повиноваться властям, которые поставлены на полезное общественное служение Самим Богом. Но «пророк Иоанн» говорит о Риме как о «великой блуднице... упоенной кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых» (Откр. 17:1,6).

К счастью, когда начались гонения, правление Домициана подходило к концу. В Домициане, как и в Нероне, все больше видели тирана. Его противники организовали заговор, и он был убит в собственном дворце. Римский сенат постановил стереть его имя со всех надписей, чтобы о нем не осталось никаких воспоминаний. Судьба же христиан вновь никого не волновала, и они получили несколько десятилетий относительного спокойствия.

Контрольное задание

В чем была причина неприязни к христианам со стороны иудеев, а в чем – со стороны язычников?

4. Апологетика в истории ранней Церкви

Во II и III веках н.э. систематических гонений на христиан не было. Христианство считалось незаконной религией, но власти не занимались специальным розыском последователей новой веры. Размах гонений и число мучеников за веру зависели от местных условий, в частности, от доброй воли окружавших христиан людей. Если кто-то хотел причинить христианину вред, ему надо было всего лишь выдвинуть против него обвинение. Именно так произошло с Юстином Философом, обвинение против которого представил, по всей видимости, его соперник Кресценций. В других случаях, как, например, в Лионе и Вьенне, обвинителем выступала подстрекаемая всевозможными слухами толпа, требовавшая ареста и наказания христиан.

При таком положении дел христианам настоятельно требовалось опровергать распространявшиеся слухи и ложные представления об их верованиях и обычаях. И пусть их доводы полностью не убеждали людей в истинности христианства, все равно, развенчивая ложные слухи, они достигали определенного результата. Именно в этом заключалась задача наиболее талантливых христианских мыслителей и авторов – «апологетов», то есть защитников. Некоторые из их аргументов сохраняли силу и значение в течение многих веков.

Церковь в эпоху гонений

Многие слухи, которые апологетам предстояло опровергнуть, основывались на неверном истолковании христианского учения и христианских обрядов. Например, раз в неделю христиане собирались на «вечерю любви». Допускались на нее только посвященные, то есть крещенные. Кроме того, христиане называли друг друга «братьями» и «сестрами», и так же зачастую обращались друг к другу супруги. На этом основании воспаленное воображение рисовало картину оргий, на которых столы ломились и вино лилось рекой, а затем тушились светильники, и христиане предавались разврату и даже кровосмесительным связям.

Обряд причащения тоже давал пищу слухам. Христиане утверждали, что они едят тело и пьют кровь Христа, и вдобавок говорили о Нем как о Младенце, из чего делали вывод, что во время обряда посвящения христиане прячут в караване новорожденного, а затем заставляют новообращенного резать этот хлеб. После этого все едят теплую плоть младенца. Тем самым новообращенный, сам того не ведая, становился главным участником преступления и поэтому был вынужден молчать.

Утверждали даже, что христиане поклоняются ослу. Раньше подобные вещи говорили об иудаизме, а теперь употребляли эти же глупые домыслы применительно к христианству, сделав его объектом насмешек.

Опровергнуть все эти нелепые представления о христианстве не составляло большого труда – достаточно было показать, что христианские принципы несовместимы с подобными дикими фантазиями.

Гораздо труднее было противостоять критике ученых-язычников, взявших на себя труд протестировать христианское учение и признавших его интеллектуально несостоятельным. Их критика шла по многим направлениям, но главный ее пункт состоял в следующем: христиане – невежественные люди, а их учение, хотя оно и претендует на мудрость, по сути своей безумно и внутренне противоречиво. Такого мнения в основном придерживалась образованная аристократия, в глазах которой христиане были презренной чернью.

Во время правления императора Марка Аврелия один из таких ученых мужей по имени Цельс написал антихристианский трактат под названием «Истинное слово». В нем он выразил не только собственные взгляды, но и мнение многих знатных и образованных людей позднеримской эпохи, мысливших так же:

«Во многих домах мы видим людей, занимающихся вязанием, ткачеством или починкой обуви, то есть людей наименее культурных и наиболее невежественных. В присутствии хозяина они не смеют сказать ни слова. Но когда они остаются наедине с детьми или с такими же, как и они, невежественными женщинами, они начинают говорить удивительные вещи... Если вы действительно хотите познать истину, оставьте своих учителей и своего отца и идите с женщинами и детьми в женские кварталы, в сапожные мастерские, в сыромятни, и там вы узнаете, что такое совершенная жизнь. Именно там христиане находят тех, кто им верит» (Ориген, *Против Цельса* 3.55).

Примерно тогда же полемическое сочинение против христианства, которое, к сожалению, не сохранилось, написал Корнелий Фронто. Христианский автор Минуций Феликс цитирует его труд, приводя следующие строки:

«Если в вас сохранилась хоть чуточка мудрости или стыда, прекратите искать небесные сферы, цели и тайны мироздания. Достаточно посмотреть на то, где вы находитесь. Это особенно относится к таким людям, как вы, – необразованным, бескультурным, грубым и невежественным» (*Октавий* 12).

Итак, враждебное отношение к христианству со стороны многих ученых-язычников объяснялось не просто их интеллектуальной предубежденностью, но и глубоко укоренившимися социальными предрас-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

судками. Культурные и образованные люди не могли представить себе, что христианская чернь может знать какую-то неизвестную им истину. Их главный довод заключался в том, что христианство – варварская религия, черпающая вдохновение не в мире греков или римлян, а у иудеев – примитивного народа, самые лучшие учителя которого никогда не поднимались до уровня греческих философов. Если в иудейском Писании и есть что-то полезное, говорили они, так только то, что заимствовано у греков.

Утверждали также, что Бог иудеев и христиан просто смешон. Они говорят, что Бог всемогущ, что Он выше всего на свете. Но, с другой стороны, Бога они изображают существом, вынужденным постоянно вмешиваться в людские дела, прислушиваться к тому, что говорится в семьях, и контролировать даже то, что готовят на кухне. Все это – совершенный абсурд; это учение полно противоречий.

Носители христианского мировоззрения стали подвергаться не только общественному, но и государственному порицанию. Считалось, что христианское поклонение своему Богу разрушало структуру общества, поскольку приверженцы этой религии отказывались участвовать в большинстве общественных мероприятий под предлогом того, что для них такого рода участие равнозначно поклонению лжебогам. Но если это действительно лжебоги, почему их надо бояться? Почему бы не поклоняться им вместе с другими здравомыслящими людьми, даже если ты в этих богов не веришь? Ведь этого требуют общественные приличия и лояльность к существующему порядку.

Что касается Иисуса, достаточно вспомнить, что Он был преступником, приговоренным к смертной казни римскими властями. Цельс утверждал даже, что Иисус был незаконнорожденным сыном Марии от какого-то римского воина. Если Он действительно был Сыном Божьим, почему Он позволил Себя распять? Почему Он не уничтожил всех Своих врагов? А на случай, если бы христиане смогли ответить на эти вопросы, у Цельса были в запасе и другие:

«С какой целью приходил Бог на землю? Для того ли, чтобы просто увидеть, что творится среди людей? Разве Он и так не всеведущ? Или, может быть, Он все знает, но ничего не способен сделать со злом, покуда Сам не вмешается?» (Ориген, *Против Цельса* 4.3)

Кроме того, христиане проповедуют и истинно верят, что они воскреснут после смерти. Именно эта вера и дает им такое необычайное упрямство перед лицом гибели. Но какой смысл уходить из жизни, которая вполне реальна, ради кого-то, в чьем существовании никакой уверенности нет? А христианское учение о воскресении всех людей и вовсе полный абсурд! Что произойдет с теми, чьи тела разрушены огнем, съедены хищниками или рыбами? Придется ли Богу отыскивать в мире то, что осталось от их тел? Что Он будет делать с частицами материи, принадлежавшими разным телам? Возвращать их изначальному владельцу? Использовать в возрожденных телах владельцев последующих?

От подобной аргументации нельзя было просто отмахнуться. Она требовала четкого опровержения. В этом и заключалась задача апологетов.

Наиболее значительные труды апологетов II века и их преемников представляли собой попытку ответить на эти сложные вопросы – попытку, возобновлявшуюся и долгие годы спустя. Но на данном этапе нам достаточно рассмотреть деятельность апологетов II и начала III века.

Самое раннее из сохранившихся апологетических произведений адресовано «К Диогнету» и написано, по-видимому, неким Квадратом, о котором упоминают ранние историки и который жил в начале II века. Затем следует недавно найденная апология, написанная не позднее 138 года н.э. Аристидом. Но самым известным из ранних апологетов был Юстин Философ, о мученичестве которого мы упомянули ранее. Свою жизнь Юстин провел в долгом духовном паломничестве, переходя от одной школы к другой, пока не нашел в христианстве то, что он назвал «истинной философией». Сохранились три его

Церковь в эпоху гонений

работы: две апологии, которые, по сути, являются частями одной книги, и «Разговор с Трифоном иудеем» – иудейским раввином. Ученик Юстина Татиан написал «Обращение к грекам», и примерно в то же время Афинагор составил «Прошение о христианах» и философское рассуждение «О воскресении из мертвых». Позднее в том же веке антиохийский епископ Феофил написал «Три книги к Автолику», где рассматривались вопросы учения о Боге, истолкования Писания и христианской жизни. Все эти апологии II века написаны на греческом языке, как и «Против Цельса» Оригена в III веке.

Самые ранние апологии на латинском языке – «Октавий» Минуция Феликса и «Апология» Тертуллиана. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно того, какая из этих апологий написана первой, ясно только, что более поздняя содержит заимствования из более ранней.

Читая все эти апологии, историки могут составить представление об основных возражениях язычников против христианства и об ответе на них, полученном от образованных членов Церкви, а также об эволюции христианского богословия в полемике с языческими нападениями.

Обвинения в бескультурье и варварстве вынуждали христиан занять определенную позицию в вопросе о взаимосвязи их веры с языческой культурой. Все христиане были едины во мнении о недопустимости поклонения богам и необходимости исключения всего, что с таким поклонением связано. Именно поэтому они не принимали участия во многих публичных акциях, в ходе которых богам совершались жертвоприношения и давались клятвы. Все это, наряду с пацифистскими убеждениями, приводило многих христиан к выводу, что они не должны служить в армии, поскольку военные обязаны были присягать на верность императору именем богов. Равным образом, многие христиане выступали против изучения классической литературы, в которой боги играют важную роль и совершают разного рода аморальные деяния. Быть христианином – значит преданно поклоняться единственному Богу и только Ему, и тот, кто как-либо уклонялся от этого, тем самым отвергал Иисуса Христа, Который в день Страшного суда, в свою очередь, должен был неминуемо отвергнуть отступника.

Все христиане единодушно осуждали идолопоклонство, но в вопросе о том, как христиане должны относиться к классической языческой культуре, единого мнения не было. Сочинения и мысли таких философов, как Платон, Аристотель и стоики, мудростью которых многие восхищаются до сих пор, – часть языческой культуры. И отвергнуть все это для христиан означало бы перечеркнуть высочайшие достижения человеческого ума. С другой стороны, признать эти сочинения было бы уступкой язычеству и открывало бы путь «чуждому духу» в церкви.

Поэтому в христианстве в отношении к классической культуре возникло два направления. Для одних христианская вера и языческая культура были несовместимыми вещами. Типичным выразителем таких взглядов был Тертуллиан, сформулировавший свою позицию в знаменитом высказывании: «Что общего между Афинами и Иерусалимом? Что общего у Академии и Церкви?» (*Опровержение еретиков* 1.7). Написать эти строки его побудила уверенность в том, что возникновение многих тогдашних ересей было связано с попытками согласовать языческую философию с христианским вероучением.

Но не говоря даже о возможных ересьях, были люди, гордившиеся «варварскими» истоками христианства и противопоставлявшие их классической культуре и философии. Один из них – Татиан, известный ученик Юстина Мученика, который в своем «Обращении к грекам» подверг неумолимой критике все те ценности, которые греки считали незыблемыми, и выступил в защиту «варварского» христианства. «Варварами» греки называли всех, кто говорил на другом наречии, и в связи с этим Татиан указал, что у них самих нет согласия относительно правильного греческого языка, ибо в разных областях на нем говорят по-разному. Кроме того, утверждал Татиан, люди, заявляющие, что их язык представляет собой величайшее из человеческих творений, придумали также риторику, то есть искусство продавать слова тому, кто дает хорошую цену, и таким образом отстаивать неправду и несправедливость.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

По словам Татиана, все, что только есть у греков ценного, они заимствовали у варваров: астрономии они научились у вавилонян, геометрии – у египтян, письму – у финикийцев. То же относится к философии и религии, ибо писания Моисея относятся к более глубокой древности, чем сочинения Платона и даже Гомера. Следовательно, взаимосвязь культуры, называемой греческой, с «варварской» религией иудеев и христиан выражается в том, что греки научились мудрости у варваров. Что еще хуже, греки неправильно понимают мудрость «варваров» и искажают истину, известную иудеям. Таким образом, так называемая мудрость греков – просто бледное подобие или карикатурное отображение истины, которую знал Моисей, и которую проповедуют христиане.

О языческих богах Татиан упоминает и вовсе уничижительно. Гомер и другие греческие поэты рассказывают об их позорных делах, таких как прелюбодеяние, кровосмесительные связи и детоубийство. Как можно поклоняться таким богам, которые ниже нас самих? Наконец, говорит Татиан, не надо забывать, что многие статуи, которым поклоняются язычники, по сути, изображают блудниц, послуживших скульпторам моделями. Таким образом, те самые язычники, которые утверждают, что христиане принадлежат к низшим социальным слоям, фактически поклоняются людям из низших классов.

Но так рассуждали далеко не все христиане. Юстин, став христианином, не перестал быть философом, а просто взял на себя задачу разработать «христианскую философию»; и прежде всего он намеревался показать и объяснить связь между христианством и классической мудростью. Поэтому он не разделял неприязни Татиана к философии. Но это не означает, что он шел на компромиссы в вопросах веры или что у него не было твердых убеждений: когда пришло его время пострадать за веру, он не дрогнул и стал известен как Юстин Мученик.

Юстин утверждал, что между христианством и языческой философией много точек соприкосновения. Лучшие среди философов, например, говорят о Высшем Существом, которому обязано своим существованием все остальное. Сократ и Платон допускали жизнь после физической смерти, а Сократ доказал силу этого убеждения тем, как он умер. Платон знал, что за пределами видимого мира существует иная реальность, и рассуждал о другом, вечно реальном мире. По мнению Юстина, во всех этих вопросах философы по существу правы, хотя он и не всегда соглашался с конкретными положениями их учений – так, христианская надежда основывается не на бессмертии души, а скорее на воскресении тела. Но, несмотря на эти различия, Юстин полагал, что в работах философов есть проблески истины, которые невозможно объяснить просто случайным совпадением.

Чем же тогда объясняются эти отдельные согласия между философами и христианством? Ответ, полагал Юстин, надо искать в учении о Логосе. Это греческое слово означает одновременно «слово» и «разум». Согласно традиционным представлениям греческой философии, человеческий ум способен понимать реальность благодаря Логосу или всеохватывающему разуму, пронизывающему всю реальность. Например, усвоить, что два плюс два равно четырем, мы можем благодаря тому, что как в нашем сознании, так и во всем мире есть Логос, разум или порядок, согласно которому два плюс два всегда равняется четырем. И, как сказано в четвертом Евангелии, в Иисусе Логос, или Слово, стал плотью. Таким образом, по мысли Юстина, воплощение означает пришествие во плоти Логоса, или Божьего Слова.

Согласно четвертому Евангелию, Логос – это «Свет истинный, просвещающий всякого человека». Это означает, что Он был источником всякого истинного знания еще до воплощения. Павел сказал (1 Кор. 10:1-4), что древняя иудейская вера основывалась именно на Христе, раскрывшем Себя еще до воплощения. К этому Юстин добавляет, что тот же Логос был известен и язычникам, хотя они смутно представляли, что это такое. Все истинное в сочинениях Платона получено им от Божьего Логоса, того Логоса, Который воплотился в Иисусе. Следовательно, в определенном смысле Сократ,

Церковь в эпоху гонений

Платон и другие мудрецы древности «были христианами», поскольку их мудрость исходила от Христа. Но это не означает, что воплощения не требовалось, – ведь эти философы знали Логос «частично», а увидевшие Его воплощенным во Христе познали Его «полностью».

Таким образом, Юстин подготовил почву для того, чтобы христианство восприняло все ценное, что можно найти в классической культуре, несмотря на ее языческий характер. Следуя его примеру, вскоре и другие христиане начали пытаться «наводить мосты» между своей верой и античной культурой.

Учение о Логосе в трактовке Юстина создало своего рода исходную канву, в рамках которой христиане могли черпать все, что хотели, из богатых залежей классической культуры. По-прежнему, однако, сохранялась необходимость опровергать разного рода обвинения, выдвигавшиеся против христианства. Перечислить все приводившиеся доводы мы, конечно, не сможем, но некоторые примеры могут дать общее представление о характере использовавшейся апологетами аргументации.

Когда христиан обвиняли в атеизме на основании того, что у них нет видимых богов, они отвечали, что величайшие философы и поэты, в таком случае, тоже были безбожниками. В подкрепление достаточно процитировать авторов древности, утверждавших, что богов придумали люди и что у богов гораздо больше пороков, чем у тех, кто им поклоняется. По словам Аристиды, богов как раз и придумали для оправдания человеческих пороков. Распространенным доводом было также утверждение, что идолов, часто сделанных из золота и украшенных драгоценными камнями, необходимо охранять от воров. Как может защитить бог, который сам нуждается в защите? Как может быть выше людей бог, сделанный человеческими руками?

В ответ на возражения, выдвигавшиеся против учения о всеобщем воскресении, апологеты ссылались на Божье всемогущество. Коль скоро Бог создал все тела из ничего, почему Он не может сотворить их заново после их смерти и разложения?

На обвинения христиан в аморальности апологеты отвечали, что это неправда, и что аморальным поведением отличаются как раз язычники. Как можно верить, что наше богослужение сопровождается оргиями и кровосмесительными связями, если правила нашего поведения таковы, что не допускают даже порочных мыслей? Такие вещи о своих богах рассказывают как раз язычники и сами занимаются ими под видом богослужения. Как можно верить, что мы едим младенцев, если мы отвергаем кровопролитие в любой форме? Это язычники оставляют нежеланных детей на произвол судьбы, позволяя им умирать от холода и голода.

Наконец, христиан обвиняли в подрывной деятельности, поскольку они отказывались поклоняться императору и тем самым разрушали единство общества. Апологеты отвечали, что они действительно отказываются поклоняться императору или любому другому человеку, но, несмотря на это, остаются лояльными подданными империи. Императору надо не поклоняться, а служить, говорили они; и лучше всего ему служат те, кто молится за него и за империю единственному истинному Богу.

Контрольное задание

Как Вы полагаете, какие черты и подходы раннехристианской апологетики сохраняют свое значение и сегодня?

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

В заключение отметим, что сочинения апологетов свидетельствуют о сложности условий, в которых жили ранние христиане. Отвергая язычество, они вместе с тем вынуждены были считаться с тем, что именно язычество создало высокую культуру. Не отрицая, что в трудах философов заключена доля истины, они в то же время настаивали на превосходстве христианского откровения. Отказываясь поклоняться императору и даже подвергаясь гонениям со стороны властей, они продолжали молиться за императора и восхищались величием Римской империи. Эти противоречия прекрасно выражены в обращении «К Диогнету»:

«По национальности, языку и обычаям христиане не отличаются от других людей... Они живут в своих странах, но как пришельцы. Они исполняют все гражданские обязанности, но страдают как иноземцы. Они находят родину там, где живут, но их родина не относится к какому-то одному определенному месту... Они живут во плоти, но не по плоти. Они живут на земле, но как граждане неба. Они подчиняются всем законам, но живут на более высоком уровне по сравнению с требованиями закона. Они любят всех, но их все преследуют» (*К Диогнету* 5.1-11).

5. Гонения римского государства против христиан

Как уже отмечалось, римское государство первоначально не преследовало христиан и не организовывало против них репрессий. Гонения Нерона и Домициана были несистематическими и не ставили цели уничтожения христианства. Тем не менее, свидетельства II–III веков н.э. повествуют о героическом мученичестве многих христиан, подвергнувшихся преследованиям. Какой же характер носили эти преследования?

Свидетельства, относящиеся ко II веку, позволяют яснее представить себе все, связанное с гонениями и с отношением христиан к страданиям и смерти за веру. Наибольшего драматизма исполнены «Деяния (Акты) мучеников» (мартирологи), рассказывающие об аресте мучеников, суде над ними и их смерти. Некоторые из них содержат очень много заслуживающих доверия юридических деталей, которые вполне могли быть заимствованы, во всяком случае – частично, из официальных судебных протоколов. Иногда в этих «деяниях» говорится, что автор был очевидцем суда над мучеником и его смерти, и историки склонны верить, что дело происходило именно так. С другой стороны, многие из так называемых «деяний мучеников» явно написаны гораздо позднее и изобилуют фантастическими подробностями. Но так или иначе, подлинные «деяния» относятся к наиболее ценным и вдохновенным документам раннего христианства. Кроме того, об отношении христиан к мученической смерти мы узнаем и из других христианских писаний. Наибольший интерес среди них представляют, пожалуй, семь писем епископа Игнатия Антиохийского о его пути к мученичеству. Наконец, источники II века дают дополнительные сведения о том, как к новой вере относились римские власти. В этом плане много полезных сведений содержит переписка высокообразованного римского чиновника Плиния Младшего с императором Траяном.

В 111 году н.э. Плиний Младший был назначен наместником Вифинии, территории на северном побережье современной Турции. Из разных источников известно, что Плиний был справедливым человеком, глубоко уважавшим римский закон и римские традиции. Но в Вифинии он столкнулся с неожиданными трудностями. В этих краях было много христиан – так много, что, по словам Плиния, языческие храмы почти опустели, а продавцы жертвенных животных не находили новых покупателей. Когда кто-то передал новому наместнику список христиан, Плиний начал расследование, ибо знал, что эта религия незаконна.

Незаконная религия, в понимании римлян, – это религия, не получившая формального разрешения на существование со стороны Сената и, следовательно, заведомо подозрительная. Согласно Римс-

Церковь в эпоху гонений

кому праву каждый человек был обязан исповедовать какую-либо религию, атеизм находился вне закона и карался смертью. Такой подход объяснялся стремлением римлян к сакрализации государственной, прежде всего императорской власти. Последователи незаконных религий автоматически превращались в подозреваемых в антигосударственной деятельности.

Для того, чтобы разобраться с новой религией и сформировать государственный подход к ее носителям, наместник приказал приводить к нему обвиняемых и от них начал узнавать о верованиях и обычаях христиан. Многие заявляли, что они не христиане, другие говорили, что хотя какое-то время они следовали новой вере, теперь они отказались от нее. От этих людей Плиний требовал только помолиться богам, воскурить фимиам перед образом императора и проклясть Христа, так как слышал, что настоящие христиане никогда этого не сделают. После исполнения этого ритуала он их просто отпускал.

С теми же, кто упорствовал в своей вере, дело обстояло сложнее. Обычно Плиний трижды предоставлял им возможность отречься, угрожая смертной казнью. Если они отказывались, он казнил их не столько за принадлежность к христианству, сколько за упрямство. Если они были римскими гражданами, он отправлял их в Рим, как того требовал закон.

Плиний, однако, считал себя человеком справедливым, поэтому он почувствовал потребность выяснить, в каких преступлениях повинны христиане, помимо простого упрямства. Но узнал он лишь то, что христиане собираются перед рассветом, воспевая Христа «как бога», и дают обет не совершать краж, прелюбодеяний или каких-то других подобных грехов. Они также собирались на совместные трапезы, но отказались от этого обычая, когда власти запретили тайные собрания. Не будучи вполне уверенным, что он узнал всю правду, Плиний подверг пытке двух христианских служительниц. Но они лишь подтвердили уже известные ему факты.

Встал вопрос, следует ли наказывать христиан за конкретные преступления или считать преступлением уже сам факт наименования себя христианином? Не зная, какой ему придерживаться линии, Плиний приостановил расследование и обратился к императору Траяну с просьбой о дальнейших указаниях.

Ответ императора был кратким. Когда речь идет о наказании христиан, нет общего правила, которое было бы применимо во всех случаях. С одной стороны, характер их преступления таков, что государству не стоит тратить время на их розыск. С другой – если против них выдвинуто обвинение, и они от отречения отказываются, их надо наказывать. Те, кто изъявляет готовность поклоняться богам, подлежат помилованию без дополнительного расследования. Наконец, не следует принимать во внимание анонимные обвинения, ибо они – не самый лучший юридический прецедент и недостойны эпохи.

Почти сто лет спустя Тертуллиан, христианин, живший в Северной Африке, как юрист возмутился несправедливостью такого подхода, который тогда все еще практиковался:

«Какой явно противоречивый закон! Он гласит, что искать их не надо, как будто они невиновны, но в то же время повелевает наказывать их, как будто они виновны. Он говорит о помиловании, но он жесток. Зачем вы запутываете собственных цензоров? Если вы наказываете, почему не надо проводить расследования? Если вы не проводите расследования, почему вы не снимаете обвинение?» (*Апология 1.2*)

Хотя логики в решении Траяна действительно мало, нельзя сказать того же о политическом смысле его действий. Он понял, что имел в виду Плиний: сам факт принадлежности к христианам еще не есть преступление против общества или против государства. Поэтому государству не следует тратить силы на розыски христиан. Но когда им предъявляется обвинение, и они предстают перед властями, надо принуждать их поклоняться богам империи либо наказывать. В противном случае имперские суды потеряют авторитет. Иными словами, христиан наказывали не за преступления, совер-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

шенные до суда, а за проявленное ими в ходе суда неуважение к римскому государственному порядку. Тех, кто прямо отказывался поклоняться богам и божественному императору, необходимо было казнить – во-первых, потому что этого требовало достоинство судов, а во-вторых, потому что отказ поклоняться императору, по сути, подразумевал отрицание его права управлять государством.

По этим причинам еще долгое время после смерти Траяна в Вифинии и далеко за ее пределами придерживались установок, намеченных им в ответе Плинию. Во II веке и в начале III христиан специально не разыскивали, но, когда они представляли перед властями, их подвергали наказанию. Подобная политика проводилась и до обмена письмами между Плинием и Траяном, что видно из обстоятельств, сопутствующих написанию семи писем Игнатия.

Примерно в 107 году н.э. епископ Антиохии Сирийской Игнатий, человек преклонного возраста, был приговорен имперскими властями к смертной казни. В то время в Риме замыслились большие празднества в ознаменование очередной военной победы, и Игнатия отправили в столицу, где его казнь должна была стать одним из развлечений, приготовленных для народа. На пути к мученической кончине он написал семь писем, представляющих собой ценнейшие документы эпохи раннего христианства.

Игнатий родился где-то около 30 или 35 года н.э., а когда он закончил жизнь мученической смертью, ему было за семьдесят. В своих письмах он неоднократно называет себя «богоносцем», что подразумевает его известность под этим именем и свидетельствует о высоком уважении, которым он пользовался среди христиан. Гораздо позднее, слегка изменив греческий текст его писем, об Игнатии стали говорить как о «рожденном Богом», и родилась легенда, что он был тем самым ребенком, которого Иисус призвал и поставил среди учеников (ср. Мк. 9:36-37). Как бы там ни было, к началу II века Игнатий, будучи епископом одной из самых старых церквей, Антиохийской, пользовался несомненным авторитетом во всем христианском братстве.

Нам ничего не известно ни об аресте и суде над Игнатием, ни о том, кто выдвинул против него обвинение. Из его писем явствует, что в среде христиан Антиохии было несколько фракций, и что епископ твердо противостоял учениям, которые считал еретическими. Неясно, было ли обвинение выдвинуто язычником или раскольником из числа христиан, стремившимся погубить его. Во всяком случае, по той или иной причине Игнатия арестовали, судили и приговорили к смертной казни в Риме.

По дороге в Рим Игнатий и сопровождавшие его стражники проходили по Малой Азии. Увидеться с ним хотели многие христиане. Игнатий мог встречаться и говорить с ними. У него был даже личный секретарь-христианин, записывавший под его диктовку письма. Из этого явствует, что повальных гонений в то время в Римской империи не было, и что наказывали только тех, кто представлял перед судом. Именно поэтому Игнатий мог принимать посетителей, виновных явно в том же самом «преступлении», за которое был осужден он сам.

Итогом этих встреч и стали семь посланий Игнатия. Он встретился с епископом, двумя пресвитерами и диаконом Магnezийской церкви. Из Траллы к нему пришел епископ Полибий. Ефес послал делегацию во главе с епископом Онисимом – вполне возможно, тем же человеком, о котором Павел писал Филимону. Всем этим церквам Игнатий отправил письма из Смирны. Затем в Троаде он написал остальные письма: одно – церкви в Смирне, другое – епископу Смирны Поликарпу и еще одно – церкви в Филадельфии. Но самое содержательное письмо, помогающее нам понять сущность гонений и мученичества во II веке, – то, которое Игнатий написал из Смирны Римской церкви.

Игнатий каким-то образом узнал, что христиане в Риме ищут возможности избавить его от смертной казни. К этому он отнесся без энтузиазма. Он был готов скрепить свое свидетельство кровью, и любые попытки римских христиан спасти его помешали бы достижению этой цели. Поэтому он написал им:

Церковь в эпоху гонений

«Меня беспокоят ваши добрые намерения, которые могут повредить мне. Возможно, вам удастся осуществить ваш план. Но если вы сделаете это и оставите мою просьбу без внимания, мне будет очень трудно приблизиться к Богу».

По словам Игнатия, он хотел пройти через те же страдания, что и его Бог, то есть Иисус Христос. Готовясь принести последнюю жертву, Игнатий верил, что именно сейчас он становится подлинным учеником Христа, и поэтому просил римских христиан молиться не за его освобождение, а за то, чтобы у него хватило сил выдержать любые испытания: «чтобы я смог не только называться христианином, но и вести себя как христианин... Моя любовь пригвождается к дереву... Я уже чувствую не вкус тленной пищи... но вкус Божьего хлеба, который есть Тело Иисуса Христа... я хочу пить Его кровь, которая есть вечный напиток... Благодаря страданиям, я буду свободным в Иисусе Христе и вместе с Ним воскресну в свободе... Я есть Божье пшеничное зерно, которое будет перемолото зубами хищных зверей, чтобы стать чистым хлебом Христовым». Именно мученическая смерть делает христианина свидетелем:

«Если вы будете молчать обо мне, я стану словом Божьим. Но если вы позволите себе поддаться чувству любви к моей плоти, я останусь просто человеческим голосом». (Игнатий, *Римлянам* 1.2-2.1).

Вскоре после этого епископ Смирны Поликарп написал христианам в Филиппах, интересуясь судьбой Игнатия. Ответ филиппийцев не сохранился, но, по всей вероятности, Игнатий, как он и ожидал, был казнен по приезду в Рим.

О мученичестве Игнатия известно очень мало, однако гораздо больше сведений сохранилось о смерти его молодого друга Поликарпа, чье время пришло почти полвека спустя. Шел 155 год, по-прежнему проводилась политическая линия, о которой Траян писал Плинию. Специально розыском христиан не занимались, но когда им предъявлялось обвинение, и они отказывались поклоняться богам, их наказывали.

О событиях в Смирне нам известно от автора, который утверждает, что был их свидетелем. Дело началось с того, что перед властями предстала группа христиан, которые все до одного отказались поклоняться богам. Несмотря на жесточайшие пытки, они оставались твердыми в вере – как говорится в рассказе, «полагаясь на Христа, они не обращали внимания на мирские боли». Когда перед судом предстал пожилой христианин по имени Германик, ему сказали, что ввиду его преклонного возраста он должен отречься, чтобы избежать пыток и мучительной смерти. На это он отвечал, что у него нет больше желания жить в мире, в котором вершатся такие несправедные дела. И чтобы доказать, что его слова – не пустой звук, он сам попросил привести хищников, чтобы они растерзали его. Этот мужественный поступок вызвал еще больший гнев толпы, раздались возгласы: «Смерть безбожникам!» (то есть тем, у кого нет видимых богов) и «Приведите Поликарпа!».

Узнав, что его разыскивают, старый епископ последовал совету своей паствы и несколько дней скрывался. Потом он сменил убежище, но все равно был обнаружен. Поликарп решил, что его арест – воля Божья: он не стал больше прятаться и спокойно ждал, когда за ним придут. Председательствовавший на суде проконсул увещевал его, настоятельно советовал подумать о своем почтенном возрасте и вознести хвалу императору. Когда Поликарп отказался, судья приказал ему крикнуть: «Долой безбожников!» И Поликарп, показав на окружающую его толпу, сказал: «Да. Долой безбожников!» Судья продолжал настаивать и обещал, что если он даст клятву именем императора и проклянет Христа, то получит свободу. Но Поликарп ответил: «Я служу Христу восемьдесят шесть лет, и за эти годы Он не сделал мне ничего плохого. Как я могу проклинать спасшего меня Царя?»

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Диалог продолжался. Когда судья пригрозил сжечь его заживо, Поликарп ответил, что огонь, зажженный судьей, будет гореть лишь мгновение, а вечная жизнь не кончается никогда. Наконец, когда его привязали к столбу, чтобы сжечь на костре, он устремил взор к небу и вознес молитву: «Владыко Боже... благодарю, что Ты счел меня достойным этого мгновения, чтобы я смог вместе с другими Твоими мучениками разделить чашу Христову... За это... я благословляю и прославляю Тебя. Аминь» (*Мученичество Поликарпа 14*).

Много лет назад Игнатий Антиохийский призывал молодого епископа Поликарпа достойно исполнять епископские обязанности и быть твердым в вере. Теперь Поликарп подтвердил, что он внял каждому слову своего учителя и достойно последовал его примеру.

В этом рассказе есть одна важная деталь – когда Поликарп узнал, что его разыскивают, он скрывался и прятался. Упоминается в нем и о том, что некий Квинт, сам предложивший себя в мученики, в последний момент проявил слабость и отрекся от веры. Эти подробности имели важное значение для тех первых христиан, которые полагали, что человек не сам избирает себе мученическую кончину – его избирает Бог. Избранные укреплялись Христом, страдавшим вместе с ними, и поэтому могли мужественно переносить испытания. Их стойкость исходила не от них самих, а от Бога. Те же, кто проявляли поспешность и сами обрекали себя на смерть («добровольцы»), были лжемучениками, и Христос оставлял их.

Но не все христиане соглашались с автором «Мученичества Поликарпа», и добровольные мученики известны в течение всего периода гонений. Действия тех из них, кто сохранял стойкость до конца, у многих встречали одобрение. Это подтверждает другой документ той эпохи – «Апология» Юстина Мученика, где рассказывается, что во время суда над неким христианином два человека выступили в его защиту, и все трое стали мучениками. Излагая эту историю, Юстин и мысли не допускает, что мученичество двух «добровольцев» исполнено меньшей духовной силы, нежели мученичество человека, которого привлекли к суду.

Марк Аврелий, ставший императором в 161 году н.э., был одним из самых просвещенных умов своего времени. В отличие от Нерона и Домициана, он не был властолюбив и тщеславен. Человек утонченный, он оставил после себя сборник «Размышлений», которые писал для себя и которые признаны литературным шедевром античной эпохи. В этом сочинении «философ на троне» рассказывает о том, на каких идеалах он пытался строить управление обширной империей:

«С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, приветливо, благородно, справедливо, доставив себе досуг от всех прочих представлений. А доставишь, если станешь делать всякое дело будто последнее в жизни, удалившись от всего случайного и не отвращаясь под влиянием страсти от решающего разума, вдали от притворства, себялюбия, неприятия сопутствующих ударов судьбы» (*Размышления, 2.5*).

Казалось бы, при таком императоре для христиан должен был наступить период относительно спокойствия. Но, исповедуя столь возвышенные идеалы управления, тот же самый император отдавал приказы о гонениях против христиан. В единственном месте «Размышлений», где упоминается о христианстве, император восхваляет души, которые не цепляются за жизнь, когда приходит время, а готовы расстаться со своими телами, и затем пишет, что такое отношение достойно похвалы только в том случае, если оно определяется разумом, а не «упрямством, как у христиан».

Более того, этот просвещенный император, как дитя своего времени, был суеверным человеком. Он постоянно обращался за советом к провидцам и перед принятием любого важного решения совершал жертвоприношения. В первые годы его правления казалось, что вторжениям, потопам, эпидемиям и другим

Церковь в эпоху гонений

напастям не будет конца. Вскоре бедам нашлось объяснение – во всем виноваты христиане, именно они навлекают на империю гнев богов. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что император мыслил именно так, но, как бы там ни было, он всецело поддерживал гонения и способствовал возрождению старой религии. Возможно, как и Плиний, самым большим недостатком христиан он считал их упрямство.

В одном из самых поучительных документов тех лет рассказывается о мученичестве вдовы Фелиции и семи ее сыновей. Фелиция была одной из посвященных вдов, то есть женщиной, отдававшей все свое время работе в церкви, которая в свою очередь поддерживала ее материально. Ее работа вызывала недовольство языческих жрецов, которые решили положить этому конец, выдвинув против нее обвинение перед властями. Префект пытался убедить ее отказаться от веры сначала с помощью обещаний, затем – угроз, но она ответила, что он напрасно теряет время: «Пока я живу, я буду поражать вас, а если вы убьете меня, моя смерть станет для вас еще более сильным поражением». Затем римский чиновник попытался убедить ее сыновей. Но она помогла им сохранить стойкость, и ни один из них не отступил перед страшными и жестокими угрозами. В конечном счете, протокол следствия был отправлен Марку Аврелию, и тот приказал казнить их в разных частях города – вероятно, для умиротворения разных богов.

Другой жертвой этих гонений стал упоминавшийся выше философ Юстин. В публичном диспуте он одержал верх над известным языческим философом, и, по некоторым сведениям, именно этот философ выдвинул против него обвинение. В итоге, Юстин погиб мученической смертью в Риме, хотя «Акты» его мученичества были написаны гораздо позднее, и содержащиеся в них детали нельзя считать вполне достоверными.

Еще кое-что об этих гонениях мы узнаем из письма, отправленного церквями Лиона и Вьенны в Галлии братьям-христианам во Фригии и Малой Азии. Похоже, что в этих городах христианам сначала всего лишь запрещалось посещать общественные места. Но затем толпы людей начали преследовать их на улицах, выкрикивая угрозы и забрасывая камнями. В конце концов нескольких христиан арестовали и привели к наместнику для суда. Там из толпы вышел некий Ветий Эпагат, заявивший, что он хочет защищать христиан. На вопрос, принадлежит ли он сам к их числу, он ответил утвердительно и был включен в группу обвиняемых.

В письме говорится, что гонения грянули неожиданно, «как гром среди ясного неба», поэтому многие не были к ним готовы. Некоторые христиане проявили слабость и «покинули лоно церкви, как выкидьши».

Остальные, однако, держались стойко, что вызывало еще больший гнев наместника и толпы. Их начали пытать. Некий Санкт под пытками отвечал лишь: «Я – христианин». Его продолжали пытать, но ничего кроме этих слов так и не услышали. Вдохновленные этим и другими свидетельствами мужества, некоторые из тех, кто отрекся, вернулись к вере и приняли мученическую смерть. В письме точно не сообщается, сколько христиан погибло, говорится лишь, что в месте их заточения была такая давка, что мученики умирали от удушья, прежде чем палачи успевали прийти за ними.

Это – только несколько примеров того, что происходило в царствование просвещенного Марка Аврелия. Сохранились и другие рассказы о мучениках. Мы вправе предположить, что в дошедших до нас документах описывается лишь малая толика того, что творилось не только в Риме, но и во всей империи.

Марк Аврелий умер в 180 году, и его сменил его сын Коммод, начавший совместное правление с отцом за восемь лет до его смерти. Хотя Коммод и не издавал никаких эдиктов, отменявших гонения, во время его царствования буря стихла, и число мучеников было относительно небольшим. После смерти Коммода наступил период гражданской войны, и на христиан не обращали внимания из-за более насущных вопросов. Наконец, в 193 году н.э. властителем империи стал Септимий Север. Первое время жизнь христиан под его управлением была спокойной. Но затем и его имя пополнило растущий список гонителей церкви. Было это уже в начале III века.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Итак, на протяжении всего II века положение христиан оставалось шатким и опасным. Гонения свирепствовали не непрерывно. Временами в одних частях империи христиан преследовали, но зато не трогали в других. Поскольку в соответствии с общей линией, обозначенной императором Траяном, христиан специально не искали, но принуждали к отречению или наказывали, когда они представляли перед властями, важную роль играла добрая воля окружающих их людей.

В начале III века царствующему императору Септимию Северу удалось положить конец серии гражданских войн, ослабивших империю. Но управлять такой обширной и непокорной территорией все равно было трудно. «Варвары», жившие за Рейном и Дунаем, оставались постоянной угрозой. Внутри самой империи были группы инакомыслящих, и сохранялась опасность, что какой-нибудь легион взбунтуется и провозгласит «своего императора», спровоцировав тем самым новую гражданскую войну. Перед лицом таких угроз император считал за лучшее добиться религиозного согласия и единства на всей территории и начал проводить политику синкретизма. Он хотел объединить всех своих подданных в поклонении *Sol invictus* – «Непобедимому Солнцу» – и связать этим культом все прежние религиозные и философские течения. Теперь в империи допускались любые божества при условии признания первенства Солнца, царствующего над всем.

Вскоре эта политика столкнулась с упорным сопротивлением двух групп, отказывавшихся принять синкретизм: иудеев и христиан. Тогда Септимий Север решил остановить распространение этих двух религий и под страхом смертной казни запретил обращение в христианство и иудаизм. Так губительные для христиан последствия законодательства Траяна дополнились еще одним, новым положением.

Прямым результатом данной политики стало усиление гонений на местах: к арестам по доносам добавились целенаправленные преследования новообращенных и их учителей. Таким образом, 202 год, когда вышел эдикт Септимия Севера, стал важной вехой в истории гонений. Согласно одному из преданий, именно в этом году мученически погиб св. Ириней Лионский. Тогда же в Александрии была казнена группа христиан, в которую входил отец Оригена Леонтий. Поскольку Климент Александрийский был известным христианским учителем в этом городе, а императорский эдикт был в первую очередь направлен против тех, кто приводил новообращенных к вере, ему пришлось искать убежища в местах, где его знали меньше.

Наиболее известные мученики этого периода – Перпетуя и Фелицитата, погибшие, по-видимому, в 203 году. Вполне вероятно, что Перпетуя и ее товарищи были монтанистами (апокалиптическое и харизматическое течение в христианстве, к которому в последний период своей жизни присоединился видный апологет Тертуллиан), и что рассказ об их мученичестве принадлежит перу Тертуллиана. Во всяком случае, мучениками были пять катехуменов, то есть пять человек, готовившихся к крещению. Это согласуется с тем, что известно о политике Септимия Севера. Эти пять человек – некоторые из них совсем юные – обвинялись не в принадлежности к христианству, а в недавнем обращении в христианство и нарушении тем самым императорского эдикта.

Главная героиня «Мученичества святых Перпетуи и Фелицитаты» – Перпетуя, молодая, состоятельная женщина, имевшая ребенка грудного возраста. Ее товарищами были рабы Фелицитата и Ревокат, а также два молодых человека, звавшиеся Сатурнин и Секундул. Значительная часть текста «Мученичества» вложена в уста Перпетуи, и, по мнению некоторых исследователей, многие из этих слов могли действительно принадлежать ей. Когда Перпетую и ее товарищю арестовали, отец попытался убедить ее отречься от веры и спасти свою жизнь. Она ответила, что у всего есть свое имя, и что попытки дать какое-то иное имя бессмысленны, она же называется христианкой, и изменить это невозможно.

Судебный процесс был долгим. По всей видимости, судьи надеялись убедить обвиняемых отречься от веры. Фелицитата, которая была беременной, опасалась, что из-за этого ей сохранят жизнь или отложат

Церковь в эпоху гонений

казнь, и она не сможет разделить участь своих товарищей. Но в «Мученичестве» говорится, что ее молитвы получили ответ, и что на восьмом месяце она родила девочку, которую затем удочерила другая христианка. Увидев ее мучения при родах, тюремщики спросили, как же она надеется выдержать испытание, когда предстанет перед хищниками на арене. Ее ответ в полной мере отражал понимание мученичества: «Сейчас я страдаю сама по себе. Но когда я предстану перед хищниками, во мне будет жить и страдать со мной Тот, за Кого буду страдать я» (*Мученичество Перпетуи и Фелицитаты 5.3*).

Затем в «Актах» сообщается, что первыми на арену вывели трех мужчин. Сатурнин и Ревокат погибли быстро и храбро. Но ни один хищник не хотел бросаться на Секундула. Одни просто отказывались подходить к нему, другие бросались на воинов. В конце концов Секундул сам предсказал, что его должен убить леопард. Так оно и произошло.

На Перпетую и Фелицитату натравили свирепую корову. Побитая и израненная животным, Перпетуя попросила разрешения поправить волосы, так как распущенные волосы – знак траура, а у нее сегодня счастливый день. Наконец, когда две истекающие кровью женщины, стоя в центре арены, простились друг с другом поцелуем мира, их убили мечом.

Вскоре после этого по не совсем ясным причинам гонения ослабли. Отдельные всплески наблюдались в разных концах империи, но в целом эдикт Септимия Севера не выполнялся. В 211 году, когда Септимия Севера сменил Каракалла, гонения на короткий период возобновились, но они были недолгими и ограничивались главным образом Северной Африкой.

Следующие два императора, Элагабал (218-222) и Александр Север (222-235), продолжали политику синкретизма, схожую с политикой Септимия Севера. Но они не пытались заставить иудеев и христиан принять синкретизм или помешать им приводить в свою общину новообращенных. Говорят, что на личном алтаре Александра Севера, наряду с изображениями различных богов, были образы Христа и Авраама. Его мать Юлия Мамея слушала лекции Оригена в Александрии.

При императоре Максимине очень короткий всплеск гонений произошел в Риме. Церковь этого города в то время была расколотой, и двух епископов-соперников, Понтиана и Ипполита, отправили работать на рудники. Но буря опять утихла, и ходил даже слух (впрочем, скорее безосновательный), что Филипп Араб, правивший с 244 по 249 год, был христианином.

Итак, в течение почти полувека гонения были редкими, а число обращенных в христианство увеличивалось. В глазах этого поколения христиан мученики были достойны восхищения, но они отныне принадлежали прошлому, а возврат к тем злым временам казался маловероятным. С каждым днем появлялось все больше христиан среди аристократов, и слухи об аморальности христиан уже не пользовались доверием в обществе. Гонения стали достоянием истории – тяжелой, но славной.

И вдруг разразилась буря: в 249 году пурпурную мантию императора надел Деций. Христианские историки обычно изображают его жестоким человеком, но на самом деле Деций был просто римлянином старой закалки, мечтавшим о возрождении былой славы Рима. Закату этой славы, по его мнению, способствовало несколько факторов. Варвары становились все более агрессивными, а их набеги в пределы империи все более дерзкими. Налицо был серьезный экономический кризис. И, наконец, древние религиозные традиции, связанные с классическим периодом римской цивилизации, предавались забвению.

Римскому консерватору, каким был Деций, казалось очевидным, что одна из причин всего этого заключалась в отходе народа от поклонения древним богам. Когда все поклонялись богам, дела шли лучше, а слава и мощь Рима возрастали. Пренебрежение к богам вызвало их недовольство, и они в свою очередь начали пренебрегать «вечным городом». Поэтому для возрождения былой славы Рима необходимо возродить прежнюю религию. Если все подданные империи будут поклоняться богам, возможно, они вновь будут благосклонно относиться к империи.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Таким было основание религиозной политики Деция. Речь шла уже не об обвинениях христиан в аморальности и не о наказании за упрямство тех, кто отказывается поклоняться императору, а о полномасштабной религиозной кампании за возрождение религии предков. В глазах Деция на карту было поставлено само выживание Рима. Отказ поклоняться богам фактически приравнялся к государственной измене.

При такой постановке вопроса гонения при Деции весьма отличались от предшествующих. Императору нужны были не мученики, а отступники. Почти за пятьдесят лет до этого Тертуллиан заявил, что кровь мучеников подобна семеню, ибо чем больше ее проливается, тем больше становится христиан. Публичные казни христиан в те годы подвигли к вере многих, кто наблюдал за ними, и поэтому гонения фактически даже способствовали распространению христианства. Если же христиан не убивать, а принуждать к отречению, это будет способствовать возрождению язычества. Именно такой и была цель Деция.

Эдикт Деция не сохранился, но совершенно ясно, что речь в нем шла не о преследовании христиан как таковых, а о введении обязательного поклонения богам на территории всей империи. Во исполнение императорского указа каждый должен был принести жертву богам и воскурить фимиам перед бюстом императора. Тем, кто подчинялся этому требованию, выдавалось письменное свидетельство, удостоверяющее их лояльность. Те же, у кого не было такого свидетельства, считались людьми вне закона, не подчинившимися власти императора.

Христиане не были готовы к новому вызову, брошенному императорским указом. Поколения, жившие под постоянной угрозой гонений, отошли в прошлое, а новое поколение не было готово принять мученичество. Одни быстро подчинялись распоряжению императора. Другие какое-то время проявляли стойкость, но затем, представ перед властями, соглашались принести требуемую жертву богам. Третьи, не совершая поклонения богам, приобретали свидетельства незаконно. Но немало было и тех, кто сохранял твердость и отказывался подчиниться императорскому эдикту.

Цель Деция заключалась в распространении поклонения богам, а не в уничтожении христиан, поэтому мученическую смерть приняли относительно немногие. Власти обычно арестовывали христиан, а затем с помощью обещаний, угроз и пыток пытались принудить их отказаться от веры. Во исполнение такой политики был брошен в тюрьму и подвергнут пыткам Ориген. Подобную участь разделили и сотни других людей по всей империи. Гонения из sporadических и местных стали систематическими и всеобъемлющими. Доказательством повсеместного применения императорского указа служат свидетельства о принесении жертвы, исходящие из самых разных, достаточно отдаленных друг от друга регионов империи.

Одним из результатов Дециевых гонений стало появление в Церкви нового почетного титула – «исповедник». До того времени практически все арестованные и оставшиеся стойкими христиане были обречены на смерть. Те же, кто приносил жертву богам и императору, становились отступниками. Однако благодаря политике, проводившейся Децием, теперь появились люди, не отрекшиеся от веры даже под самыми жестокими пытками, но, тем не менее, не приговоренные к смертной казни. Тех, кто сохранил веру при таких обстоятельствах, стали называть «исповедниками», и они пользовались высоким уважением в христианской общине.

Гонения Деция продолжались три года. Император Галл, сменивший его в 251 году, отказался от политики предшественника. Шесть лет спустя император Валериан, бывший соратник Деция, начал новые преследования, но вскоре он попал в плен к персам, и Церковь получила еще сорок лет относительного спокойствия.

Несмотря на кратковременность, гонения Деция стали тяжким испытанием для Церкви, прежде всего, с точки зрения их последствий. В тот момент перед христианской общиной встал большой вопрос – что делать с «малодушными», то есть с теми, кто так или иначе проявил слабость во время гонений. Дело осложнялось несколькими факторами. Во-первых, не все пали в одинаковой степени. Тех,

Церковь в эпоху гонений

кто сразу побежал приносить жертву, как только узнал об императорском указе, вряд ли можно было приравнивать к тем, кто приобретал незаконные свидетельства или проявил временную слабость, а затем вновь заявил о своей вере и просил вернуть его в ряды Церкви, когда гонения еще продолжались.

Во-вторых, учитывая высокий авторитет исповедников, многие полагали, что именно они должны определять, кого из малодушных можно вернуть в церковь, а кого – нет, и на каких условиях это можно сделать. Некоторые исповедники, в частности в Северной Африке, стали пользоваться этими прерогативами по собственной инициативе и восстанавливать в церкви малодушных. Их действия встретили сопротивление многих епископов, заявлявших, что только церковная иерархия имеет право восстанавливать в церкви, и что только она может делать это канонически правильно и беспристрастно. Высказывалось также мнение, что как исповедники, так и епископы проявляют слишком большую снисходительность, и что к малодушным надо относиться строже.

В дискуссиях на эту тему ведущую роль играли два человека: Киприан и Новациан.

Киприан стал христианином в возрасте около сорока лет, и вскоре после этого его избрали епископом Карфагена. В богословском плане он придерживался взглядов Тертуллиана, которого называл своим «учителем». Как и Тертуллиан, он учился риторике и своей аргументацией легко брал верх над оппонентами. Его сочинения стоят в ряду лучших произведений христианской литературы того времени.

Киприан, ставший епископом незадолго до начала гонений, полагал, что его долг заключается в том, чтобы вместе с другими руководителями церкви укрыться в безопасном месте и оттуда поддерживать связь с паствой и указывать ей путь посредством переписки. Как и следовало ожидать, многие сочли это решение проявлением трусости. В частности, миряне и духовенство римской церкви, потерявшей в ходе гонений своего епископа, написали Киприану письмо, поставив под сомнение правильность его решения. Он же, со своей стороны, утверждал, что укрывался не из трусости, а для блага паствы. Его мужество и верность убеждениям получили наглядное подтверждение несколько лет спустя, когда он принес свою жизнь в жертву, став мучеником. Но до того его авторитет был поставлен под сомнение, и многие утверждали, что исповедники, пострадавшие за веру, обладают в Карфагене большими полномочиями, чем «сбежавший епископ», особенно если речь идет о восстановлении малодушных в церкви.

Многие исповедники придерживались мнения, что малодушных надо принимать автоматически, не требуя от них ничего, кроме заявления о покаянии. Вскоре в поддержку исповедников выступили некоторые пресвитеры, у которых были свои причины для недовольства епископом, и в результате в карфагенской церкви и в близлежащих районах произошел раскол. Тогда Киприан созвал синод – то есть собрание епископов подведомственных ему территорий, – который постановил, что те, кто купил или каким-то другим образом приобрел свидетельство о принесении жертвы, на самом деле не принося жертвы, должны быть немедленно приняты в церковь. Те, кто все-таки принес жертву, могут вернуться в церковь только на смертном одре или в том случае, если новые гонения дадут им возможность доказать искренность их покаяния. Тех же, кто принес жертву и не раскаялся в этом, принимать нельзя ни в коем случае. Все решения должны приниматься епископами, а не исповедниками. Это положило конец неопределенности, но какое-то время разногласия сохранялись.

На необходимости установления определенных правил для восстановления в церкви малодушных Киприан настаивал главным образом исходя из своего понимания природы Церкви. Церковь – Тело Христово, и она станет соучастницей победы ее Главы. Поэтому «вне Церкви нет спасения», и «никто не может считать Бога Отцом, если не считает Церковь матерью». Средоточие же Церкви и гарантию ее целостности Киприан видел в епископском служении. Каждый епископ – это преемник святого Петра, «камень», на котором Господь строит Свою Церковь. Признание за

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

исповедниками некоего канонического (а не только морального) авторитета означало бы размывание положенного Богом «фундамента», а этого нельзя было допустить ни в коем случае. Учитывая этот, характерный для св. Киприана подход, историки видят в нем предтечу позднейшего «клерикализма», в большей мере свойственного именно Западной Церкви.

Кроме того, Киприан был почитателем Тертуллиана, чьи произведения усердно штудировал. Ему импонировала высокая требовательность Тертуллиана, и к тому, что отступников так легко возвращают в церковь, он относился с возмущением. Церковь должна быть сообществом святых, и в ней нет места идолопоклонникам и предателям.

Новациан придерживался еще более строгих взглядов, чем Киприан. У него произошел конфликт с римским епископом Корнилием, по его мнению, слишком легко принимавшим в церковь малодушных. Ранее в том же самом городе аналогичный спор возник между известным богословом Ипполитом и епископом Калликстом. Суть спора свелась к тому, что Калликст выступал за прощение раскаявшихся блудников и блудниц, а Ипполит против этого протестовал. Тогда их разногласия привели к расколу, и в Риме появилось два епископа. В результате выступления Новациана произошло то же самое. Как и во многих других случаях, спор шел о том, что именно – чистота или всепрощающая любовь – должна стать главной отличительной чертой Церкви. Раскол, спровоцированный Ипполитом, продолжался недолго, идеи же, высказанные Новацианом, сохраняли влияние на протяжении жизни нескольких поколений.

Из всего сказанного следует, что восстановление отпавших было одной из основных спорных проблем Западной Церкви уже в самом начале ее существования. Вопрос о том, как надо относиться к крещеным, но согрешившим христианам, не раз вызывал в ней разногласия и в дальнейшем. В итоге сложилась сложная система покаяний за прегрешения, господствовавшая в Католической Церкви на протяжении многих последующих веков.

Контрольное задание

В чем были принципиальные отличия гонений Деция от прежних гонений, и каковы были их последствия?

После гонений Деция и Валериана Церковь получила долгий период относительного спокойствия. Но в начале IV века вспыхнули последние и самые тяжелые гонения. Императором тогда был Диокле-тиан, реорганизовавший империю и добившийся нового ее процветания. Реформы Диоклетиана заключались, в частности, в передаче управления в руки четырех императоров (поскольку этого требовали эффективность и оперативность принятия решений). Двое из них носили титул «августа»: сам Диоклетиан на Востоке и Максимиан на Западе. В подчинении у каждого из них находился «младший император», носивший титул «кесаря»: Галерий у Диоклетиана и Констанций Хлор у Максимиана. Благодаря политическим и административным способностям Диоклетиана такая система разделения полномочий функционировала достаточно слаженно, пока верховная власть оставалась в его руках. Но главной целью реформы было установление четкого порядка престолонаследия: по замыслу Диоклетиана, «кесарь» должен

Церковь в эпоху гонений

был сменять своего «августа», и одновременно из числа достойных людей должен был назначаться его преемник на освободившуюся «вакансию» кесаря. Тем самым Диоклетиан рассчитывал предотвратить гражданские войны, потрясавшие империю из-за отсутствия в государстве системы преемственности власти и невозможности реально контролировать из одного центра ее громадную территорию.

Благодаря этим реформам под управлением Диоклетиана жизнь в империи текла относительно спокойно и благополучно. Если не считать отдельных стычек на границах, крупные военные кампании пришлось вести только Галерию: одну на Дунае, а другую – против персов. Судя по всему, из четырех императоров только Галерий проявлял признаки враждебности по отношению к христианству. Жена Диоклетиана Приска и их дочь Валерия были христианками. Казалось, что спокойной жизни церкви ничто не угрожает.

Первые трудности возникли, по-видимому, в армии. В вопросе о военной службе среди христиан не было общего согласия. Большинство церковных деятелей того времени полагало, что христиане не должны быть воинами, тем не менее в легионах служило много верующих. Примерно в 295 году нескольких христиан приговорили к смертной казни, одних – за отказ служить в армии, а других за попытку дезертирства. В таком отношении в военной службе Галерий усмотрел серьезную опасность, ибо в критический момент христиане вполне могли отказаться выполнять армейские приказы. Поэтому для поддержания боевого духа в армии Галерий убедил Диоклетиана изгнать из легионов всех христиан. Эдикт Диоклетиана не предусматривал для христиан никаких других наказаний, кроме удаления из армии. Но в некоторых местах, по-видимому, из-за служебного рвения офицеров, не желавших сокращения находившихся в их подчинении воинских подразделений, предпринимались попытки принудить христиан отречься от своей веры. В результате выносились смертные приговоры, причем все эти инциденты имели место в Дунайской армии, которой командовал Галерий.

Под влиянием этих событий предубеждение Галерия против христиан росло, и наконец в 303 году он убедил Диоклетиана издать против них еще один эдикт. Но и в нем речь шла не о казнях христиан, а об удалении их с ответственных должностей в империи. Предписывалось уволить христиан со всех управленческих постов и уничтожить все христианские здания и книги. Вначале более суровых мер не предпринималось. Но вскоре конфликт стал разрастаться, так как многие христиане отказывались отдавать свои свитки Священного Писания, и в таких случаях их подвергали пыткам и приговаривали к смертной казни.

Затем в императорском дворце дважды вспыхнул пожар. Христиане были обвинены в поджоге в отместку за разрушение их зданий и сожжение их книг. Гнев Диоклетиана не заставил себя долго ждать, и вышло распоряжение, предписывающее всем христианам при императорском дворе принести жертвы языческим богам. Приска и Валерия подчинились, но управляющий двором Дорофей и еще несколько человек приняли мученическую смерть. По всей империи молитвенные дома и свитки Священного Писания предавались огню, а кое-где чрезмерно усердные должностные лица следовали примеру императора и предавали самих христиан смерти. Единственным местом, где сохранялась чуть более спокойная обстановка, была территория под управлением Констанция Хлора: там гонения ограничивались разрушением церковных зданий.

Обстановка накалялась. Кое-где начались волнения, и Диоклетиан решил, что христиане замышляют против него заговор. Он распорядился арестовать всех епископов, а затем издал указ, предписывавший всем без исключения христианам принести жертвы римским богам.

Так начались самые жестокие из всех гонений, которым подвергалась ранняя Церковь. По примеру Деция предпринимались попытки убедить христиан отречься от веры. Многие христиане, привыкшие к относительной свободе последних десятилетий, уступали давлению. Остальных пытали, а затем разными способами казнили. Кое-кому удалось скрыться, а некоторым и взять с собой Священные книги.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Между тем, Галерий настойчиво добивался всей полноты власти в империи. В 304 году Диоклетиан тяжело заболел и, хотя остался жив, почувствовал себя слабым и усталым. Галерий явился к нему и убедил его отречься от престола. Он также добился отречения Максимиана, пригрозив вторгнуться на его территорию со своей явно более сильной армией. В 305 г. Диоклетиан и Максимиан официально сложили с себя полномочия, а Галерий и Констанций Хлор приняли титулы «августа». Двумя кесарями при них стали Север и Максимин Дайя – ни на что неспособные креатуры Галерия. Однако эти перестановки вызвали настороженность во многих легионах, где большей популярностью пользовались Константин и Максенций – сыновья Констанция и Максимиана. Константина держали заложником при дворе Галерия, дабы обеспечить лояльность Констанция Хлора. Но тому удалось бежать, и он присоединился к своему отцу. Когда Констанций умер, войска отказались подчиняться распоряжениям Галерия и провозгласили Константина своим августом. Тем временем Максенций захватил Рим, и Север, управлявший древней столицей, покончил жизнь самоубийством. Галерий вторгся на территории, которые занимал Максенций, но его войска начали переходить на сторону противника, и он был вынужден вернуться в восточную часть империи, где пользовался большей поддержкой. В конце концов Галерий обратился к Диоклетиану с просьбой вернуться к делам и восстановить порядок. Диоклетиан же заявил, что его вполне устраивает выращивать капусту на покое, и отказался принять управление империей, хотя и изъявил готовность провести необходимые переговоры между враждующими сторонами. В конечном итоге, был предложен не лучший выход, предусматривающий провозглашение нового «августа» – Лициния. Тем временем Константин, сын Констанция Хлора, ждал своего часа и укреплял позиции на своих территориях в Галлии и Британии.

В этом политическом хаосе гонения продолжались, хотя их размах сильно зависел от политики, проводившейся разными императорами в разных частях государства. На Западе власть была в руках Константина и Максенция, которые фактически игнорировали указы против христиан, считая их делом рук своего противника Галерия. Галерий и его главный ставленник Максимин Дайя продолжали преследовать христиан. Максимин пытался ужесточить политику Галерия, калеча христиан и отправляя их на работы в каменоломни. Но многие осужденные создавали новые церкви в местах заключения, и Максимин приказывал убивать их или отправлять в другие места ссылки. Список мучеников становился все длиннее, и конца ему не было видно.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Галерий тяжело заболел, и, возможно, под влиянием тайных христиан из своего окружения, настаивавших, что происшедшее – это кара Божья, нехотя решил сменить политику. 30 апреля 311 года он провозгласил:

«Среди мер, принятых нами на благо и пользу народов, сначала решили мы восстановить вес у римлян, согласно древним законам и общественным установлениям, заботясь о том, чтобы христиане оставили учение своих предков и образумились... Поэтому и последовало наше им постановление вернуться к установлениям предков; очень многие из них подверглись смертельной опасности, большое число было потревожено и умерло разной смертью. Увидев, что многие, пребывая в своем безумии, не воздают подобающего поклонения ни богам небесным, ни Богу христиан, мы, по нашему человеколюбию и неизменной привычке даровать всем прощение, решили незамедлительно распространить наше снисхождение и на христиан: пусть они остаются христианами, пусть строят дома для своих собраний, не нарушая только общественного порядка. В другом послании мы объясним судьям, что им надлежит соблюдать. И в соответствии с этим разрешением христиане должны молиться своему Богу о благоденствии нашем, всего

Церковь в эпоху гонений

государства и своем собственном: да будет все хорошо в государстве, и да смогут они спокойно жить у своего очага» (Евсевий Кесарийский, *Церковная история* 8.17.6-10).

Таким был эдикт, положивший конец самым жестоким преследованиям Церкви в Римской империи. Вскоре тюремные ворота раскрылись, и из них вышло множество людей, несших на себе следы пыток и рассматривавших свое освобождение как вмешательство свыше.

Галерий умер через пять дней после издания эдикта, и христианский историк Лактанций, утверждавший, что гонители христиан неизбежно умирают ужасной смертью, написал, что он покался слишком поздно.

Затем империю поделили Лициний, Максимиан Дайя, Константин и Максенций. Трое первых признали власть друг друга, а Максенция объявили узурпатором. Что касается политики по отношению к христианам, лишь Максимиан Дайя пытался возобновить гонения, которые прекратил Галерий.

Но близилась коренная перемена, положившая конец всем преследованиям. Константин, в ходе предшествовавших интриг и гражданских войн занимавшийся в основном политическими махинациями, развернул кампанию, сделавшую его в конечном счете хозяином империи. Внезапно, когда этого меньше всего ожидали, он собрал войска в Галлии, перешел через Альпы и двинулся на Рим, столицу Максенция. Застигнутый врасплох, Максенций не сумел организовать оборону своих укрепленных пунктов, которые были быстро заняты войсками Константина. Ему удалось лишь собрать армию на подступах к Риму и там дать бой захватчику из Галлии. Рим был хорошо укреплен, и если бы Максенций поступил мудрее и остался за крепостными стенами, возможно, ход истории пошел бы в ином направлении. Но он послушался своих авгуров (языческих гадалей), которые посоветовали ему дать сражение за городской чертой.

По словам двух христианских летописцев, лично знавших Константина, накануне битвы он получил откровение. Один из историков, Лактанций, пишет, что во сне Константину было дано повеление нарисовать на щитах воинов христианский символ. По сообщению другого летописца, Евсевия, на небе появились очертания креста со словами «сим победишь». Как бы там ни было, Константин приказал воинам поместить на щитах и на штандарте *labarum*: символ креста в обрамлении греческих букв «хи» и «ро». Поскольку это были две первые буквы имени «Христос», *labarum* действительно являлся христианским символом. Со временем христиане стали рассматривать этот эпизод как поворотный момент в обращении Константина, но историки указывают, что и после этого события Константин продолжал поклоняться Непобедимому Солнцу, в то же время оказывая всяческое содействие христианам. На самом деле обращение Константина было долгим процессом.

Но, так или иначе, Максенций в тот раз потерпел сокрушительное поражение: в бою у Мильвиева моста он, упав в реку, утонул. Константин стал хозяином всей западной части империи.

Контрольное задание

Каковы были основные мотивы гонений на христиан со стороны Римской империи? Как Вы полагаете, существуют ли аналоги некоторых из этих мотивов в нашу эпоху?

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Начав свою кампанию, Константин действовал быстро и энергично. После битвы у Мильвиева моста он встретился с Лицинием в Милане и заключил с ним союз. Среди прочего они договорились о прекращении гонений на христиан и о возвращении им культовых зданий, кладбищ и прочего имущества. Это соглашение, известное под названием Миланского эдикта, обычно считается датой конца гонений (313 г.).

6. Христианская жизнь в эпоху гонений

Главным местом единения и общения древних христиан была Евхаристическая трапеза. В Деяниях Святых Апостолов отмечено, что изначально в Церкви существовал обычай проводить собрания в первый день недели для преломления хлеба. В первый день недели собирались потому, что это был день Воскресения Господа. Поэтому цель службы заключалась не в призвании верующих к покаянию и не в демонстрации им тяжести их греха, а в прославлении Воскресения Иисуса и обетований, связанных с этим событием. В Деяниях воскресные собрания описываются как радостные события: «принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян. 2:46-47). На ранних Евхаристических службах в центре внимания находились события не Страстной пятницы, а Пасхи. Занималась заря новой эпохи, и христиане собирались, чтобы еще раз провозгласить ее и стать ее участниками.

Начиная с этого времени, Евхаристическое служение стало для христианской Церкви самым важным обрядом, и такое отношение к нему сохранялось на протяжении всей ее истории.

Помимо хорошо известных, но скудных сведений Нового Завета, помочь понять содержание христианского богослужения в ранний период может сравнительный анализ некоторых сохранившихся документов. Хотя они написаны в разное время и в разных местностях и в них имеются разночтения и несоответствия, все же на их основании можно составить определенную общую картину происходящего.

Наиболее знаменательная общая черта ранних Евхаристических служб состояла в том, что они были праздником. На них царила приподнятая атмосфера радости и благодарения, а не печали или покаяния. Сперва Причащение было частью общей трапезы. Верующие приносили каждый что может, и после общего застолья над хлебом и вином возносились молитвы. Но к началу II века от общих трапез отказались, то ли из боязни гонений, то ли из желания положить конец слухам об оргиях на «вечерях любви». Но, хотя Таинство стало в большей степени ритуальным, атмосфера радости во время его совершения сохранялась.

По крайней мере со II века Евхаристическая служба состояла из двух частей. Сначала читали и обсуждали Писание, возносили молитвы и пели гимны. Поскольку в те времена все христиане не могли иметь собственный экземпляр Писания, первая часть богослужения была по сути единственной возможностью для верующих познакомиться с Библией, поэтому она продолжалась довольно долго – нередко часами. Затем наступала вторая часть – собственно Причащение, открывавшееся поцелуем мира. После поцелуя вносились хлеб и вино, передававшиеся ведущему собрание (предстоятелю), который возносил над ними молитву. В этой часто очень длинной молитве обычно перечислялись спасительные дела Божии, а на собрание и на дары хлеба и вина призывалась сила Святого Духа. Затем хлеб преломлялся и делился, общая чаша ходила по кругу, и собрание заканчивалось благодарственной молитвой. Естественно, все это – лишь общие типичные черты Евхаристической службы, в разных местах и в разных обстоятельствах она могла дополняться другими элементами.

Еще одна отличительная черта ранних Евхаристических служб состояла в том, что на них могли присутствовать только крещеные. Представители других христианских общин, разумеется, принимались, но при условии, что и они были крещеными. Иногда обращенные, но не получившие

Церковь в эпоху гонений

Крещение, допускались на первую часть службы – чтение Библии, проповедь и молитвы, – но удалялись со второй части, с собственно обряда Причащения.

Другим ранним обрядом были собрания у могил верных. Обычно это происходило в катакомбах. Отдельные авторы, драматизируя события, пишут о «церкви катакомб», имея в виду тайные места, где христиане собирались, скрываясь от властей. Но это явное преувеличение. Катакомбы были кладбищами, хорошо известными властям, ибо под землей хоронили не только христиан. Хотя в отдельных случаях христиане прятались в катакомбах, собирались они там не потому, что боялись властей, а потому, что в катакомбах были погребены многие герои Церкви, и христиане полагали, что они соединены не только между собой и с Иисусом Христом, но и со своими предшественниками в вере.

Это в особенности относилось к мученикам. Уже в середине II века получил распространение обычай собираться у могил мучеников в годовщину их смерти и там причащаться. Опять же, имелось в виду, что мученики остаются живыми членами Церкви, и что Причащение соединяет живых и усопших в одно Тело. Именно этот обычай положил начало поминовению святых в определенные дни. Этими днями были не дни их рождения, а дни их славной кончины.

Но чаще христиане собирались не в катакомбах или на кладбищах, а в частных домах. Указания на это есть уже в Новом Завете. Позднее, по мере роста общин, отдельные дома превращались исключительно в места богослужений. Так, при раскопках в Дура-Европос (нынешняя Турция) выяснилось, что, по всей видимости, самое раннее существовавшее там христианское культовое здание, основанное в 256 году, прежде было частным домом, где проводились собрания.

Другим следствием роста общин стала невозможность для всех христиан одного города собираться вместе для богослужений. Но сохранение единства Тела Христова считалось настолько важным, что при наличии в одном городе нескольких церковных общин казалось, что теряется что-то очень существенное. Для поддержания хотя бы символических уз единства во многих местах возник обычай передавать кусочек хлеба с Евхаристической службы в церкви епископа с тем, чтобы он добавлялся к хлебу в других Евхаристических собраниях города (так называемый *фермент*). А единство всех христиан мира выражалось и символизировалось в молитвах за епископов других церквей, ближних и дальних, список которых был во всех общинах. Эти списки обычно составлялись на двух соединенных вместе дощечках, которые в те времена использовались для распространения официальной информации. Такие дощечки назывались «диптихами», и впоследствии удаление какого-либо имени из церковных диптихов приобрело очень важное значение. Узы канонического единства христианских общин скреплялись включением имени, а при удалении имени связь нарушалась.

Вначале церковный календарь был по сути простым еженедельником. Воскресенье было как бы Пасхой и днем радости, а пятница – днем покаяния, поста и скорби. Достаточно рано и по не совсем ясным причинам среда тоже стала днем поста. Раз в году отмечалось особое событие – Пасха, бывшая самым большим христианским праздником. К сожалению, у христиан не было согласия относительно даты этого великого праздника – одни считали, что он должен соответствовать иудейской Пасхе, а другие – что его всегда надо справлять в воскресенье. Ко II веку по этому вопросу разгорелись жаркие дебаты. До сего дня, хотя и по иным причинам, не у всех церквей есть единое мнение относительно того, как следует определять дату пасхального воскресенья. Среди прочих событий на Пасху крестили новообращенных, а те, кто уже были христианами, подтверждали клятву, данную при Крещении. Подготовка к этому акту заключалась в посте и покаянии. Отсюда берет начало современный Великий пост.

Самым ранним праздником, связанным с рождением Иисуса, было Богоявление, пришествие трех волхвов на поклонение Иисусу, отмечавшееся 6 января. Первоначально в этот же день праздновалось

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

собственно рождение Христа. Но впоследствии, в частности во многих церквях на Западе, на смену ему пришло 25 декабря. Фактически это был день языческого праздника (зимнее солнцестояние), на который со времен Константина перенесли празднование Рождества Христа – Солнца Правды.

Помимо Причащения, другим важным христианским обрядом было Крещение. Как уже отмечалось, для участия в Евхаристической службе требовалось Крещение. В Деяниях говорится, что люди крестились сразу после обращения. Это было вполне естественным в ранних христианских общинах – большинство обращенных либо приходили туда из иудаизма, либо находились до этого под его влиянием и поэтому имели представление о смысле христианской жизни и христианского послания. Когда же Церковь уже составляли преимущественно бывшие язычники, появилась необходимость в подготовке новообращенных, их испытании и обучении перед Крещением. Период научения и испытания кандидата назывался «катехуменатом», и в начале III века продолжался три года. За это время катехумены получали знания о христианском учении и своей повседневной жизнью должны были доказывать твердость своих новых убеждений. Наконец, непосредственно перед обрядом Крещения они проходили проверку и вносились в списки для Крещения.

Обычно Крещение проводилось раз в год, в Пасхальное воскресенье. К началу III века появился обычай поститься перед Крещением в пятницу и субботу и принимать водное погружение рано утром в воскресенье, то есть во время празднования Воскресения Христова. Крестившиеся раздевались донага, причем мужчины крестились отдельно от женщин. Вышедшие из воды облачались в белые одежды, символизировавшие их новую жизнь во Христе (см. Кол. 3:9-12; Отк. 3:4). Кроме того, они пили воду как знак полного очищения, как внешнего, так и внутреннего. Затем их помазывали, вводя в сан царственного священства, давали им молоко и мед как знак обетованной земли, в которую они входили.

После обряда Крещения все члены общины собирались в одном месте, и там новички первый раз в жизни причащались.

Крещение совершалось погружением в воду. В «Учении двенадцати апостолов» («Дидахе»), документе, время написания которого не очень ясно, но обычно относится к концу I столетия, говорится, что его лучше совершать в «живой», то есть проточной воде. Но там, где воды было мало, ее просто выливали на голову из кувшина три раза – во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Исследователями до сих пор точно не установлено, крестили ли в ранней Церкви младенцев. По ряду сведений в начале III века некоторые христианские родители крестили своих детей в младенческом возрасте. Но документы более раннего и более позднего периодов так скупы на этот счет, что делать выводы на их основании не представляется возможным.

Известно, что во II веке церковная иерархия включала три уровня: епископ, пресвитер, или старейшина, и диакон. Согласно традиционной точке зрения, эта иерархическая лестница была установлена апостолами. Но сохранившиеся документы по сути указывают на противоположное. В Новом Завете действительно упоминаются епископы, пресвитеры и диаконы, но эти титулы-обозначения не составляют единой структуры и не согласуются с изначально существовавшими функциональными обязанностями в христианской общине. В целом, из Нового Завета явствует, что внутреннее устройство Поместных церквей в разных регионах было различным, и что в течение какого-то времени наименования «епископ» и «пресвитер» были синонимами.

Как уже отмечалось в предыдущей тетради, упрочение авторитета епископов и установление их апостольской преемственности было отчасти ответом Церкви на вызов еретиков в конце II и в начале III веков. По мере увеличения в Церкви числа бывших язычников опасность ереси возрастала, и это, в свою очередь, вело к необходимости повышать авторитет епископов. Поскольку же

Церковь в эпоху гонений

еретики-гностики обычно ссылались на «апостольское предание», на «тайное учение апостолов», то и епископы были провозглашены прямыми преемниками апостолов, и крупнейшие поместные общины обзавелись «генеалогиями», подтверждавшими непрерывность в них епископского служения, начиная от какого-то из упомянутых в Новом Завете апостолов.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о роли женщины в ранней Церкви. К концу II века руководящие позиции в христианской общине занимали исключительно мужчины, однако для более ранних времен это не столь очевидно. Из Нового Завета недвусмысленно следует, что женщины порой пользовались большим влиянием. Четыре дочери диакона Филиппа «пророчествовали», то есть проповедовали (Деян 21:8-9). Фива была диаконисой в Кенхрее (Рим 16:1), а Юния приравнивалась Павлом к апостолам (Рим 16:7). По всей видимости, во II веке Церковь, пытаясь бороться с ересью, занялась централизацией своей иерархической власти, в результате чего женщины утратили прежние позиции. Но и в начале II века прокуратор Плиний сообщал Траяну, что он подверг пыткам двух христианских «служительниц».

Говоря о женщинах ранней Церкви, нельзя не упомянуть об особой роли вдов. В Деяниях говорится, что зарождавшаяся Церковь помогала вдовам и поддерживала их материально. Частично это обуславливалось неоднократно повторяющимися в Ветхом Завете повелениями заботиться о вдовах, сиротах и странниках. Но играли роль и практические соображения: лишенная средств к существованию вдова была вынуждена либо повторно выйти замуж, либо искать приюта для себя и детей. И в случае, если новый муж или покровитель не был христианином, религиозная жизнь бывшей вдовы претерпевала ограничения. Поэтому в церкви возник обычай поддерживать вдов материально, возлагая на них при этом определенные обязанности. Так, вдовы занимались обучением катехуменов-женщин, бытовым обслуживанием общины и ее руководителей, а также гостей из других христианских общин. Постепенно слово «вдова» стало подразумевать не только женщину, потерявшую мужа, но и любую незамужнюю женщину, получавшую поддержку общины и выполнявшую в ней ряд обязанностей. Некоторые женщины сознательно не выходили замуж, чтобы продолжать служение. Тогда-то и появились странные на первый взгляд выражения типа «девы, называемые вдовами». В конечном счете, такое положение вещей привело к возникновению женского монашества, появившегося раньше мужского.

За первые три столетия нашей эры численность христиан в Римской империи возросла в сотни раз. В этой связи возникает резонный вопрос о методах, позволивших достичь таких грандиозных успехов. Кое-кого из современных христиан ответ может удивить, но ранняя Церковь не знала ничего, подобного «евангелизационным собраниям» или «движениям пробуждения» более близких нам столетий. Как мы уже не раз отмечали, центральное место в богослужениях ранней Церкви занимал обряд Причащения, на который допускались лишь крещенные христиане. Таким образом, местом воззвания Благой Вести были не столько богослужения, сколько «кухни, мастерские, рынки», как писал о том Цельс. Немногие известные учителя, такие как Юстин и Ориген, возглавляли философские школы и тем самым привлекали новообращенных из образованных слоев общества. Но все же подавляющее большинство язычников обращались в христианство благодаря повседневному свидетельству безвестных христиан, приводивших своих современников к вере собственным примером. Наиболее драматической формой такого свидетельства была, разумеется, смерть за веру, и именно поэтому слово «мученик» (греч. *мартирос*), изначально означавшее «свидетель», приобрело современное значение. Наконец, некоторые христиане славились своими чудесами, и это тоже привлекало обращенных.

Самым известным среди такого рода персон был Григорий Фавматург, т.е. «Чудотворец». Он был родом из Понта и обратился в христианство благодаря просвещенному свидетельству Оригена.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

По возвращении в Понт он стал епископом Неокесарии и достиг заметных успехов в деле евангелизации, причем не с помощью богословских аргументов, а благодаря приписываемым ему чудесам. Это были по большей части чудесные исцеления, но говорят также, что он мог управлять течением реки в половодье, и что ему являлись апостолы и Дева Мария, подсказывающие ему правильный образ действий. Кроме того, Григорий одним из первых применил получивший впоследствии распространение метод благовестия: он устанавливал христианские праздники на дни языческих торжеств и заботился о том, чтобы христианские праздники отличались пышными церемониями.

Другой удивительный факт, касающийся распространения христианства во II-IV веках, заключается в том, что в этот период, в отличие от новозаветных времен, очень мало известно о каких-либо миссионерских путешествиях, подобных путешествиям Варнавы и Павла. Очевидно, что в первые века Евангелие получило широчайшее распространение благодаря, прежде всего, не «профессиональным» миссионерам, а многочисленным рядовым христианам, переезжавшим с места на место по причинам житейского свойства, – рабам, купцам, ссыльным, приговоренным к каторжным работам.

И, наконец, отметим, что христианство распространялось главным образом в городах, и что в сельские местности оно проникало медленно и с большим трудом. Только в после-Константиновскую эпоху христианству удалось привлечь на свою сторону большинство сельского населения империи.

Поскольку в начальный период христиане собирались в частных домах, маловероятно, чтобы там были какие-то изображения или символы, связанные с христианской верой. По крайней мере, можно утверждать, что они не сохранились. Но когда у христиан появились собственные кладбища – в катакомбах и на открытом воздухе, и собственные культовые здания – как, например, в Дура-Европос, началось развитие христианского искусства. Примеры этого раннего искусства сохранились по большей части в виде простых фресок – настенной живописи – в катакомбах и местах культа, а также в виде резьбы на саркофагах – каменных гробах, в которых хоронили состоятельных христиан.

Поскольку обряд Причащения занимал в богослужении центральное место, относящиеся к нему сцены и символы встречаются чаще всего. Иногда изображалась сама служба, иногда – Вечеря Господня в горнице. В других случаях рисовали просто корзину с рыбой и хлебом.

Рыба была одним из самых ранних христианских символов, поэтому ее изображение часто встречается в сценах причащения и на других рисунках. Значение этого символа, помимо связи с чудесным насыщением множества людей Христом (Мк 6:30-44 и др.), состояло еще и в том, что греческое слово *ихтис* (рыба) можно использовать как аббревиатуру с начальными буквами греческих слов: «Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель». Символ рыбы встречается не только в произведениях изобразительного искусства, но и в некоторых наиболее древних христианских эпитафиях. Например, эпитафия епископу Иерапольскому Аверкию, относящаяся к концу II века, гласит, что вера питала Аверкия «рыбой из

Контрольное задание

Какие параллели существуют между ситуацией Церкви первых веков и нашей современной ситуацией? В чем заключаются различия этих ситуаций?

Церковь в эпоху гонений

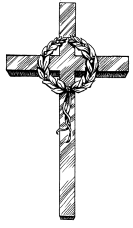

пресной воды, очень большой и чистой, выловленной непорочной дево́й» (Марией или Церковью?). В другой подобной эпитафии говорится о «божественном роде небесной рыбы» и о «мире рыбы».

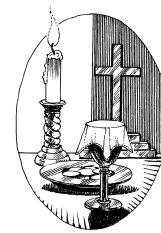
Древнее христианское искусство обращалось и к различным библейским сюжетам: Адам и Ева, Ной в ковчеге, вода, изливающаяся из скалы в пустыне, Даниил в львином рву, трое юношей в раскаленной печи, Иисус и самарянка, воскрешение Лазаря и другие. Художественные приемы были очень простыми, скорее условно-символическими, нежели реалистическими. Например, Ноя часто изображали стоящим на ящике, размеры которого вряд ли позволили бы ему удержаться на плаву.

В заключение необходимо заметить, что ранняя христианская Церковь состояла по преимуществу из простых людей, для которых сам факт принятия их наследниками «Царя царствующих и Господа господствующих» был источником великой радости. Это выражалось в ликующей атмосфере богослужений, в искусстве, в братской взаимопомощи членов общины и их мужестве перед лицом смерти. Повседневная жизнь большинства тогдашних христиан являла собой серую рутину. Но в них вселял радостную надежду новый свет, призванный разрушить черную несправедливость и идолопоклонство окружающего их мира.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Церковь в Константиновскую эпоху

1. Император Константин и христианство

Обращение Константина – поворотный момент в истории Церкви и Европы. Оно значило гораздо больше, чем просто завершение эпохи гонений. Император – суверенный самодержец – немедленно и неизбежно оказался вовлеченным в развитие Церкви, и, соответственно, Церковь оказалась все более и более втянутой в принятие важных политических решений.

Радикальная трансформация, которой в IV в. подверглись отношения христианской Церкви и римского государства, всегда была предметом особого внимания ученых и исследователей, пытавшихся определить ее последствия для общества и Церкви. Когда римское общество прекратило преследовать христиан, изменилось ли оно фундаментально? Или на самом деле изменилась Церковь? Интересно, что в западной историографии отношение к обращению Константина было куда более двойственным, чем в восточной. Согласно старому – еще со средних веков – традиционному взгляду, императоры внезапно преобразились из гонителей в «равноапостольных», и все, что они делали с тех пор, совершалось исключительно в духе Евангелия. Однако западные либеральные теологи, в особенности протестантские историки XIX в., считали, что христианство было настолько поработено государством и настолько отравлено проникновением в него в IV в. элементов язычества, что это равнялось измене евангельской Благой Вести. В конечном итоге, перед нами встает вопрос: пошли ли инициативы Константина на пользу Церкви, или они изменили ее изнутри, направив ее по ложному пути?

До сих пор остается открытым и вопрос о причинах обращения Константина. Почему Константин выбрал христианство? По политическим мотивам? Было ли это маккиавелистской хитростью или глубоким внутренним убеждением, обусловленным Божественной благодатью? Что мы знаем о «равноапостольном императоре»?

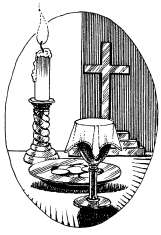
Гай Флавий Валерий Константин (274-337) родился в семье кесаря Констанция Хлора и его супруги Елены в Наиссе (Нише), на территории современной Сербии. Происхождение его было, скорее всего, иллирийское. Мать Константина Елена, по всей видимости, была христианкой. Однако сам Константин, как и его отец, исповедовал солнечный монотеизм – культ Непобедимого Солнца.

В 305 г. августы Диоклетиан и Максимиан ушли в отставку. На Востоке августом стал Галерий, на Западе – Констанций. Кесарями были назначены два протеже Галерия – Север и Максимиан Дайя. Через год Констанций умер в Британии, и солдаты провозгласили императором Константина. Константин вынудил Галерия признать его кесарем – правителем Галлии, Испании и Британии. В это же время в Риме вспыхнул бунт. Сын Максимиана Максенций низверг Севера и провозгласил себя августом – правителем Италии и Африки.

Тем временем Галерий умер, его преемник Максимиан Дайя заключил союз с Максенцием, а Константин – с претендентом на восточный престол Лицинием.

В 312 г. Константин со сравнительно небольшой армией (что было весьма рискованно) стремительным броском перешел Альпы, вторгся в Италию и атаковал Максенция в Риме. Константин весьма остро переживал свою ситуацию. Сейчас должно было решиться все. Он дерзал идти против Вечного Города: не защищали ли его вместе с Максенцием все древние силы прошлого, все «римские боги»?

И тут, вместо того, чтобы оставаться под защитой Аврелианских городских стен, Максенций вышел из города и устремился в бой на противника, находившегося по другую сторону Тибра. Это

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

была такая необъяснимая глупость с военной точки зрения, что Константин принял свою победу в битве у Мильвийского моста в 312 г. как очевидный знак благорасположения Божества.

В результате всех этих событий Константин вошел в Рим – в подавляющем большинстве языческий город, во главе, в основном, языческой армии – и был провозглашен императором государства, где христиане составляли лишь незначительное меньшинство (менее 10% населения страны). На его монетах по-прежнему изображалось «Непобедимое Солнце», и он остался верховным жрецом – «pontifex maximus» – римского языческого культа. Римский сенат воздвиг арку в честь его победы (она и сегодня стоит близ Колизея), где изображены войска Максенция, тонущие в реке, и написано, что Константин победил с помощью божества: имеется в виду «Непобедимое Солнце».

Но христиане верили, что победа была дарована Константину их Богом. Церковный историк Лактанций рассказывает, что во сне накануне сражения Константину было дано повеление изобразить на щитах монограмму Христа. Писатели конца IV в. называют эту монограмму «лабарум». С 315 г. лабарум начинает появляться на монетах Константина. Возможно, название и форма этой эмблемы связаны с двойной секирой «*labrys*» Зевса. Но в IV в. она повсеместно воспринималась как христианский знак, что доказывается хотя бы тем, что Юлиан Отступник, придя к власти, запретил использование «лабарум» в государственной символике.

Не исключено, что христианская монограмма появилась на щитах Константиновых солдат еще до 312 г. Много лет спустя император сказал Евсевию Кесарийскому, что видел крест, перекрывающий полуденное солнце, на котором были написаны слова «*Nos vince*» – «Сим победишь». Возможно, это видение случилось накануне его битвы против вторгшихся в Галлию франков возле Отэна (311 г.): один языческий оратор того времени упоминает видение бога-Солнца накануне этой победы. Это доказывает, что, во всяком случае поначалу, Константин не отдавал себе отчета в несовместимости его собственной веры и христианства. Большую часть своего царствования он оставался верным унаследованным от своего отца синкретистским принципам, в то же самое время заявляя о своей приверженности христианству.

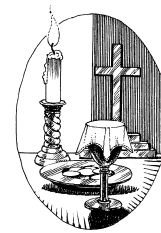
Константин почти ничего не изменил в традиционном поведении и методах римских императоров. Например, он приказал казнить своего бывшего коллегу Лициния (соавтора Медиоланского эдикта), которого он победил в гражданской войне (324 г.), а позже – собственного сына Криспа и жену Фаусту (326 г.). Эти казни прошли почти в то же самое время, когда Константин председательствовал на Никейском Соборе (325 г.).

Однако за время его царствования «Непобедимое Солнце» все больше отождествлялось в его сознании с «Христом Солнцем Правды». Он принимал самое активное участие в делах Церкви и оказывал много милостей священству. Константин ясно осознавал несовместимость императорской должности с христианской жизнью, а потому крестился лишь на смертном одре. Заметим, что приблизительно до 400 г. эта практика была весьма распространена среди лиц, занимавших официальные посты, хотя бы потому, что в их обязанности входило применение пыток и казни к преступникам. Константин был крещен, находясь при смерти, арианином-епископом Евсевием Никомидийским.

Возможно, не стоит называть Константина первым «христианским императором», т.к. он до последнего момента не принимал участия в sacramентальной жизни Церкви. Однако, несмотря на его арианское крещение, Восточная Церковь признает его святым «равноапостольным». Действительно, ни один другой человек в истории не способствовал, прямо или косвенно, обращению стольких людей в христианство.

Говоря о причинах обращения Константина, стоит отметить, что переход от монотеизма «Непобедимого Солнца» к христианству не был совершенно невозможен. В ветхозаветном пророчестве Христос называется «Солнцем правды». Климент Александрийский сравнивает Христа с богом-Сол-

Церковь в Константиновскую эпоху

нцем, въезжающим на небо на своей колеснице. В Риме недавно была найдена надгробная мозаика с тем же изображением. Тертуллиан сообщает, что многие язычники думали, что христиане поклоняются солнцу, поскольку они собирались в «день Солнца» (воскресенье) и молились лицом к востоку.

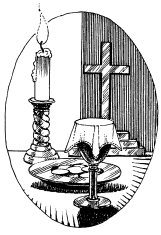
В начале IV в. на Западе Рождество начали праздновать 25 декабря, в день зимнего солнцестояния – день рождения Непобедимого Солнца. О том, насколько христианство соединилось в народном сознании с религией солнца, свидетельствует тот факт, что даже в середине V в. папа Лев Великий упрекал римлян в привычке молиться Солнцу на ступеньках базилики св. Петра, поворачиваясь спиной к самому храму.

Пожалуй можно утверждать, что в глазах Константина христианский монотеизм занял место солнечного монотеизма как учение, которое могло бы объединить все культы и религии. Во многом этот взгляд был приемлем для христиан, тем более что внутренние убеждения самого Константина и его наследников развивались в сторону все большего усвоения учения Церкви. Хотя монеты Константина еще долго продолжали украшаться символом Солнца, содержание его писем, написанных после 313 г., не оставляет сомнений в том, что он считал себя христианином, чьей важнейшей обязанностью является сохранение единой Церкви. Из многих религий своих подданных он отдавал явное предпочтение христианству. Однако он не сделал христианства официальной религией империи. Этот шаг еще предстояло совершить его преемникам.

Так или иначе, поступательное движение, начатое Константином, привело к рождению нового феномена, известного под названием «христианская Империя», – империя, официальным титулом правителя которой было «правоверный император во Христе Боге», и система устройства жизни которой все более вбирала в себя христианские взгляды и христианское вероучение. С IV по VI вв. различные императоры, в особенности сам Константин, Феодосий I и Юстиниан I, даровали Церкви громадные привилегии разного рода, отдали ей часть юридической власти государства и оставили за ней всю сферу социального обеспечения. В святых местах христианства и на гробницах мучеников были воздвигнуты великолепные храмы, и новая столица, Константинополь, была украшена уже не храмами Победы и Правосудия, но церквями, посвященными Христу – Премудрости Божией (св. София) и Христу – Миру Божию (св. Ирина).

Совершенно очевидно, что императоры, принимая христианскую религию и все больше используя ее как основу для своих политических действий, пытались вдохнуть новую жизнь в государство и, прежде всего, обеспечить единство империи. Церковь, получив гарантии своей безопасности благодаря имперской защите, широко распахнула свои двери для масс, стремящихся к вступлению в нее. Таким образом, когда Юстиниан в 529 г. закрыл языческую платоновскую Академию в Афинах, он мог без ложной скромности утверждать, что является главой стопроцентно христианского государства, ибо границы его политической власти совпадали с границами Церкви. Весь народ Божий оказался объединенным под скипетром единого монарха. Такой подход был сформулирован в 6-й новелле Юстиниана, датированной 16 марта 535 г.: «Высочайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, – это священство и царство. Первое служит делам Божественным, второе заботится о делах человеческих... Оба исходят из одного источника...». Церковь и государство были теперь не отдельными единицами, озабоченными определением их взаимоотношений, но единым телом, управляемым двумя иерархиями: духовной и политической, последняя из которых возглавлялась императором.

В Евангелии и Предании Церкви первых трех столетий отсутствовала база для признания какой-либо религиозной власти за императорами. Сакральный характер императорской власти, как он понимался в языческой империи, не мог существовать в империи христианской – разве что в качестве пережитка прошлого. Но поскольку император правил империей, хотя бы теоретически христианской, из-за вселенского характера его власти и из-за того, что Церковь, в равной степени Вселенская, приняла его поддержку и защиту, римский император воспринимался как избранный Христов и как

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

земное отражение небесной власти Божией. Так начало складываться иное церковное Предание, в котором «благоверному государю» приписывались священные полномочия «внешнего Архиерея Церкви», а православная монархия стала рассматриваться как единственно возможная Богоустановленная форма христианского общества (оно же – Церковь).

Другим эпохальным решением Константина было основание новой столицы – Константинополя – на месте древней мегарской колонии Византия. В первой половине VII в. до Р. Х. мегарцы (греческое племя) основали небольшой город на азиатском берегу Босфора, который получил название Халкидон. Через несколько лет после этого другая экспедиция мегарцев во главе с неким Бизасом (Визасом) основала город Византий. Страбон и Тацит рассказывают историю о том, как перед началом экспедиции Бизас отправился за советом в Дельфы к Пифийскому Аполлону. Оракул посоветовал ему основать город «напротив жилища слепцов». Когда экспедиция мегарцев наткнулась на небольшой треугольный полуостров на европейском берегу Босфора – т.е. как раз напротив Халкидона, – они поняли, что, по пророчеству, город нужно основывать именно здесь. Действительно, проглядеть такое гениальное со стратегической точки зрения место могли только слепцы.

Константин вначале думал сделать своей столицей Никомидию (в Малой Азии), Сардик (современную Софию) или Фессалоники (современный греческий город Салоники). Потом он решил заложить новый город на месте Трои, откуда происходил Эней, ставший родоначальником римлян. Император даже приступил к возведению стен на месте древней Троады.

Однако вскоре строительство было прервано: Созомен, историк V в., сообщает, что Константину было откровение во сне искать другое место. В 324 г. император решил, что это будет Византий. В 325 г. начались строительные работы.

Согласно легенде, император с копьем в руке шел впереди землемеров, определявших границу города. «Как долго ты будешь идти, господин?» – спросили у него царедворцы. «Пока не остановится Идущий впереди меня», – ответил император. Он явно ощущал водительство Божие в деле основания новой имперской столицы.

Рабочие и материалы для строительства были собраны со всех концов мира. Памятники искусства из Рима, Афин, Александрии, Эфеса и Антиохии были свезены для украшения возникавшего почти на пустом месте города. В строительстве участвовали 40 тыс. готских солдат. Для поощрения переселения в новую столицу ее жителям сразу же были предоставлены многие коммерческие и финансовые привилегии. Константин назвал город «Новый Рим». Он планировал строительство столицы сразу как христианского города, не испорченного языческим прошлым. Первым делом он заложил две роскошные базилики: Св. Апостолов и «Хагия Ирини», посвященную Христу – миру Божию.

Обе эти церкви были перестроены Юстинианом в VI в. Храм Св. Апостолов был уничтожен турками в XV в., а «Хагия Ирини» стоит и поныне. Старый храм Св. Софии (Христа – Премудрости Божией) был построен сыном Константина Констанцием. Этот храм сгорел 15 января 532 г. во время городских беспорядков, и на его месте Юстиниан построил нынешнюю Св. Софию – самый знаменитый христианский храм мира.

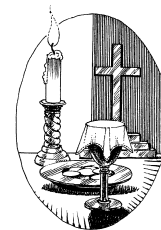
Однако до конца последовательным Константин все же не был: на Форуме была воздвигнута статуя бога солнца в виде Аполлона с чертами самого Константина. Поначалу там стояла даже статуя матери-богини Кибелы.

11 мая 330 г. город был торжественно освящен. Празднества длились 40 дней.

Темпы роста и развития новой столицы впечатляют. К середине IV в. (т. е. через 25 лет после основания) население Константинополя превысило 200 тыс. человек. Город принял римскую мунци-

Церковь в Константиновскую эпоху

ципальную систему и был разделен на 14 районов, два из которых лежали за стенами города. Его положение между двумя частями света было ключевым для торговли и для обороны. Практически вся торговля между Европой и Азией (пролив Дарданеллы был очень неудобен для переправы) и вся торговля с севером, идущая через Черное море, естественным образом сосредотачивалась в Константинополе. Столица была окружена с трех сторон водой, что делало ее почти неприступной. С другой стороны, залив Золотой Рог был идеальной – вместительной и безопасной в любую погоду – гаванью для судов. Константинополь успешно выдерживал натиск любых врагов на протяжении долгих веков. Город, основанный Константином, более чем на тысячелетие станет столицей империи и всего христианского мира.

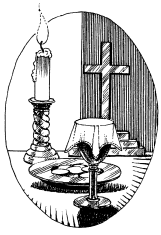
Деятельность великого императора, его обращение в веру и его взаимоотношения с Церковью были впервые описаны современником событий, историком Евсевием Кесарийским в его «Церковной истории». Эта работа – по своей сути апология, в которой автор стремится доказать, что христианство – конечная цель человеческой истории, как это явствует из анализа судеб Римской империи. Подобные мысли высказывались и раньше, когда христианские авторы II века заявляли, что всякая мудрость исходит от Логоса, воплотившегося в Иисусе Христе. По мнению таких писателей, как Юстин и Климент Александрийский, греческая философия и иудейское Писание подготавливали пришествие Христа. Также высказывалось мнение, что сама империя и относительный порядок, который она поддерживала в Средиземноморском бассейне, были Божьим установлением с целью облегчить распространение христианской веры. Другие авторы, например Ириней, утверждали, что вся человеческая история со времен Адама и Евы представляет собой широкомасштабный процесс, в ходе которого Бог готовит человечество к единению с Божественным началом. Евсевий свел эти идеи воедино, показав их в действии на примере конкретных фактов из истории Церкви и империи. В результате история стала уже не просто чередой событий, представляющих лишь археологический интерес, а еще одним доказательством истины христианства, являющегося кульминационной точкой всего процесса развития человечества.

Краеугольным камнем этой теории было обращение Константина. По мысли Евсевия, основная причина гонений – непонимание римскими властями, что христианство представляет собой наивысшее выражение лучших римских традиций. Вера и империя, так же как вера и философия, по сути не являются несовместимыми понятиями. Наоборот, христианская вера – это конечная цель развития как философии, так и империи. Таким образом, по представлениям Евсевия, религиозная политика Константина имела значение не только потому, что она была выгодна Церкви, но и по более глубоким причинам. Создавшаяся новая обстановка стала наглядным и убедительным доказательством истины Евангелия, к которому была направлена вся человеческая история.

Такая чрезмерно оптимистическая богословская точка зрения не позволяла Евсевию критически относиться к неприглядным явлениям, имевшим место в его время. И, чтобы избежать обсуждения «скользких вопросов», Евсевий просто обходит их молчанием.

Но важно здесь не то, о чем Евсевий говорит, а о чем – умалчивает. Его труды показывают, до какой степени, пусть даже невольно, христианское богословие стало приспособляться к новым условиям, отказываясь притом от ряда своих традиционных постулатов.

Чтобы показать, как менялось богословие применительно к изменившимся условиям, достаточно привести три примера. Во-первых, совершенно ясно, что в Новом Завете и в ранней Церкви утверждалось, что Евангелие – это, прежде всего, Благая Весть для простых людей, и что богатым чрезвычайно трудно услышать и принять ее. Один из наиболее сложных вопросов для ранних христиан заключался в том, как богатый человек может получить спасение. Но теперь, начиная со времен Константина, богатство и пышность стали считаться признаками божественного расположения. Мона-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

шеское движение возникло, во многом, как протест против такого приспособленческого отношения христианства к мирским ценностям. Но Евсевий – и тысячи других, от имени которых он говорил, – как будто бы не сознавали значения радикальных изменений, в результате которых гонимая Церковь превратилась в Церковь власти; они не хотели замечать опасностей, связанных с этим изменением.

Во-вторых, Евсевий с радостью и гордостью описывает вновь построенные и богато украшенные церкви. Но прямым результатом строительства таких церквей и проведения соответствующих им богослужений стало зарождение и развитие клерикальной аристократии, подобной имперской аристократии и столь же чуждой простому люду. Порядки, существовавшие в империи, Церковь воспроизводила не только в богослужениях, но и в своем внутреннем устройстве. Если прежде христианин, принимавший служение епископа, автоматически становился «кандидатом в мученики», то теперь епископское служение стало восприниматься как господство (отсюда – и сам титул епископа «владыка»): епископы были законодательно приравнены к императорским вельможам.

Наконец, разработанная Евсевием концепция истории привела его к игнорированию основополагающей темы христианской проповеди: пришествия Царства Божьего. Хотя Евсевий и не говорит об этом прямо, при чтении его работ складывается впечатление, что замысел Божий нашел завершение в Константине и его преемниках. В условиях существующего политического порядка лучшее, на что могут рассчитывать христиане, – обретение Небесного Царства по ту сторону земной жизни для каждого отдельного верующего. Со времени Константина и в значительной мере благодаря работам Евсевия и многих других богословов, придерживавшихся сходного образа мыслей, постоянно проявлялась тенденция приглушить или отодвинуть на неопределенный срок надежду ранней Церкви, что Господь вернется «на облаках небесных» и установит Царство мира и справедливости. Позднее многие из тех, кто пытались возродить эту надежду, объявлялись еретиками и осуждались за ересь. Получалось, что христианская империя – это и есть «Царство Божие, пришедшее в силу» или «тысячелетнее Царство Христа» из Книги Откровения (Откр. 20:4-6). Замечать в нем какие-либо недостатки не полагалось: это приравнивалось к богохульству. Глубочайший потенциал идей социального обновления, в скрытом виде присутствующий в Евангелии, был тем самым практически полностью изъят.

Необходимо отметить, что Евсевий был весьма горячим сторонником вновь сложившегося порядка вещей, но отнюдь не единственным. В действительности он выражал чувства очень многих христиан, полагавших, что обращение Константина и становление христианской империи – это чудо всемогущества Божия, едва ли не сравнимое с Воскресением Иисуса Христа. Простые христиане не могли выражать свои мысли с таким же изяществом и с таким знанием дела, как это делал Евсевий, но именно они, постепенно «эволюционируя», определяли лицо Церкви. Евсевий был не творцом того, что мы назвали «официальным имперским богословием», а, скорее, выразителем «духа эпохи». И все же, далеко не все верующие отнеслись к новому порядку столь же восторженно.

Контрольное задание

Какие проблемы встали перед Церковью в связи с ее активной поддержкой государственной властью? Существуют ли, по Вашему мнению, определенные параллели между эпохой Константина и нашей эпохой? Чему может нас научить опыт эпохи Константина?

Церковь в Константиновскую эпоху

2. Возникновение монашества

Наряду с теми, кто, подобно Евсевию Кесарийскому, видел во всех происшедших событиях исполнение Божьих замыслов, были и такие верующие, которые сожалели о том, что уровень христианской жизни так резко снизился. «Узкие врата», о которых говорил Иисус, стали настолько широкими, что через них устремились бесчисленные толпы людей, многих из которых привлекали привилегии и особое положение, но не интересовало глубокое изучение смысла Крещения и христианской жизни под сенью Креста. Епископы боролись друг с другом за власть и влияние. В церковной жизни главную роль отныне играли богатые и знатные. Плевелы росли так быстро, что угрожали заглушить пшеницу.

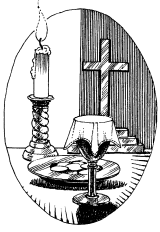
Почти триста лет Церковь жила под постоянной угрозой гонений. Все христиане знали, что однажды они могут предстать перед римскими властями, и что тогда им придется сделать выбор между смертью и отступничеством. Во II и III веках случались достаточно долгие периоды спокойной жизни, когда многие забывали о возможности гонений, а когда они вспыхивали вновь, проявляли слабость и не выдерживали испытаний. Вследствие этого укоренялось представление, что безопасная и спокойная жизнь – злейший враг Церкви, и что сатана особенно силен как раз в периоды затишья. Теперь же, когда мирной жизни Церкви как будто бы ничто не угрожало, многие посчитали это дьявольским искушением.

Каким же при таких обстоятельствах виделся истинный христианин? В условиях, когда Церковь соединилась с властными структурами мира, когда показная роскошь завладела христианскими алтарями, когда общество готово было «узкие врата» превратить в столбовую дорогу, как мог верующий человек противостоять окружающим его соблазнам? Как мог христианин свидетельствовать о Распятом Господе, о Том, у Кого часто не было где преклонить голову, если многие иерархи церкви жили в роскошных дворцах и уже не было возможности принять мученичество? Как можно было победить сатану, постоянно искушавшего верующих новыми благами, предлагавшимися мнимо воцерковившимся обществом?

Многие нашли ответ в монашеской жизни: в уходе от человеческого общества, в отказе от всего мирского, в подавлении тела и его страстей, ведущих к искушению. Таким образом, в то время как тысячи людей, требующих Крещения, осаждали церкви в больших городах, происходил настоящий исход других тысяч, искавших блаженства в уединении.

Монахи начали появляться в разных частях Римской империи, но самой благодатной почвой для развития монашеского движения стали пустыни, особенно – Египетская пустыня. «Монах» – производное от греческого слова *монахос*, означающего «одинокий». Одной из главных забот ранних монахов был поиск одиночества. Они полагали, что общество с его шумными и суетными делами вводит в искушение и отвлекает от достижения подлинных целей. Слово «отшельник» (греч. *анакоретос*), которым вскоре начали называть одиноких монахов, изначально означало «ушедший» или «убежавший». Этих людей пустыня привлекала не столько трудностями жизни в ней, сколько тем, что там их было трудно найти. Они стремились не в раскаленные пески, а в оазис, укромное место или на всеми забытое кладбище, где их покой никто бы не нарушал.

Кто стал первым монахом – или монахиней, – определить невозможно. Павел и Антоний Египетские, которым обычно приписывается эта честь, обязаны своей славой двум христианским авторам, Иерониму и Афанасию, каждый из которых отводил своему герою роль основоположника монашеского движения в Египте. Но кто же все-таки был основателем движения, узнать невозможно, да и тогда это не было никому известно. Монашество было не изобретением какого-то одного человека, а массовым исходом, идеей, завладевшей в одночасье умами тысяч людей. Тем не менее, Павел и Антоний сыграли значительную роль, пусть даже не как основоположники монашества, но хотя бы как типичные представители его ранних форм.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Иероним очень кратко описывает жизнь Павла, и в его изложении она выглядит почти мифологической. Тем не менее суть рассказа, по всей видимости, верна. В середине III века, спасаясь от гонений, молодой Павел ушел в пустыню, придя на место, где раньше скрывались фальшивомонетчики. Там он провел всю оставшуюся жизнь в молитвах и ел только финики. Если верить Иерониму, Павел жил в таких условиях почти сто лет, и единственные, кто его за это время навещал, были дикие животные и старый монах Антоний. Возможно, это выглядит преувеличением, и все же именно таким был идеал одиночества ранних монахов.

Антоний, по словам Афанасия, родился в маленькой деревушке на левом берегу Нила в достаточно состоятельной семье. Родители умерли, когда Антоний был еще совсем молод, и полученное наследство позволяло ему и его младшей сестре, опекуном которой он был, жить без особых забот. Он намеревался просто использовать наследство, но однажды чтение Евангелия в церкви произвело на него такое впечатление, что он решил круто изменить свою жизнь. В тот день речь шла о богатом юноше, и слова Иисуса отозвались в сердце Антония, который тоже был относительно богат: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19:21). В ответ на эти слова Антоний распродал свое имущество и вырученные деньги раздал бедным, оставив лишь малую их часть на содержание сестры. Но затем его потрясли другие слова Иисуса в Мф. 6:34: «Не заботьтесь о завтрашнем дне». Он избавился от небольшой суммы, оставленной для сестры, передал ее на попечение церкви и отправился в пустыню.

Первые годы уединения Антоний провел, изучая смысл монашеской жизни, знания о которой он получал от пожилого человека, жившего неподалеку, и это показывает, что Антоний не был первым христианским отшельником. Это было трудное время для молодого монаха – часто ему недоставало удовольствий, от которых он отказался, и он даже начинал сожалеть, что продал все свое имущество и удалился в пустыню. Когда его посещали такие искушения, Антоний устанавливал для себя еще более жесткую дисциплину. Иногда он постился (полностью отказываясь от пищи и воды) по несколько дней или ел раз в день после захода солнца.

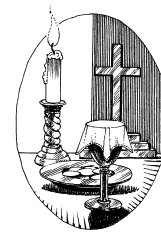
Через несколько лет Антоний решил покинуть своего престарелого учителя и других живших там монахов, от которых он научился монашеской дисциплине. Он поселился в склепе на заброшенном кладбище, где питался только хлебом, который ему приносили добрые души раз в несколько дней. По словам Афанасия, в это время Антонию начали являться видения бесов, которые преследовали его почти постоянно. Иногда встречи с бесами выливались в почти что физическую борьбу, после которой он какое-то время чувствовал себя больным.

Наконец, в возрасте тридцати пяти лет Антоний получил видение, в котором Бог сказал ему, чтобы он не боялся, так как всегда может рассчитывать на помощь свыше. Тогда Антоний решил, что склеп, в котором он жил, был недостаточно удален от общества, и двинулся дальше в пустыню. Он нашел развалины заброшенной крепости, где и остановился. Но бесы преследовали его даже там, и искушения продолжались. Однако теперь Антоний знал, что с ним Бог, и ему стало бороться легче.

Между тем, его преследовали не только бесы. Ему досаждали другие монахи, желавшие научиться у него дисциплине и мудрости в молитве и созерцании. Ему досаждали также любопытные и больные, так как к тому времени он получил известность как святой и чудотворец. Раз за разом отшельник удалялся в безлюдные места, но его всегда находили. В конце концов он смирился и согласился жить неподалеку от нескольких учеников при условии, что они не будут посещать его слишком часто. Антоний, со своей стороны, обязался иногда навещать их и рассказывать им о монашеской аскезе, Божьей любви и чудесах созерцания.

Церковь в Константиновскую эпоху

Наконец к концу жизни Антоний согласился принять двух молодых монахов, которые с тех пор жили с ним и ухаживали за ним. Он умер в 356 году, завещав перед смертью двум своим товарищам держать место его захоронения в тайне и передать его плащ (единственную собственность) епископу Афанасию из Александрии.

Павел и Антоний ушли в пустыню до начала правления Константина, но и тогда уже там были другие монахи. Когда же Константин пришел к власти, эти отшельники приобрели еще большую известность. Одни путешественники, посещавшие этот район, писали, явно преувеличивая, что в пустыне жило больше людей, чем в иных городах. Другие говорили о двадцати тысячах женщин и десяти тысячах мужчин, ведущих монашескую жизнь только в Египте. Но сколь бы преувеличенными ни были эти цифры, несомненно, что очень многие уходили из общества и вели отшельническую жизнь в пустыне.

Жизнь пустынников отличалась крайней простотой. Некоторые разводили овощи, но большинство зарабатывали на пропитание тем, что плели корзины и циновки, которые обменивали на хлеб и масло. Тростник рос в изобилии, и, занимаясь плетением, во время работы можно было молиться, повторять псалмы или заучивать фрагменты Писания. Питались в пустыне в основном хлебом, к которому иногда добавлялись фрукты, овощи и оливковое масло. Собственность монашествующих ограничивалась самой необходимой одеждой и циновкой, на которой они спали. Большинство из них неодобрительно относились к книгам, обладание которыми могло привести к гордыне. Они наставляли друг друга и заучивали наизусть обширные тексты из Библии, особенно псалмы и книги Нового Завета. Они также рассказывали друг другу поучительные истории и делились перлами мудрости, исходившими от наиболее уважаемых отшельников.

Царивший в пустыне дух не очень подходил иерархически устроенной Церкви, епископы которой жили в больших городах, владели богатством и пользовались политическим влиянием. По убеждению многих монахов, худшее, что их могло ждать в земной жизни, – это назначение священником или епископом (заметим, что именно в это время и в определенной мере вследствие изменений, произошедших после обращения Константина, христианских служителей стали именовать «священниками»: греч. *хиерееос*; раньше так именовали языческих жрецов). Хотя некоторые монахи были рукоположены в сан, это почти всегда делалось против их воли или в ответ на настойчивые просьбы епископов, известных своей святостью, таких как Афанасий. Это в свою очередь вело к тому, что многие анахореты могли годами не принимать участия в таинстве Евхаристии, которое с самого начала было главным обрядом христианского богослужения. В некоторых районах строились церкви, где по субботам и воскресеньям собирались жившие там отшельники. По воскресеньям после Причащения они часто разделяли общую трапезу, а затем на неделю расставались.

С другой стороны, монашеский образ жизни не ограждал от соблазнов. С годами многие монахи начали приходить к выводу, что коль скоро святость их жизни, несомненно, выше святости епископов и прочих церковных иерархов, именно им, а не этим иерархам, принадлежит право определять истинность христианского учения. Но притом монахи были, как правило, людьми достаточно невежественными и склонными к фанатизму, а потому легко становились пешками в руках более образованных, влиятельных и ловких церковнослужителей, использовавших их самоотверженную жизнь в пустыне для достижения собственных целей. В V веке дело доходило до бунтов, когда монахи пытались силой добиться признания того, что они считали правильным учением.

Хотя корней монашества следует искать не только в Египте, в IV веке именно там оно приобрело наибольшую силу. В Египет приходили многие искренне верующие люди, и одни из них оставались на берегах Нила, а другие возвращались на родину, унося с собой монашеские идеалы и навыки,

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

приобретенные в пустыне. Паломники приходили из Сирии, Малой Азии, Италии и даже Месопотамии и по возвращении рассказывали истории и легенды о Павле, Антонии, Пахомии и многих других. В восточной части империи монахи устраивали свои обители повсюду, где для этого имелись подходящие места. Среди них были и такие, кто нарочито подчеркивал аскетизм своей жизни, проводя, например, долгое время на вершине колонны разрушенного храма («столпники»). Однако большинство из них показывали Церкви пример дисциплинированности и абсолютной преданности, которые были так необходимы в казалось бы благоприятных условиях, сложившихся при Константине.

Но больше всего распространению монашеского идеала способствовали не анахореты, воссоздающие условия египетской пустыни в уединенных местах, где они могли бы предаваться молитвам и размышлениям, а епископы и богословы, которые сознавали значение монашеского свидетельства для повседневной жизни Церкви. Хотя на раннем этапе монашество в Египте развивалось как бы вне «официальной церкви» и даже противостояло ее иерархии, в конечном счете наибольшее воздействие на верующих оно оказало именно благодаря усилиям иерархов.

Замечательный пример праведного епископа, способствовавшего распространению монашеского идеала, явил собой Мартин Турский. «Жизнеописание святого Мартина», написанное Сульпицием Севером, веками оставалось одной из самых популярных книг в Западной Европе и во многом способствовало формированию основ западного монашества.

Мартин родился примерно в 335 году в Паннонии на территории современной Венгрии. Его отец был язычником и служил в армии, поэтому свои ранние годы Мартин провел в самых разных уголках империи, хотя как будто бы по большей части он жил в Павии на севере Италии. Уже в очень молодом возрасте он против воли родителей решил стать христианином и записался катехуменом; чтобы отвратить сына от христиан, отец зачислил его в армию. Это были годы, когда Юлиан, позднее ставший известным как «Отступник», проводил свои первые военные кампании. Под его началом Мартин служил несколько лет. К этому времени относится ставший хрестоматийным эпизод, навсегда связанный с именем Мартина.

Когда Мартин с друзьями входили в город Амьен, у них попросил милостыню дрожащий от холода полуголый нищий. Денег у Мартина не было, но он снял плащ, разорвал его и половину отдал нищему. Рассказывали, что позднее во сне Мартин увидел Иисуса, укрывающегося половиной солдатского плаща, и Иисус сказал ему: «Так как ты сделал это одному из сих братьев Моих меньших, то сделал Мне». Эта история получила такую известность, что Мартина обычно изображают передающим плащ нищему. Отсюда происходит слово «капелла» – в одной маленькой церкви несколько веков лежал кусок материи, считавшийся частью плаща Мартина. По этому куску плаща – лат. *capella* – небольшую церковь стали называть «капеллой» (русское соответствие – «часовня»), а ее служителей – «капелланами».

Как пишет Сульпиций Север, вскоре после этого эпизода в Амьене Мартин принял Крещение, а два года спустя ему удалось уволиться с военной службы. Затем он посетил ученого праведника Илария, епископа Пиктавы (ныне Пуатье), ставшего его близким другом. Разного рода дела и заботы побуждали его переезжать из одного уголка империи в другой, пока в конце концов он не обосновался в предместье города Тура неподалеку от Пуатье. Там он посвятил себя монашеской жизни, и молва о его святости распространилась по окрестностям. Говорят, что Бог совершил через него великие дела, но сам он всегда считал себя не более чем учеником в христианской жизни.

Когда освободилось место епископа Тура, простой народ хотел видеть на этом месте Мартина. Но некоторые епископы, присутствовавшие на выборах, воспротивились этому под тем предлогом, что Мартин ходил обычно грязным, одетым в тряпье, нечесаным и что его избрание нанесло бы урон епископскому престижу. К согласию все еще не пришли, когда подоспело время чтения Библии, но куда-то запропа-

Церковь в Константиновскую эпоху

стился человек, выполнявший эту обязанность. Тогда один из присутствовавших взял книгу, открыл ее наугад и начал читать: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» (Пс. 8:3). Народ воспринял это как прямое послание с неба. Неопрятный, оборванный Мартин, к которому епископы относились с презрением, был избран Богом, дабы сделать безмолвными епископов. Без дальнейших проволочек Мартина избрали епископом Тура.

Но новый епископ не хотел отказываться от монашеских привычек. Рядом с собором он построил небольшую келью, где проводил свободное время как монах. Когда его известность так возросла, что он не мог больше жить спокойно в своей келье, он вернулся на окраину города и исполнял пастырские обязанности, поселившись там.

После смерти Мартина многие пришли к убеждению, что он был святым. Его слава и вся его жизнь заставляли думать, что именно таким и должен быть настоящий епископ. Итак, монашеское движение, которое поначалу в значительной мере было выражением протеста против суетного и помпезного образа жизни епископов, в конечном счете наложило отпечаток на само представление о сане епископа. На протяжении долгих веков считалось (а в некоторых кругах считается до сих пор), что настоящий епископ должен как можно больше приближаться к монашескому идеалу. Но за это время изменилось и само монашество – вначале люди уходили в пустыню в поисках личного спасения, но постепенно монашество, особенно на Западе, превращалось в орудие благотворительной и миссионерской работы Церкви.

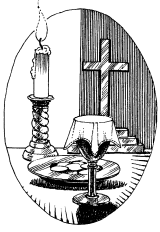
Контрольное задание

Какое значение для Церкви имело и имеет свидетельство монашеской жизни?

3. Донатистский раскол

Недовольство новым порядком со стороны христиан, избравших путь монашества, выражалось в затворничестве в пустыне, но были и такие, кто прямо заявлял, что Церковь в целом разложилась, и что «истинную Церковь» составляют именно те, кто полностью с ней порвал. Среди сторонников таких взглядов самой многочисленной группой были так называемые донатисты.

Раскол, причиной которого стали донатисты, явился еще одним примером разделения христиан по животрепещущему вопросу: как надо относиться к малодушным и как следует восстанавливать их в Церкви? Каждый раз после суровых гонений Церкви приходилось решать, что делать с теми, кто отступил от веры, а теперь хотел вернуться в христианское сообщество. В III веке это обернулось раскольниковством Новациана в Риме, а в Северной Африке епископ Карфагенский Киприан был вынужден отстаивать свои епископские полномочия перед оппонентами, требовавшими, чтобы порядок восстановления малодушных определяли исповедники. В IV веке самые ожесточенные споры по вопросу о принятии в лоно Церкви отступников велись в Северной Африке.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Гонения там отличались особенной жестокостью, а значит, и отступивших от Церкви было больше. Как и в других местностях, не все отступники вели себя одинаково малодушно. Чтобы избежать дальнейших гонений, некоторые епископы передавали властям еретические книги, давая понять, что это – христианское Писание. Другие приносили настоящие Писания и затем утверждали, что сделали это, дабы избежать кровопролития, и что тем самым они исполняли свой пастырский долг. Третьи, как духовные лица, так и простые миряне, уступали давлению властей и поклонялись языческим богам – их было так много, что, по словам некоторых авторов, в иные дни языческие храмы заполнялись до предела.

С другой стороны, многие христиане, оставаясь твердыми в вере, подвергались арестам, пыткам и даже казни. Как и раньше, тех, кто перенес заключение и пытки, называли «исповедниками», и за свою твердость в вере они пользовались огромным уважением. Во времена Киприана находились исповедники, склонявшиеся восстанавливать малодушных, не советуясь с церковным руководством. Теперь же, после обращения Константина, большинство исповедников, наоборот, требовало ужесточить политику по отношению к падшим. Эти более требовательные исповедники утверждали, что малодушными были не только те, кто поклонился языческим богам, но и те, кто сдавал властям Писание. Если даже малейшее изменение текста Писания – большой грех, заявляли исповедники, разве не больший грех отдавать Священное Писание для уничтожения? Поэтому ряд епископов и других руководителей церкви получил оскорбительное прозвище «предателей», то есть тех, кто передал Святые Книги врагам.

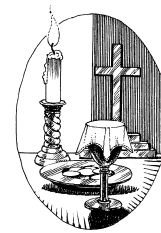
Так обстояли дела, когда вскоре после окончания Диоклетиановых гонений стала вакантной весьма влиятельная Карфагенская епископская кафедра. Выбор пал на Цецилиана. Но он был непопулярен среди приверженцев строгих взглядов, в противовес ему избравших Майорина. Эти выборы сопровождались такими интригами и недостойными уловками с обеих сторон, что каждая из них вполне справедливо называла избрание соперника незаконным. Когда вскоре после избрания вторым епископом Карфагена Майорин умер, его сторонники избрали на его место Доната из Казы Нигре, который оставался их лидером в течение почти полувека, и по имени которого движение получило название «донатизм».

Естественно, раскол в Северной Африке вызвал в Церкви глубокую озабоченность, ибо было возможно признать (в согласии с принципом «один город – один епископ») только одного епископа Карфагена. Епископы Рима и ряда других крупных городов настоящим епископом Карфагена признали Цецилиана, а Майорина и Доната объявили узурпаторами. Константин, заинтересованный в укреплении единства Церкви ради сохранения целостности империи, последовал примеру этих епископов и дал распоряжение своим должностным лицам в Северной Африке признавать только Цецилиана и тех, кто находится с ним в общении. Это обернулось важными последствиями – Константин издал указы, направленные на поддержку христианства и касавшиеся, в частности, освобождения духовенства от налогов. В соответствии с полученными в Северной Африке указаниями, только те, кто был связан с Цецилианом, пользовались этими льготами и получали дары, которые Константин делал церквям.

В чем же заключалась более глубокая подоплека донатистского раскола? Приведенные выше факты – лишь внешнее выражение подспудных течений, разрывавших жизнь христианской общины. В действительности донатизм имел богословские, политические и экономические корни.

Богословским обоснованием и непосредственной причиной раскола стал вопрос о действительности духовного сана тех, кто проявил слабость во время гонений. По утверждению донатистов, один из трех епископов, посвятивших Цецилиана в сан, был «предателем», передавшим Писание властям, а значит, и уделенное им посвящение не имело силы. Цецилиан и его сторонники отвечали, что, во-первых, этот епископ не был предателем, а во-вторых, даже если бы он им был, поставление Цецилиана в епископы все равно законно. Таким образом, речь шла не только о самом факте того,

Церковь в Константиновскую эпоху

пошел ли на уступки этот конкретный епископ (и другие из окружения Цецилиана), но и о законности рукоположения или посвящения, совершенного недостойным служителем. Донатисты заявляли, что законность хиротонии в данном случае определяется достоинством поведения совершающего ее епископа. Цецилиан и его сторонники отвечали, что законность Таинств и других подобных церемоний не может определяться достоинством поведения того, кто их совершает, ибо тогда все христиане должны постоянно испытывать сомнения относительно действительности своего Крещения или Причащения. Заглянуть в душу служителя, совершающего Таинство, невозможно, поэтому сомнения всегда будут.

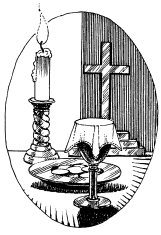
Донатисты, со своей стороны, утверждали, что Цецилиан, чье посвящение незаконно ввиду участия в нем предателя, фактически не является епископом, – следовательно, всех рукоположенных им священников следует считать лжеслужителями, а совершаемые ими Таинства – не имеющими законной силы. Более того, другие епископы, чье посвящение сомнений не вызывает, согрешили тем, что присоединились к Цецилиану и его сторонникам. Поэтому совершаемые ими Таинства и рукоположения тоже не имеют силы.

В таких обстоятельствах, если какой-то сторонник Цецилиана хотел примкнуть к донатистам, требовалось повторное Крещение, так как Крещение, совершенное их противниками, донатисты не признавали. Цецилиан же и его последователи не крестили повторно бывших донатистов, поскольку считали, что сила Крещения не зависит от того, кто его совершил.

В этом заключались главные богословские разногласия. Но если прочесть документы того времени «между строк», за богословской полемикой прослеживаются и иные мотивы конфликта. Выясняется, например, что среди донатистов были люди, передававшие властям Писания, и существуют даже составленные ими описи предметов, которые использовались в церкви при проведении богослужений. Тем не менее донатисты вновь принимали их в свои ряды. Более того, одним из первых лидеров донатистов был некий Пурпурий, убивший двух своих племянников. Таким образом, трудно поверить, что главной причиной враждебного отношения донатистов к Церкви была их забота о «чистоте рядов» христиан.

Между двумя движениями очень быстро произошло социальное и географическое размежевание. Цецилиан и его последователи имели сильные позиции в Карфагене и его окрестностях – в Проконсульской Африке. Однако западнее, в Нумидии и Мавритании, большим сочувствием пользовались донатисты. Нумидия и Мавритания были аграрными регионами. Значительная часть их продукции экспортировалась в Италию через Карфаген. В результате карфагеняне без особого труда и риска зарабатывали больше тех, кто фактически выращивал урожай. Кроме того, Нумидия и Мавритания были романизированы в меньшей степени, чем Карфаген и его окрестности. На многих из этих менее романизированных территорий сохранялись древний язык и древние обычаи, а в Риме и во всем, что с ним связано, видели чужеземную, несущую порабощение и гнет цивилизацию. В Карфагене же преобладали в значительной степени латинизированные слои землевладельцев, торговцев и военных, и именно этим слоям торговля и другие контакты с Италией были как нельзя более выгодны. Для этих людей тесные связи с Римом и с другими центрами империи были вопросом первостепенной важности. Но в том же Карфагене и в близлежащих районах обитали и многочисленные «низы», испытывавшие примерно те же чувства, что и нумидийцы, и мавритане.

Задолго до воцарения Константина христианство укрепилось в Нумидии, и среди низших слоев в Проконсульской Африке, и, хотя и в меньшей степени, в Мавритании. Вера этих христиан была силой, с которой не могла совладать даже империя. Одновременно христианство приняла и некоторая часть представителей романизированного населения Карфагена, что привнесло в христианскую общину противоречия, существовавшие в обществе в целом. Но в то же время обращенным, особенно принадлежавшим к знати, приходилось порывать со своим социальным окружением, благодаря чему разброд и противоречия в Африканской церкви были все же умереннее, чем можно было ожидать.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Все резко переменялось с приходом к власти Константина, когда для Церкви настали мирные времена. Теперь человек мог быть одновременно добропорядочным римлянином и достойным христианином. Следуя примеру императора, романизированная знать устремилась в церковь. Христиане из богатых слоев увидели в этом знамение и подтверждение правильности принятого ими ранее решения, тогда как представители «низов» заговорили о «разложении церкви». То, что эти неимущие христиане всегда ненавидели в Римской империи, становилось частью церкви. Вскоре сильные мира сего, заправлявшие политикой и экономикой, начали подчинять своей власти и церковные дела. Казалось очевидным, что этому надо противостоять и напоминать новообращенным из числа власть имущих, что когда они еще поклонялись языческим богам, якобы неграмотные нумидийцы, мавритане и другие им подобные уже знали истину.

Все эти «подводные течения» четко прослеживаются на разных этапах противостояния. Цецилиан был избран при поддержке романизированных христиан Карфагена. Его избранию противились низшие классы Проконсульской Африки и почти все христиане Нумидии, как миряне, так и духовенство. Константин, не успевший вникнуть в обсуждавшиеся вопросы, решил, что законную церковь представляет Цецилиан. Так же рассудили епископы крупных латинских городов, а затем и греческих. Донатисты, со своей стороны, охотно принимали поддержку нумидийских священников, проявивших слабость во время гонений.

Это не означает, что донатизм сознательно позиционировал себя как социально-политическое движение. Ранние донатисты противостояли не империи, а «миру», хотя в их глазах многие порядки в империи были «мирскими». Они неоднократно пытались убедить Константина в ошибочности его решения поддержать Цецилиана. Даже при Юлиане во второй половине IV века некоторые донатисты надеялись, что римские власти осознают свою ошибку и начнут их поддерживать.

Примерно в 340 г. среди донатистов выделилась группа так называемых «циркумцеллионов» (происхождение этого названия не совсем ясно, возможно, оно означает, что члены данной секты собирались в усыпальницах мучеников). Они по большей части были нумидийскими и мавританскими крестьянами, вставшими на путь насилия. По их убеждению, самой славной смертью умирали мученики, и теперь, когда гонения в прежней форме прекратились, те, кто гибли в борьбе с искажителями веры, тоже становились мучениками. В отдельных случаях стремление к мученичеству достигало такой силы, что люди совершали массовые самоубийства, прыгая со скал.

Циркумцеллионы сыграли важную роль в истории раскола. Донатистские лидеры в городах пытались отмежеваться от этого радикального направления. Но иногда, когда им требовались отряды активистов, они обращались за помощью к циркумцеллионам. Недвижимое имущество и земельные владения вдали от городов приходилось оставлять в запустении. Богатые люди и представители имперской власти не решались отправляться в сельскую местность без усиленной охраны. Циркумцеллионы не раз появлялись у ворот укрепленных городов. Все жили в постоянной тревоге, а торговля пришла почти в полный упадок.

Контрольное задание

Какие уроки можем мы сегодня извлечь из донатистского раскола? Действовали ли, факторы, подобные тем, которые привели к донатистскому расколу, в других, более поздних по времени церковных расколах? Постарайтесь привести соответствующие примеры.

Церковь в Константиновскую эпоху

Римские власти ответили применением силы. Начались гонения, попытки убедить раскольников, кровавые побоища, на помощь была брошена армия. Но все было напрасно. Циркумцеллионы выражали глубокое социальное недовольство масс, и подавить это движение империи никак не удавалось. Вскоре на эти земли вторглись вандалы, положившие конец римскому правлению. Но выступления продолжались и при вандалах. В VI веке Северо-Африканские территории были вновь освобождены римлянами. Циркумцеллионы же оставались и тогда. И только в VII веке после мусульманских завоеваний донатисты и циркумцеллионы исчезли, быстро приняв ислам.

Итак, донатизм (и особенно его наиболее радикальное ответвление – циркумцеллионы) был одной из возможных реакций на новые условия, сложившиеся после обращения Константина. В то время как одни христиане приняли новый порядок с распростертыми объятиями, а другие уходили в пустыню, донатисты порвали с Церковью, ставшей союзницей империи. Поднятые ими важные богословские вопросы, связанные с природой Церкви и действенностью совершаемых обрядов, побудили других христиан заняться более детальным их рассмотрением.

4. Арианство и Первый Вселенский Собор

Донатистский раскол имел лишь локальное распространение в Северной Африке. Возможность свободно полемизировать и апеллировать к государству в эпоху Константина привела к появлению новой ереси, приведшей к куда более масштабному церковному расколу. Речь идет об арианстве.

Своими корнями арианская ересь уходит в богословские споры, которые велись еще до времен Константина. По сути полемика касалась понимания христианами природы Бога в свете работ Юстина, Климента Александрийского, Оригена и других. Когда ранние христиане проповедовали свою веру в разных концах империи, их считали невежественными безбожниками, поскольку у них не было видимых богов. В ответ на это некоторые образованные христиане начали ссылаться на авторитет общепризнанных мудрецов античного мира, то есть философов. Мудрейшие из языческих философов учили, что над всем мирозданием владычествует невидимое Высшее Существо, а некоторые из них даже заявляли, что языческие боги – порождение человеческих фантазий. Ссылаясь на такие признанные авторитеты, образованные христиане заявляли, что они тоже верят в Высшее Существо, о котором писали философы, и что именно в нем они видят Бога. Аргумент выглядел весьма убедительным, и он, несомненно, способствовал распространению христианства среди ученых и образованных людей.

Но здесь же таилась и определенная опасность. Осознав связь между своей верой и философскими доктринами, христиане вполне могли прийти к убеждению, что о Боге лучше говорят не пророки и библейские авторы, а Платон, Плотин и другие философы. Поскольку эти философы считали Высшее Существо абсолютно неизменным, бесстрастным и потусторонним, многие христиане считали, что это и есть Бог Писания.

Для того, чтобы отождествить Бога Библии с неизменным и бесстрастным «Существом» классической философии, использовались два приема: аллегорическое истолкование библейских текстов и учение о Логосе. Применять аллегорическое истолкование было несложно. Когда в Писании о Боге говорится что-либо «недостойное» – то есть недостойное совершенства Высшего Существа, – эти слова нельзя воспринимать буквально. Например, читая в Библии, что Бог ходил по саду или что-то говорил, надо помнить, что Высшее и Неизменное Существо не ходит и не говорит. В интеллектуальном плане такое толкование многих устраивало. Но эмоционально оно не приносило удовлетворе-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ния, ибо церковная жизнь основывалась на вере в возможность прямого общения с личным Богом, а Высшее Существо философов было абстрактным и безличным.

Другим способом сблизить философское понятие о Высшем Существо и свидетельство Писания было учение о Логосе, разработанное Юстином, Климентом, Оригеном и другими. В соответствии с этой точкой зрения, наряду с Высшим Существом, неизменным, безличным и бесстрастным «Отцом», есть также Логос, Слово или Разум Божий, личностное существо, способное устанавливать прямые связи с миром и людьми. По представлениям Юстина, когда в Библии говорится, что Бог что-то сказал Моисею, это означает, что к нему обратился Логос Бога.

Благодаря влиянию Оригена и его учеников такие взгляды получили широкое распространение в Восточной Церкви, то есть там, где говорили на греческом, а не на латинском языке. Многие полагали, что между неизменным Богом и изменчивым миром стоит Слово, или Логос Бога. Таким был контекст полемики, связанной с арианством.

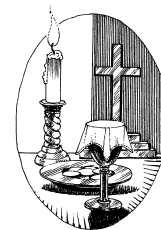
Богословские споры начались в Александрии, когда на Востоке еще правил Лициний, а на Западе – Константин. У епископа Александрии Александра возникли разногласия с Арием, который был одним из наиболее авторитетных и уважаемых пресвитеров города. Дискуссии велись по многим темам, но центральное место среди них занимал вопрос о том, было ли Слово Бога столь же вечным, как и Сам Бог. Суть спора достаточно ясно выражена в словах «было время, когда Его не было», ставших девизом ариан. Александр отстаивал, что Слово, как и Отец, существует вечно, а Арий утверждал, что Слово не вечно. Вопрос может показаться слишком отвлеченным, но, в конечном счете, речь шла о Божественности Слова. Арий утверждал, что, строго говоря, Слово – это не Бог, а первое среди всех творений, при том, что существования Слова до воплощения Арий не отрицал. По Арию, Слово было сотворено Богом прежде всего остального. Александр же отстаивал Божественность Слова, которое, следовательно, не может быть сотворенным и, как и Отец, существует вечно. Иными словами, если бы спорщиков попросили провести черту между Богом и творением, у Ария Слово расположилось бы по одной стороне с творением, а Александр отделил бы творение от Отца и вечного Слова.

В поддержку своей позиции каждая из сторон приводила тексты из Библии и логические аргументы, доказывающие несостоятельность точки зрения оппонента. Арий, например, утверждал, что Александр по сути отрицает христианский монотеизм, ибо, по мнению епископа Александрийского, есть два Божественных Существа и, следовательно, два Бога. Александр же на это отвечал, что позиция Ария означает отвержение Божественности Слова и тем самым Божественности Иисуса. Церковь с самого начала поклонялась Иисусу Христу как Богу, и принятие точки зрения Ария вынудило бы ее либо отказаться от этого поклонения, либо признать, что она поклоняется сотворенному существу. Оба варианта неприемлемы, утверждал Александр, что доказывает неправоту Ария.

Конфликт в Александрии получил широкую огласку, когда Александр, сославшись на свои полномочия и свою ответственность епископа, осудил учение Ария и отстранил его от служения в церкви. Арий не признал этого решения и обратился к жителям Александрии и к видным епископам в восточной части империи, с которыми он когда-то вместе учился в Антиохии. Вскоре в Александрии начались народные выступления – люди ходили по улицам, выкрикивая богословские лозунги Ария. Епископы же, к которым обратился Арий, написали письма, в которых заявляли, что низложенный пресвитер прав, и что именно Александр проповедует лжеучение. Таким образом, местные разногласия в Александрии начали угрожать единству всей Восточной Церкви.

Так обстояли дела, когда решил вмешаться Константин, только что одержавший победу над Лицинием. Сначала он дал епископу Осию Кордовскому, своему советнику по церковным вопросам, поручение

Церковь в Константиновскую эпоху

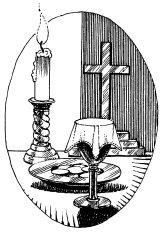

попытаться примирить враждующие стороны. Когда Осий сообщил, что полюбовными мерами согласия достичь невозможно, Константин решился на шаг, о котором думал и раньше: созвать большое собрание, или собор христианских епископов из всех частей империи. Помимо обсуждения вопросов, связанных с выработкой общей политики, этот собор должен был разрешить спор, начавшийся в Александрии.

В 325 году епископы собрались в Никее, городе в Малой Азии неподалеку от Константинополя, на встречу, которая станет известной как I Вселенский Собор. Точное число его участников неизвестно (цифру 318, приводимую в древних документах, многие ученые ставят под сомнение, так как она соответствует числу обрезанных во времена Авраама), но присутствовало действительно около трехсот человек – представителей главным образом грекоязычного Востока, хотя были и епископы с Запада. Чтобы понять, что значило это событие для тех, кто был его очевидцем, надо помнить, что среди собравшихся были люди, совсем недавно пережившие заключение, пытки или ссылку, а некоторые из них несли на теле физические свидетельства своей верности. И вот теперь, всего через несколько лет после жестоких испытаний, тех же епископов пригласили собраться в Никее, причем все их расходы оплатил император. Многие присутствовавшие знали друг друга только понаслышке или через переписку. Но теперь, впервые в истории христианства, они воочию убедились во всеобъемлющем характере Церкви. В своей книге «Жизнь Константина» присутствовавший на соборе Евсевий Кесарийский описывает это так:

«Собрались самые уважаемые служители Божьи из многих церквей Европы, Ливии [т.е. Африки] и Азии. В один молитвенный дом, как будто бы расширенный Богом, пришли сирийцы и киликийцы, финикийцы и арабы, делегаты из Палестины и из Египта, фивийцы и ливийцы, представители Месопотамии. Был один персидский епископ и один скифский. Понт, Галатия, Памфилия, Каппадокия, Асия и Фригия, а также такие отдаленные районы, как Фракия, Македония, Ахаия и Эпир, прислали своих самых выдающихся епископов. Даже из Испании на этот собор приехал очень известный человек [Осий Кордовский]. Епископ имперского города [Рима] присутствовать не смог в силу своего преклонного возраста, но его представляли пресвитеры. Константин – первый правитель всех времен, соединивший такой венок узами мира и представивший его Спасителю как дань благодарности за победы, которые он одержал над всеми своими врагами» [Евсевий Кесарийский. *Жизнь Константина* 3. 7].

В атмосфере общей эйфории епископы обсудили множество правовых вопросов, требовавших решения после прекращения гонений. Они утвердили формальную процедуру восстановления малодушных, избрания и рукоположения пресвитеров и епископов, определили порядок старшинства различных епархий. Был, в частности, подтвержден порядок, согласно которому древним церквям крупных городов присваивался статус митрополий. Возглавлявшие их епископы (называвшиеся архиепископами или митрополитами) располагали правами юрисдикции над другими церквями своего округа и их епископами. Они имели право созывать провинциальные епископские Синоды (Поместные соборы), оказывали влияние на избрание возглавлявших епархии их провинции иерархов, разбирали споры, принимали апелляции и т.д. и т.п. Но и среди митрополичьих кафедр существовала своя иерархия. Три из них пользовались особым почетом, уважением и правами: Римская, Александрийская и Антиохийская. Согласно сложившейся традиции, если к митрополиту можно было апеллировать на действия епископов его архиепархии, то иерархи, занимавшие вышеуказанные кафедры, принимали жалобы и на самих митрополитов, и на решения провинциальных синодов. Иначе говоря, сфера их реальной ответственности была несравненно шире их провинции и простиралась, по существу, на всю Вселенскую Церковь. Постепенно вошло в обычай именовать их «патриархами» и «отцами» (= «папас», «папа»).

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Но самым трудным пунктом программы Собора стал вопрос об отношении к арианству. Здесь необходимо было учесть позиции и интересы различных групп.

Прежде всего, на Соборе присутствовала небольшая группа убежденных ариан, возглавлявшихся Евсевием Никомидийским – епископом, игравшим основную роль в первые годы полемики (не путать с историком Евсевием Кесарийским). Поскольку Арий не был епископом, он не присутствовал на Соборе, и его представлял Евсевий Никомидийский. По убеждению этой небольшой группы, правота Ария была настолько очевидной, что требовалось лишь логично изложить его доводы, после чего собравшиеся примут его точку зрения и вынесут порицание осудившему его Александру.

Прямо противоположную позицию занимала другая небольшая группа епископов, убежденных, что арианство угрожает самой сути христианской веры и поэтому его следует открыто осудить. Эту группу возглавлял Александр, епископ Александрийский. Один из его последователей, молодой человек, который, будучи лишь диаконом, не мог принимать участия в работе Собора, впоследствии станет известным защитником Никейской ортодоксальности под именем Афанасия Александрийского.

Для большинства епископов латиноязычного Запада полемика в связи с арианством не представляла особого интереса, так как они считали ее внутренним делом восточных последователей Оригена. Для них вполне достаточным было сделанное задолго до этого Тертуллианом заявление, что в Боге «три Лица и одна сущность».

Еще одна небольшая группа, состоявшая, по-видимому, всего из трех или четырех человек, занимала позицию, близкую к «патрипассианству», согласно которому Отец и Сын суть одно и, следовательно, Отец тоже испытал страдания. Эти епископы признавали, что Арий не прав, но их собственное учение тоже было отвергнуто в ходе последующего обсуждения, при уточнении учения о Троице.

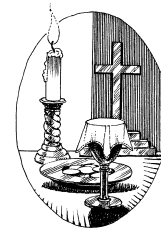
Наконец, подавляющее большинство не принадлежало ни к одной из этих групп. Они просто сожалели, что в Церкви возникли разногласия, когда гонения наконец закончились, и перед нею открылись новые возможности и встали новые задачи. В начале работы Собора эти епископы пытались найти компромиссное решение, которое позволило бы перейти к обсуждению других вопросов. Типичным примером служило поведение Евсевия Кесарийского, образованного историка, благодаря своей эрудиции пользовавшегося большим уважением среди других епископов.

Судя по свидетельству очевидцев, поворотным пунктом стало выступление Евсевия Никомидийского, где он изложил свои взгляды, которые также были взглядами Ария. Он полагал, что собравшихся можно убедить простым и ясным изложением учения. Но ответ епископов, после того как они услышали его объяснения, был вовсе не таким, на который рассчитывал Евсевий Никомидийский. Утверждение, что Слово или Сын – всего лишь творение, хотя и очень высокое, вызвало гневные восклицания: «Ты лжешь! Это богохульство! Ересь!» Евсевию не дали больше говорить, и, по свидетельству очевидцев, текст его выступления вырвали у него из рук, разорвали и после этого растоптали.

Настроение большинства собравшихся изменилось. Раньше они надеялись достичь согласия и компромисса, не осуждая ни то, ни другое учение, но теперь были готовы решительно осудить и отвергнуть арианство.

Вначале собравшиеся попытались сделать это на основании Писания. Но вскоре стало очевидным, что, ограничиваясь библейскими текстами, Собору трудно будет четко и недвусмысленно осудить арианство. Поэтому было решено принять такой Символ веры Церкви, в котором арианству не оставалось бы места. Как все происходило, не совсем ясно. Евсевий Кесарийский, руководствуясь причинами, которые до сих пор обсуждаются учеными, прочитал Символ веры своей Поместной церкви. Император

Церковь в Константиновскую эпоху

Константин предложил включить в Символ веры слово *хомусиос* («единосущный»), к которому мы еще вернемся. В конце концов собравшиеся приняли формулировку, однозначно отвергавшую арианство:

«Веруем в единого Бога, Всемогущего Отца, Творца всего видимого и невидимого.

И в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, Единородного Отцу, в Бога от Бога, в Свет от Света, в Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного [хомусиос] Отцу, через Которого все начало быть на небе и на земле, Который ради нас и нашего спасения сошел с небес и воплотился в человека, пострадал и воскрес на третий день, вознесся на небо и вернется, чтобы судить живых и мертвых.

И в Святого Духа.

Тех же, кто говорит, что когда-то Его не было, что прежде рождения Его не было, или что Он вышел из того, чего не существует, или что у Сына Божьего иная природа [хипостазис], или сущность [усия], или что Он сотворен, или что Он подвержен изменениям, Вселенская Церковь предает анафеме» [**Евсевий Кесарийский**, *Послание к кесарийцам*].

Этот текст, в который позднее были внесены дополнения, и без упоминания об анафеме в последнем абзаце, стал основой того, что сейчас называют Никейским Символом веры, то есть принятым большинством христианских церквей исповеданием. Никейский Символ веры признается как Католической Церковью, так и Восточными Церквями, а также большинством протестантских деноминаций.

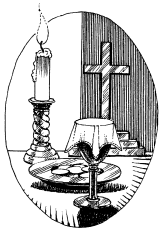
Из текста, принятого епископами на Никейском Соборе, ясно, что своей главной задачей они считали отвержение любого представления о Сыне или Слове (Логосе) как о сотворенном или «менее божественном» по сравнению с Отцом существе. Это следует из таких утверждений, как «Бог от Бога, Свет от Света, истинный Бог от истинного Бога». По этой же причине в Символе веры утверждается, что Отец есть «Творец всего видимого и невидимого». Таким образом, коль скоро Сын «рожден, не сотворен», Он не относится к сфере «видимого и невидимого», сотворенного Отцом. Кроме того, в последнем абзаце осуждаются те, кто утверждает, что Сын «вышел из того, чего не существует», то есть, подобно творению, «из ничего». В тексте Символа веры говорится также о «единосущности» Сына Отцу.

Здесь появляется ключевое слово, вызвавшее многочисленные споры, – *хомусиос*, которое обычно переводится как «единосущный». Оно было включено, чтобы выразить идею о равной Божественности Отца и Сына. Но оно же стало основной причиной возникших позднее возражений против Никейского Символа веры, так как оно будто бы подразумевало, что между Отцом и Сыном нет никаких различий, и тем самым открывало путь патрипассианству.

Собравшиеся в Никее епископы надеялись, что принятый ими Символ веры вместе с приложенной к нему анафемой устранил все разногласия, и приступили к его подписанию. Очень немногие, в том числе Евсевий Никомидийский, отказались поставить подпись. Тогда Собор объявил их еретиками и лишил их епископского сана. Константин усугубил это наказание, выслав низложенных епископов из их городов. Тем самым он, вероятно, просто намеревался предотвратить дальнейшие беспорядки. Но присовокупление к церковному наказанию гражданского имело серьезные последствия – был создан прецедент вмешательства светских властей для защиты того, что считалось правильным учением.

Вопреки надеждам епископов Никейский Собор не положил конец разногласиям. Евсевий Никомидийский был тонким политиком и, возможно, даже дальним родственником императора. Он всячески старался завоевать расположение монарха, который вскоре разрешил ему вернуться в Никомидию. В Никомидии располагалась летняя резиденция императора, Евсевий общался с Константином едва ли не ежедневно, а потому сумел добиться, чтобы тот пересмотрел ранее принятое им решение. В

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

конец концов император счел, что поступил с арианами излишне сурово. Константин вызвал из ссылки самого Ария и приказал епископу Александрийскому восстановить его в правах. Пока епископ размышлял, должен ли он повиноваться императору или слушать голос совести, Арий умер.

Вскоре (в 328 г.) умер и Александр Александрийский, и его сменил Афанасий, присутствовавший на Никейском Соборе в качестве диакона (как наблюдатель) и ставший теперь основным защитником его решений. Вскоре его имя уже было неразрывно связано с отстаиванием Никейских принципов. Евсевию Никомидийскому и его сторонникам удалось добиться высылки Афанасия, как «возмутителя вселенского спокойствия», что и было сделано по приказу Константина. К тому времени большинство сторонников принятых на Никейском Соборе решений были уже изгнаны. Когда на смертном одре Константин наконец попросил окрестить его, обряд этот совершил Евсевий Никомидийский.

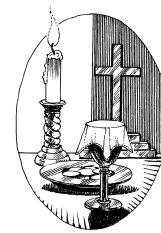
После короткого периода междуцарствия Константина сменили трое его сыновей: Константин II, Констант и Констанций II. Константин II правил в Галлии, Британии, Испании и Марокко. Констанций получил большую часть восточных территорий. Константу же была отведена узкая полоска земли между владениями братьев, включавшая Италию и Северную Африку. Поначалу в новых условиях обстановка складывалась в пользу Никейской партии, ибо старший из трех сыновей Константина встал на ее сторону и возвратил из ссылки Афанасия вместе с его товарищами. Но затем между Константином II и Константом началась война, позволившая правившему на Востоке Констанцию воплотить в жизнь свои проарианские взгляды. Афанасий был вновь сослан, но вернулся, когда после смерти Константина II Запад объединился под властью Константа, а Констанций был вынужден проводить более умеренную политику. Однако в конечном итоге единоличным императором стал Констанций, и тогда, по словам Иеронима, «весь мир очнулся от глубокого сна и обнаружил, что стал арианским». Лидеры тех, кто продолжал отстаивать решения Никейского Собора, вновь были вынуждены покинуть свои города, давление властей еще усилилось, так что в конце концов даже престарелый Осий Кордовский и епископ Римский Либерий подписали арианское исповедание веры.

Так обстояли дела, когда неожиданная смерть Констанция изменила ход событий. Его сменил двоюродный брат Юлиан, позднее названный христианами «Отступником». Воспользовавшись бесконечными распрями среди христиан, к власти готовилась прийти языческая реакция.

5. Попытка языческого реванша при Юлиане Отступнике. Второй Вселенский Собор

После смерти императора Константина большинство его близких родственников были физически уничтожены. Исключение составили три Константиновых сына, унаследовавшие престол, и их двоюродные братья Юлиан и Галл – дети одного из убитых братьев Константина. Обстоятельства, при которых совершались убийства членов царской семьи, не совсем ясны, поэтому было бы, вероятно, несправедливо всю вину возлагать на Констанция. Известно, что после смерти Константина возникли определенные сомнения относительно его преемника, и что военные убили многих родственников покойного императора, но не для того, чтобы возвести на престол новую династию, а чтобы обеспечить передачу власти трем его сыновьям. Когда началось избиение, в Константинополе находился арианин Констанций, и поэтому молва считала, что именно он был инициатором убийств своих родственников или во всяком случае им потворствовал.

Церковь в Константиновскую эпоху

Как бы оно ни было на самом деле, Юлиан не сомневался в виновности своего кузена Констанция. Отец Юлиана был сводным братом Константина, поэтому Юлиан приходился двоюродным братом трем новым императорам. Из всей большой семьи Юлиана выжили только он сам и его сводный брат Галл. Позднее Юлиан заявлял, что Галла пощадили лишь потому, что в то время он казался смертельно больным, а самому ему сохранили жизнь лишь за малолетством: ему было тогда всего шесть лет, и он не представлял никакой угрозы порядку престолонаследия. Вполне возможно, что сам Констанций распорядился оставить этих своих двоюродных братьев в живых, поскольку они не могли в таком раннем возрасте возглавить восстание, а с другой стороны, если бы три сына Константина умерли без наследников, эти молодые родственники могли бы стать законными претендентами на престол.

Тем не менее, Галла и Юлиана не допускали ко двору. Тогда как Галл занимался в основном физическими упражнениями, его младший брат все больше времени посвящал философским штудиям. Оба были крещены и получили христианское воспитание, во все время их отлучения от двора они были «чтецами» в церкви.

В конце концов Констанций, став в 350 году единоличным правителем империи и не имея собственных сыновей и наследников, призвал Галла ко двору. В 351 году Галл получил титул «кесаря», то есть «младшего императора», а вместе с ним – власть на обширных территориях. Но Галл оказался неумелым руководителем, кроме того ходили слухи, что он строил козни против своего двоюродного брата. Через несколько лет после провозглашения кесарем он был по приказу Констанция арестован и обезглавлен.

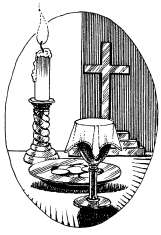
Тем временем Юлиан продолжал изучать философию в Афинах, в городе, считавшемся средоточием древней мудрости. Там он познакомился с Василием Кесарийским, преданным христианином, ставшим впоследствии одним из величайших епископов своего времени. Там же он заинтересовался древними мистическими культами. В конце концов он отошел от христианства и начал искать истину и красоту в литературе и религии Древней Греции.

Констанций, предав забвению ошибку, которую он совершил с Галлом, призвал разделить свою власть единственного оставшегося родственника, дав ему титул кесаря и управление Галлией. Никто не ожидал, что Юлиан, проведший жизнь в изучении книг философов, станет великим правителем, тем более что Констанций не оказывал ему особой поддержки. Но Юлиан удивил своих современников. Его управление Галлией было просто-напросто образцовым. А когда возникала необходимость отражать набеги варваров, он выказывал себя умелым военачальником, чем заслужил высокое уважение в армии.

Все это не очень нравилось Констанцию, так как он опасался, что Юлиан в конце концов отнимет у него престол. Напряжение в отношениях между братьями усиливалось. Когда Констанций, готовившийся к походу против Персии, призвал войска, располагавшиеся в Галлии, на Восток, они взбунтовались и провозгласили Юлиана «августом», то есть высшим императором. Как только угроза со стороны персов миновала, Констанций отправился в поход против Юлиана и его взбунтовавшихся войск. Но когда гражданская война казалась неизбежной и обе стороны были готовы к ней, Констанций умер. Юлиан без труда занял Константинополь и провозгласил себя главой всей империи. Шел 361 год.

Первым делом Юлиан постарался отомстить тем, кто в наибольшей степени способствовал его бедам и пытался не допустить его к власти. С этой целью он создал судебный орган, который хотя и был формально независимым, фактически исполнял все желания императора. Несколько злейших врагов нового императора были тут же приговорены к смертной казни.

Но в целом Юлиан был способным и великодушным правителем, и ему удалось упорядочить хаотичные управленческие структуры своих обширных владений. Однако наибольшую известность он приобрел не этими делами, а своей религиозной политикой, благодаря которой он вошел в историю как «Отступник».

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Юлиан стремился возродить утерянную славу язычества и воспрепятствовать распространению христианства. Со времен Константина язычество в значительной степени утратило былое величие. Сам Константин не преследовал язычников и не пытался силой обращать их в христианство. Но он разграбил древние храмы, забрав из них произведения искусства для украшения новой столицы. При его сыновьях был принят ряд законов, направленных на поддержку христианства. Ко времени, когда Юлиан стал единоличным императором, языческие храмы были по сути дела опустошены, а многие языческие жрецы ходили в лохмотьях, пытаясь хоть как-то пополнить свои скудные доходы и пренебрегая совершением древних обрядов.

Юлиан желал полностью восстановить и реформировать язычество. Для этого он приказал вернуть в храмы всё, что было из них изъято. Следуя примеру христианской Церкви, он установил среди языческих жрецов иерархию, подобную той, которая существовала в Церкви. Он разделил империю на области и во главе каждой из них поставил главного жреца, которому подчинялись все остальные. В свою очередь главные жрецы областей подчинялись высшим жрецам провинций, а те – «верховному жрецу», которым был сам Юлиан. Все члены жреческой иерархии должны были вести образцовую жизнь и заниматься не только проведением служб, но и проповедью (излагавшей религиозно-богословские доктрины), а также благотворительностью в пользу нуждающихся. Таким образом, хотя Юлиан и отвергал христианство, фактически он многое от него заимствовал.

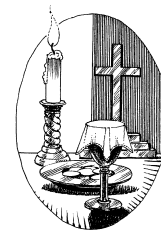
Одновременно с реализацией этой широкой программы религиозного обновления Юлиан предпринимал вполне конкретные шаги для реанимации поклонения древним богам. Он считал себя избранным ими для проведения этой работы и поэтому не только старался вернуть империю в целом к старой вере, но и сам воздавал честь богам, поклоняясь и совершая жертвоприношения, чего не делали многие другие его современники. По его приказу совершались массовые жертвоприношения, когда за один раз богам приносились сотни тельцов и других животных. Но Юлиан, будучи мудрым правителем, хорошо понимал, что восстановление язычества не столь популярно в народе, как ему хотелось бы. Люди высмеивали древние обряды, даже если и принимали в них участие. Следовательно, необходимо было не только пропагандировать язычество, но и подавлять христианство – его самого мощного противника.

С этой целью Юлиан предпринял ряд мер, хотя, отдавая ему справедливость, следует подчеркнуть, что он никогда не проводил гонений на христиан. В отдельных местах среди христиан появлялись мученики, но это объяснялось не императорскими указами, а действиями толпы или чрезмерным рвением местных властей. Сам Юлиан был убежден, что гонения на христиан не могут способствовать успеху его политики.

Вместо гонений Юлиан делал ставку на «идейную борьбу» и административные меры, одновременно противодействуя распространению христианства и опровергая его учение с помощью разумных аргументов. Во-первых, он принял закон, запрещавший христианам использовать в их школах произведения классической литературы. Запретив то, что в его глазах выглядело кощунством, он лишил христиан возможности использовать для распространения веры сочинения античных авторов, что они делали со времен Юстина, т.е. со II века. Во-вторых, Юлиан пытался всячески дискредитировать христиан, которых он называл «галилеянами». С этой целью он написал книгу «Против галилеян», в которой, демонстрируя знание Библии, высмеивал как содержание Писания, так и учение Иисуса. Затем он решил восстановить Иерусалимский храм – не потому, что испытывал особые симпатии к иудаизму, а дабы на деле опровергнуть христианский тезис о том, что разрушение храма стало исполнением пророчеств Христа.

Все эти начинания осуществлялись быстрыми темпами, но тут императора совершенно неожиданно настигла смерть. Во время кампании против персов Юлиан был смертельно ранен вражеской стрелой. Согласно известной легенде, лишенной, правда, каких-либо исторических оснований, его последними словами были: «Ты победил, Галилеянин!»

Церковь в Константиновскую эпоху

Юлиана сменил на троне императора Никейский христианин Иовиан. Но Иовиан через несколько месяцев умер, и его преемником стал Валент, твердый сторонник арианства. Несмотря на то, что большинство римских подданных-христиан исповедовало Божество Иисуса, против сторонников Никейского Собора начались гонения. Арианство пользовалось всецелой поддержкой государства; во всем Константинополе не было ни одной ортодоксальной церкви. Православное богослужение совершалось св. Григорием Назианзиным в частном доме. Когда он появлялся на улице, толпа забрасывала его камнями. Арианские монахи не раз врываются на службу и оскверняли алтарь.

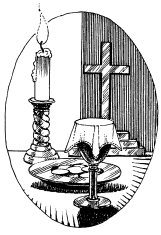
Но позднее ситуация опять изменилась. Империя разваливалась на глазах: ее разоряли вышедшие из повиновения варварские подданные-готы. Ради спасения государства вся полнота императорской власти была вручена искусному полководцу, уроженцу Испании Феодосию. Ему вскоре удалось с помощью ряда хорошо продуманных военных и дипломатических акций выправить положение. В конце 380 года император Феодосий с триумфом вошел в Константинополь. Он придерживался ортодоксальных взглядов и вскоре удалил всех ариан с высоких постов, которые они использовали для упрочения своих позиций. Несколько дней спустя новый император пригласил Григория Назианзина посетить вместе с ним собор Святой Софии. День был пасмурным, и только одного Григория озарил единственный луч солнечного света. Присутствующие сочли это знамением свыше и закричали: «Григорий – епископ, Григорий – епископ!» Такой оборот дела устраивал Феодосия, поэтому он согласился. Григория, не желавшего становиться епископом, в конце концов уговорили. Бездомный монах из Назианза стал епископом Константинопольским. Тогда же Феодосий издал эдикт, предписывающий всем подданным империи исповедовать Никейскую веру.

Через несколько месяцев император созвал в Константинополе Синод восточных епископов, на котором Григорий председательствовал как епископ столичного города. Ввиду важности принятых на этом Синоде решений, он, спустя какое-то время, был назван Вторым Вселенским Собором. Константинопольский Собор подтвердил решения Никейского Собора в отношении Божественности Сына и добавил к ним положения, касающиеся Святого Духа. Таким образом, именно этот Собор провозгласил учение о Троице. Его решения и заложенные в них богословские принципы остаются фундаментом христианской веры до наших дней.

6. Третий Вселенский Собор

Итак, II Вселенский Собор подвел черту под тринитарными спорами. Теперь на повестку дня встал новый вопрос: вопрос о Личности «исторического Иисуса». Каким образом в ней могли сочетаться божественные и человеческие черты? Церковь изначально исповедовала Его как Бога, но, вместе с тем, считала Его также и человеком. Но как это было возможно? Как Божество и человечество могли «уживаться» в одной Личности? Поскольку же обсуждение велось на языке эллинистической философии, парадокс казался совершенно неразрешимым: ведь, согласно философам, атрибуты Божественного и человеческого («тварного») полностью исключают друг друга.

В IV в. существовали две интеллектуальные школы, по-разному подходившие к христологической проблеме: александрийская и антиохийская. Разность их подходов современные ученые попытались выразить следующими противопоставлениями: Александрия – это аллегория, эллинский ум, платоновские методы. Антиохия – это конкретика, семитский ум, аристотелевские методы. На самом же деле эти противопоставления весьма неадекватны и условны. Достаточно указать хотя бы на то,

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

что главными богословами и той, и другой школы были греки, мыслившие вполне в эллинских категориях. И в трудах такого типичного представителя антиохийской школы, как св. Иоанн Златоуст, так же трудно найти какое-либо семитское влияние, как и в писаниях св. Афанасия Александрийского.

Думается, более удачно выражают разницу между двумя школами две формулы христологической мысли: в Антиохии богословы говорили о «Слове вочеловечившемся», а в Александрии – о «Слове воплотившемся» (ключевым текстом здесь является Ин. 1:14: «Слово стало плотью»).

Наиболее известным антиохийским автором предыдущей эпохи, эпохи борьбы с арианством, был Феодор Мопсуэстийский (+ 428 г.). Он был великим экзегетом и оставил нам множество комментариев на Писание. Можно сказать, что именно он, а не его ученик Несторий, и был настоящим «отцом несторианской ереси».

Личность Христа у Феодора явно раздваивается. Различая между Богом и человеком во Христе, он «раскалывает» Его Личность. По его мнению, лишь в виде благочестивого преувеличения можно утверждать, что Бог-Сын страдал и умер, или что Иисус-человек творил чудеса, но настоящий богослов знает, что это не так. То же самое относится и к слову «Богородица». Земная женщина не может родить вечного Бога, и, следовательно, называть так Деву Марию может лишь безграмотный крестьянин.

Когда Феодора спрашивали прямо, сколько у Христа «личностей», он отвечал, что Христос – это одно Лицо. Но термин, который он употреблял, – это «просопон», а не «ипостась» (конкретное личное существо). Греческое слово «просопон» означает скорее маску, личину, т.е. то, что не имеет глубокой и неотъемлемой внутренней связи с личностью, что-то, что можно легко надеть, а затем так же легко снять. Понятно, что это слово весьма плохо выражает идею ипостасного единства двух природ Спасителя. У Феодора две природы («две ипостаси») лишь соприкасаются («синафейя» – сцепление) в одном «просопоне», что предполагает возможность разделения.

Говоря о Деве Марии, родившей «двух сынов» – человека и Бога, Феодор, по существу, утверждает: Мария родила ребенка, в которого пожелал вселиться Бог.

Феодор заявлял, что усыновление Христа Богом произошло еще во чреве Матери, путем объединения «двух сынов». Это утверждение и стало богословской базой несторианства и причиной того, что сам Феодор был осужден как еретик в 553 г.

Теология Боговоплощения Феодора Мопсуэстийского воспринималась александрийцами как вызов всей их богословской традиции.

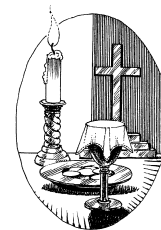
С 412 по 444 г. епископом Александрийским был св. Кирилл (племянник Феофила, добившего осуждения св. Иоанна Златоуста). Кирилл – блестящий богослов – был убежденным противником Феодора Мопсуэстийского. В своем комментарии к Евангелию от Иоанна он, не называя имен, резко критикует тех, кто считает Христа лишь главным примером пророческого вдохновения и благодати, и тех, кто говорит о «двух различных природах» после их соединения. По его убеждению, Божественность настолько пронизала собой всю человеческую природу Иисуса, что сквозила буквально в каждом ее акте. Всё «человеческое» в Иисусе было, вместе с тем, и манифестацией Его Божественности. Связь Божественного и человеческого в личности Иисуса была настолько тесной, что они составили в Нем одну «ипостась» (*хипостазис*) или одну «природу» (*физис*), причем понятий «хипостазис» и «физис» Кирилл не различал.

Тем не менее спор пока велся лишь на бумаге. Феодор был очень мирным человеком. Он поддерживал добрые отношения с Кириллом и даже посвятил ему свой комментарий на Книгу Иова.

Однако, к сожалению, спустя какое-то время теоретические разногласия перешли в плоскость церковной политики. Св. Кирилл Александрийский был не только богословом, но еще и амбициоз-

Церковь в Константиновскую эпоху

ным публичным деятелем, весьма страстным человеком и пламенным борцом – причем не только кабинетным. Он боролся с остатками древних ересей, а также с иудаизмом и языческой культурой. Он боролся за приоритет древней Александрийской кафедры на всем христианском Востоке.

Интеллектуальная элита столицы Египта в то время все еще оставалась языческой. Префект Египта Орест очень серьезно относился к своим обязанностям защиты пока еще формально существующей свободы веры, что весьма раздражало христиан, а особенно монахов. Кирилл открыто конфликтовал с префектом. Одной из трудных задач префектуры была защита евреев от погромов. Во время одного из бурных столкновений Орест арестовал вождя толпы погромщиков Иерака и наказал его как подстрекателя беспорядков. Приверженцы Кирилла стали угрожать евреям расправой. Евреи не выдержали и напали первыми, устроив превентивный погром. Христиане ответили поджогом синагог и всего еврейского квартала, что на следующее утро было одобрено Кириллом, как мера необходимой самообороны. Таким образом, Орест имел все основания считать Кирилла силой бунтарской и агрессивно-провокационной, тем более что Кириллу повиновалась целая армия монахов. Кто-то натравил их на «язычника» Ореста. Толпа монахов бросилась штурмовать его дом, а один из них, Аммоний, бросив камень, даже разбил Оресту голову. Орест отдал приказ войскам оттеснить погромщиков. В возникшей сумятице Аммоний был задавлен насмерть. Кирилл демонстративно устроил ему торжественные похороны и объявил его мучеником. Правда, историк Церкви Сократ ехидно замечает, что если Аммоний и был жертвой, то только собственной глупости.

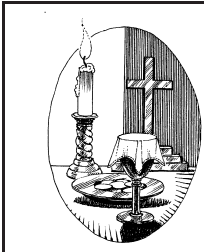
Орест также покровительствовал известной философессе, профессору неоплатонической Академии Ипатии, знаменитой своей красотой и добродетелью. В окружении св. Кирилла Ипатию считали вдохновительницей административных мер Ореста в пользу религиозной терпимости. В 415 г. толпа напала на нее на улице и после страшных мучений разорвала ее на части. Многие историки обвиняют в этом Кирилла, утверждая, что зверское убийство произошло с его ведома и одобрения.

В апреле 428 г. на пост архиепископа Константинополя был приглашен блестящий проповедник, ученый и аскет из Антиохии – игумен одного из тамошних монастырей, Несторий. Главной своей задачей он объявил борьбу с ересями. Во вступительной речи, обращенной к императору, Несторий заявил: «Дай мне землю, очищенную от еретиков, и я дам тебе небо. Царь, раздави со мною еретиков, и я раздавлю с тобою персов».

Через пять дней после вступления в должность Несторий распорядился закрыть последнюю арианскую церковь в Константинополе. Ариане (т. е. наемники-готы, из которых состояла имперская гвардия) тут же подожгли ее, после чего сгорел весь квартал, а Несторий получил кличку «Поджигатель». По настоянию нового архиепископа правительство возобновило все старые законы против еретиков. Несторий организовал настоящее гонение. Все секты были вновь объявлены незаконными, их храмы отбирались, а имущество конфисковывалось. Новый архиепископ очень быстро восстановил против себя жителей столицы, запретив с церковной кафедры театры, пение, концерты, танцы и атлетические состязания.

Но своей кульминации противостояние Несторию достигло тогда, когда он ополчился против термина «Богородица», ссылаясь на своего учителя Феодора Мопсуэстийского, писавшего: «Безумие говорить, что Бог родился от Девы. Родился от Девы тот, кто имеет природу Девы, а не Бог-Слово... Родился от Девы тот, кто от семени Давидова». Прежде писания Феодора не были известны вне круга ученых богословов, а Несторий стал проповедовать сложные теологические идеи с амвона.

Он, в частности, утверждал, что Дева Мария родила человека Эммануила, с которым соединилось, «сцепилось» (гр. «синафейя») предвечное Слово Божие. Следовательно, Она – не Богородица, а Человекородица, или Христородица. Можно даже говорить «Богоприимица» («Теодохос»), но не

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

«Богородица» («Теотокос»). Ведь всякая мать рождает только тело, а душа – от Бога. Нельзя же мать назвать «душеродицей». Конечно, говорил Несторий, если неграмотной черни нравится говорить «Богородица», то пусть ее – в виде благочестивого преувеличения мы можем допустить это. Однако истинные просвещенные христиане понимают всю абсурдность такого словоупотребления.

Лишь имя «Христос» обозначает обе природы, и лишь к нему можно применять и Божественные и человеческие свойства и признаки. Но к имени «Бог» позволительно относить лишь действия божественные. К Иисусу как человеку – только человеческие. Нельзя сказать «предвечный младенец» или «Бог питался молоком».

Несторий не только не скрывал своих взглядов, но и активно презентовал их, рассылая свои проповеди другим епископам – в частности, в Рим и в Александрию. Св. Кирилл Александрийский, почитав проповеди Нестория, насторожился. А тут еще в Константинополь прибыло четыре александрийских клирика с жалобами на Кирилла. Император Феодосий II отправил их к Несторию. Тот, разобрав их дело, нашел их правыми и послал Кириллу письмо со строгим выговором. Этого уж властный Александрийский епископ никак не мог стерпеть.

В конце 428 г. в своем очередном окружном послании, в котором объявлялась дата Пасхи, св. Кирилл открыто подверг резкой критике учение Нестория. Критика продолжилась в «Послании к монахам» и в письме к самому Несторию с просьбой пресечь вызванный им «вселенский соблазн».

Главной целью богословствования св. Кирилл объявляет наше вечное Спасение. Вся сущность Спасения, весь смысл христианства, по св. Кириллу, – в единстве Бога и человека во Христе, в той единственной Личности, в Которой все люди «соприкасаются» с Отцом. В несториевском отвержении слова «Богородица» следует видеть умаление и отрицание этого факта. Св. Кирилл вводит понятие «ипостасного единства» двух природ Христа. Став Эммануилом, Бог Слово сделал человеческую природу с ее телом Своей собственной. Поэтому можно утверждать, что Сам Бог родился, возрастал, голодал и жаждал, страдал и умер. Для св. Кирилла плоть Иисуса была воистину «телом Бога», Его рука – «рукой Бога» и т.д. Следовательно, Дева Мария была воистину Матерью Божией – Богородицей.

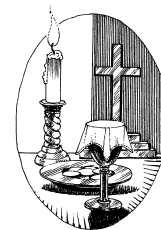
Для Спасения человека Бог должен в действительности стать человеком, воспринять человеческую природу, человеческое естество. Если же эта встреча Бога и человека не состоялась во Христе, то тем более невозможна она и для нас, а, следовательно, невозможно и наше Спасение.

Отвечая Несторию, св. Кирилл говорит: да, мать – не «душеродица», точнее, не только «душеродица». Ведь человек состоит из души и тела, но он не есть «душа и тело». Ведь мы называем человекоубийцу «душегубом» – по важнейшей части человека. Следовательно, и название Богородица – самое верное.

Согласно св. Кириллу, Спасение для нас возможно через присоединение к Церкви и преподается нам в таинстве Евхаристии. Без животворящего Слова Божия, находящегося в мистическом и реальном единстве с плотью, Евхаристия становится людоедством, а участие в ней – бессмыслицей. В Евхаристии Дух обожествляет человеческую плоть Иисуса и, приобщаясь к ней, мы спасаемся через участие в жизни Бога.

Эта «теоцентричность» и «антропологический минимализм» христологии св. Кирилла не позволяли ему говорить о человеческих качествах Христа. Опасность виделась ему с другой стороны, и поэтому он избегал любой акцентации «человечности» Спасителя. Еще одна слабость св. Кирилла заключалась в его нечеткой терминологии, в частности – во взаимозаменяемом употреблении слов «ипостась» и «природа» в высказываниях о Христе. Эти «перегибы» Кирилова богословия будут исправлены лишь на Халкидонском Соборе.

Церковь в Константиновскую эпоху

В феврале 430 г. св. Кирилл направил Несторию так называемое «Догматическое послание», еще достаточно вежливое, но с серьезной богословской аргументацией. «Догматическое послание» (иначе называемое «2-м письмом») по использованной в нем методологии было типично-александрийским. Кирилл согласился, что различия между Божественной и человеческой природами Христа не отменены их соединением – тем не менее в воплощении свершилось «ипостасное единство» в единой Ипостаси, так что можно отнести чудеса Божества к человечеству и естественные слабости человечества – к Божеству. И так как мы говорим о единой Ипостаси, мы можем без всяких преувеличений сказать, что Бог был рожден в Вифлееме, и что предвечное Слово страдало и умерло.

Ответ Нестория, посланный через 5 месяцев, был преисполнен чувства оскорбленного собственного достоинства. Богословски в нем не содержалось ничего нового: он был лишь еще одним подтверждением антиохийского тезиса о «двух природах».

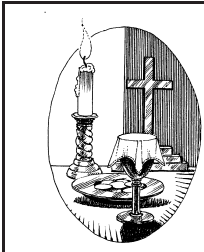
В это время (в 430 г.) в Константинополь прибыла группа спасавшихся от гонений пелагиан, только что стараниями св. Августина осужденных на Западе. Кто такие пелагиане? Пелагий, монах из Британии, получил известность своей благочестивой и аскетической жизнью. Смысл христианского пути он видел в непрестанных усилиях по преодолению греха и достижению спасения. Пелагий, как и Августин, полагал, что Бог сделал нас свободными, и что источник греха заключен в человеческой воле. По его представлениям, отсюда вытекало, что человек обладает способностью преодолевать грех. В противном случае не было бы смысла говорить о «смертных грехах», и любой грех был бы простительным.

Со своей стороны, Августин считал, что, пока не произойдет прямого вмешательства Бога, человеческая воля бессильна против связывающего ее греха. Грех обладает такой силой, что он завладевает нашей волей и управляет ею как всадник лошадью. Самое большее, на что мы способны, – это вести борьбу между желанием и сознанием долга, что лишь доказывает бессилие нашей воли. Грешник не способен желать чего-либо другого, кроме греха. Это не означает, что свободы нет вовсе. У грешника остается свобода выбора между разными возможностями, в равной мере ведущими ко греху, а закрыта для него только одна возможность – перестать грешить. По словам Августина, до грехопадения человек обладал свободой грешить или не грешить. Но между грехопадением и Искуплением у нас оставалась только свобода грешить. После Искупления нас осеняет Божественная благодать, ведущая нашу волю от жалкого состояния, в которое она попала, к новому состоянию, в котором восстанавливается свобода грешить либо не грешить. Наконец, в небесном отечестве мы тоже будем свободными, но исключительно свободными не грешить. Это опять же не означает, что не будет свободы выбора. Напротив, у нас останется свобода выбора между разными возможностями. Но ни одна из них не будет вести к греху.

Как мы в нашем теперешнем состоянии можем сделать выбор и принять благодать? По мысли Августина, только действием самой же благодати, ибо до момента обращения мы не в силах не грешить и, следовательно, не можем откликнуться на призыв Божий. Инициатива обращения исходит не от человека, а от Бога. Кроме того, благодать непреодолима (т.е. с абсолютной необходимостью приводит человека ко Спасению), и Бог дает ее тем, кто для нее предназначен.

Пелагий, между тем, утверждал, что каждый из нас приходит в мир полностью свободным грешить или не грешить. Нет таких понятий, как «первородный грех» или «извращенность человеческой природы», склоняющая ко греху. Дети не грешат до тех пор, пока по собственной свободной воле не принимают неправильного решения.

Полемика продолжалась несколько лет, и, в конце концов, пелагианство было осуждено. Однако и взгляды Августина не получили всеобщего признания. Патриарх Несторий принял изгнанных Августином пелагиан, не нашел в их учении ничего предосудительного и написал весьма резкое послание папе

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Целестину. Одновременно и св. Кирилл послал письмо Папе с жалобами на Нестория и на его ошибочную христологию. Папа рассмотрел учение Нестория и вынес его на обсуждение собора в Риме (430 г.), на котором Несторий был осужден, правда в самых общих выражениях, по обвинению в пелагианстве.

В августе 430 г. папа Целестин послал св. Кириллу письмо для Нестория с требованием в 10-дневный срок по его получении отречься публично или письменно от своих взглядов. Папа также заявил, что предоставляет Кириллу все полномочия для «разборки» со строптивым Константинопольским архиепископом.

Св. Кирилл передал Несторию этот ультиматум лишь 30 ноября, вместе с собственным письмом, содержащим так называемые «12 анафематизмов», под которыми Несторий должен был подписаться. Копии папского письма и «анафематизмов» были разосланы всем ведущим епископам христианского мира.

До этого многие, например патриарх Антиохийский Иоанн и другие видные иерархи, пытались уладить дело миром. Иоанн Антиохийский писал письма и Кириллу и Несторию, уговаривая их помириться. Несторий пошел на уступки и заявил, что отказывается от возражений против титула «Богородица». Однако после опубликования «12 анафематизмов» примирение для антиохийцев стало невозможным. В них св. Кирилл осуждал по пунктам все слабые стороны антиохийского богословия. Несторий в ответ издал свои 12 анафематизмов против Кирилла, заявив, что против него – Нестория – возведены ложные обвинения.

Но вся эта переписка была уже *post factum*, ибо за 11 дней до того, как весь кирилловский пакет документов был передан Несторию, император Феодосий II разослал приглашения на Собор, который должен был состояться в Эфесе (на полпути между Александрией и Константинополем) в Пятидесятницу (7 июля) 431 г.

После того как Несторий ознакомился с анафематизмами св. Кирилла, он убедился в их полной «еретичности», и, следовательно, в своей правоте. Он ожидал Собора с уверенностью и спокойствием.

Однако он недооценил дипломатические способности Кирилла, количество недругов, которых нажил в столице, и силу политического противостояния ряда древних апостольских митрополий Константинопольской кафедры. Ведь пока формально столичная кафедра не была даже митрополией. Теоретически она находилась под митрополитом Гераклеиским. Малая Азия практически единым фронтом выступала против столичного выскочки. Митрополит Эфесский Мемнон был настолько ярким сторонником Кирилла, что в Эфесе Несторию пришлось передвигаться под охраной воинских подразделений для защиты от монахов Мемнона.

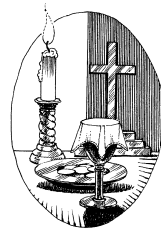
Несторий мог рассчитывать на поддержку Иоанна Антиохийского и его епископов, но и тут были свои проблемы. Кипрские епископы стремились к автокефалии, а Иерусалимский епископ Ювеналий поставил задачей своей жизни любой ценой возвести свою кафедру до статуса самостоятельного патриархата.

Но, главное, Несторий недооценил силу народного благочестия, оскорбленного его богословскими выкладками. Конечно, Несторий не считал Христа всего лишь боговдохновенным пророком, в чем его обвиняли его противники. Но народ глубоко верил в истинность таких выражений, как «Предвечное Слово умерло» или «Мария является Богородицей». Разве Евхаристия не была повторением Вифлеемского чуда? Различение Нестория между человечеством Христа и предвечным Словом ставило под сомнение действительность Таинства. Придерживаясь языка св. Кирилла, можно было уверенно утверждать, что в Вифлееме «Ветхому Дням» был час или два от роду. Небрежно брошенные Несторием слова, что «Бог не может быть двух- или трехмесячным младенцем», звучали в ушах народа как страшное кощунство.

Св. Кирилл со своим окружением прибыл в Эфес перед Пятидесятницей. Он привез с собой 50 епископов, несколько сот священников и монахов, в том числе местную знаменитость – почти столетнего игумена Шенуду, постриженника св. Пахомия. Несторий уже был в Эфесе в окружении «своих людей». Обстановка напоминала два военных лагеря перед сражением. Александрийские матросы тут

Церковь в Константиновскую эпоху

же устроили стычки с константинопольскими. Мемнон Эфесский заранее закрыл свои церкви для несторианской партии. Император тактично не прибыл на Собор, ожидая донесений в своей Халкидонской летней резиденции. Обеспечение внешнего порядка было поручено комиту Кандидиану.

На Собор приглашались все митрополиты империи «с немногими епископами». Было послано даже приглашение в Африку знаменитому св. Августину, но он только что скончался. На Собор прибыли в основном восточные иерархи, и каждый стянул с собой столько своих сторонников, сколько захотел.

Ждали папских легатов и антиохийской делегации. И те, и другие запаздывали. Кирилл решил начать Собор, не дожидаясь их. Несторий и Кандидиан возражали, но их не послушали.

22 июня 431 г. Собор начал свои заседания в храме Пресв. Богородицы в Эфесе, что, конечно, должно было иметь символическое значение. 150 епископов (в том числе 16 митрополитов) высказались за открытие Собора, а 68 (в том числе 21 митрополит) – против. Но у св. Кирилла было формальное большинство, и он начал действовать. Несторию было послано три приглашения, он, конечно, не явился, после чего был смещен заочно. «Устами Священного Собора Сам Господь Иисус Христос, Которого хулил Несторий, лишает его епископского и священнического достоинства», – говорится в принятом постановлении. После состоявшегося низложения Нестория Кирилл зачитал Собору свои 12 анафематизмов, и они были приняты единогласно.

Через 4 дня прибыли сирийцы во главе с Иоанном Антиохийским и нашли, что всё решено уже без них. Они открыли собственный собор (на нем присутствовало около 53 епископов) и, в свою очередь, низложили Кирилла и Мемнона.

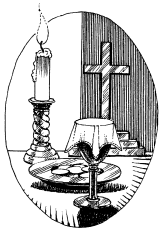
«12 анафематизмов» они объявили еретическими измышлениями Кирилла, а его агрессивный образ действий объяснили боязнью подвергнуться объективному обсуждению и справедливому суду. Самый известный и крупный антиохийский богослов того времени св. Феодорит Киррский высказался так: «Анафематствовать без всяких околечностей учение святейшего Нестория – значит анафематствовать само Православие». Он же характеризовал учение св. Кирилла как «тьму, мрачнее казни египетской».

Тем временем прибыли и римские легаты. Они присоединились к кирилловскому собору и согласились со всеми его деяниями. На этом соборе также была оформлена автокефалия Кипра и было принято постановление, запрещающее добавлять что-либо к Никейскому Символу веры. Тот «кирилловский собор» осудил и пелагианство.

Император, получив два отчета о происходящем, вначале не знал, что делать. Вот что писал уполномоченный императора в своем отчете: «Чтобы не произошла вспышка драки, я втиснул отряды солдат между сближающимися местами той и другой партии – из-за бешенства, которое не знаю, откуда у них бралось. Те, что примыкали к Кириллу, говорили, что и видеть не хотят Нестория. Хотя я видел, что боголюбнейшие епископы были неумолимо враждебны друг к другу, но я не знаю, отчего они дошли до такого ожесточения и омрачения». В виду угрозы ширящихся беспорядков император был вынужден принять решение. Все три низложения (Нестория, Кирилла и Мемнона) были приняты как деяния одного собора. Войска окружили город, в него были посланы усиленные наряды полиции, а все три смутьяна – Несторий, Кирилл и Мемнон – были помещены под стражу.

Но Кирилл и из-под ареста продолжал засыпать всех влиятельных людей при дворе дорогими подарками (он называл их «евлогии» – благословения), и позиция Нестория становилась все слабее. Сам же он, будучи человеком импульсивным, устал от всего и заявил, что хочет лишь удалиться в свой монастырь. Этим его пожеланием воспользовались и тут же послали его туда. На его место был поставлен епископ, чья кандидатура была одобрена Кириллом.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Кирилл и Мемнон по-прежнему оставались под стражей в Эфесе. Тогда император высочайшим указом распустил собор. Дальнейшая участь двух виновников беспорядков в указе не была оговорена, и оба они воспользовались этим обстоятельством. Кирилл бежал из-под стражи, наградив своего нерадивого тюремщика пресвитерским постом в Александрии. Понятно, что изъять архиепископа из Александрии без народного бунта было бы невозможно. Через какое-то время и Мемнон вышел из-под стражи. Намеренно или ненамеренно забыли только о Нестории.

Правительство издало новый декрет. Там оговаривалось, что Кирилл может вернуться к себе в Египет, а Мемнон остается в Эфесе. Император добавлял, что он не осуждает антиохийцев, ибо они в его глазах ни в чем не были обвинены. Снова, как и до собора, Иоанн оставался во главе Антиохии, Кирилл – Александрии.

Худшим следствием Эфесского Собора был разрыв между Александрией и Антиохией. Примирение состоялось лишь через два года (в 433 г.) при значительном императорском давлении. Но нельзя и недооценивать добрую волю обеих сторон, пошедших на уступки и компромиссы. Когда страсти поутихли, они обе поняли свою частичную неправоту.

В течение двух лет Кирилл и Иоанн Антиохийский переписывались, обсуждая возможность соглашения. В конце концов Кирилл согласился изъять свои 12 анафематизмов, а восточные – признать осуждение Нестория.

В Антиохии благосклонно приняли примирительное письмо св. Кирилла и послали в Александрию со своими примирительными письмами дипломатичного епископа Эдесского Павла. Кирилл не только решил не навязывать 12 анафематизмов, но и подписал антиохийское изложение вероучения (скорее всего, составленное Феодоритом Киррским) – в общих чертах то же самое, что и приведенное антиохийцами в Эфес. Этот документ и считается «постановлением III Вселенского Собора».

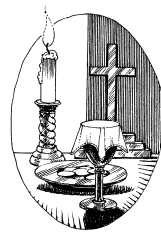
Подписав соглашение, св. Кирилл сослужил торжественную литургию с Павлом Эмесским и направил с ним в Антиохию свою делегацию. Иоанн Антиохийский подписал соглашение и вновь направил Павла в Александрию с письмом к св. Кириллу. «Ради мира в Церкви, дабы прекратить раздоры и соблазны, соглашаемся иметь Нестория, некогда бывшего епископом Константинопольским, низложенным и анафемствовать его худые и скверные нововведения...» Однако в чем эти «нововведения» состояли, дипломатично умалчивалось.

Св. Кирилл с радостью принял послание и ответил знаменитым письмом: «Да возвеселятся небеса, да возрадуется земля!» Он отвергает мысли, ему приписываемые, объясняет свое учение и признает антиохийское исповедание веры тождественным со своими мыслями и чувствами. И в этом смиреннии, в готовности пойти на уступки и даже пересмотреть свою столь горячо отстаиваемую, но смущающую братьев позицию ради мира церковного, ради главного отказаться от частных и увидеть, что другая сторона, пусть в иных терминах, но говорит о том же – в этом подлинная святость и величие александрийского иерарха. Радостная весть о долгожданном церковном мире была сообщена императору и всему епископату.

Однако примирительная вероисповедная формула оставляла нерешенными ряд проблем – например, проблему двух природ Христа.

Крайние кирилловцы были недовольны. Многие антиохийцы – тоже. Феодорит Киррский весьма подозрительно относился к крайностям Кириллова учения. Так же относился к ним и новый епископ Эдесский Ива.

Церковь в Константиновскую эпоху

Антиохийцы, несогласные с осуждением Нестория, эмигрировали в Персию, где создали свою иерархию, основав, таким образом, Несторианскую церковь. Богословское решение христологических проблем было найдено лишь в Халкидоне, но решение это было куплено весьма дорогой ценой.

7. IV Вселенский Собор и осуждение монофизитства

Церковь сравнительно легко победила несторианство: после ухода большинства несториан в Персию несторианство защищали лишь богословские «верхи» Антиохии, да и то больше из страха перед крайностями «александрийцев», чем из реального сочувствия Несторию.

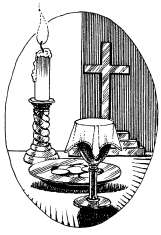
Но осуждение Нестория невольно послужило катализатором для другого процесса – возникновения монофизитства. На Востоке для массы верующих и сегодня Божество Христа ощущается сильнее, чем Его человечество, тайна Воплощения переживается больше как пришествие и явление Бога, чем как свободное, целостное, совершенное, но и неслитное соединение с Ним человека.

Дискутируя с Несторием, Кирилл употреблял сомнительное определение Христа: «Одна природа Бога Слова воплотившегося...» Для него «единая природа» означала не «слияние» Бога и человека, но только реальность их соединения в одном Лице, или Личности. И это позволило Кириллу распознать и принять правду антиохийцев: отстаивание ими полноты человека во Христе. Однако слишком многим его последователям это казалось развенчиванием Христа, унижением Бога. Всякое различие в Нем двух природ переживалось ими как ниспровержение всего христианства, как отрицание того «обожения» человека, в котором последняя цель Спасения: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился» (св. Афанасий Великий). В особенности же в монашеском опыте борьбы с «естеством», с человеческой слабостью, удобопревертностью, греховностью психологически так легко можно было перешагнуть черту, отделяющую борьбу *за подлинного человека* от борьбы *против человека*, т.е. перейти к отрицанию коренного достоинства человеческой природы. «Обожение» начинало трактоваться как уничтожение в себе всего человеческого в качестве низкого и недостойного... Но тогда непонятным становилось и богословское акцентирование человеческого во Христе. Не в том ли вся радость христианства и все оправдание непомерных аскетических подвигов, что Он – не обычный человек, и что каждому в Нем открыта возможность тоже «перестать быть человеком», преодолеть в себе «человечность»? Таковы психологические предпосылки монофизитства.

К 446 г. ушло из жизни старшее эфесское поколение. Скончались Кирилл Александрийский, Иоанн Антиохийский и Прокл Константинопольский. В 444 г. в Александрии патриархом стал племянник Кирилла Диоскор – лидер экстремистов, сожалевших о компромиссе Кирилла в 433 г. В Константинополе на архиепископскую кафедру был приглашен Флавиан – чрезвычайно достойный и порядочный иерарх, но без лидерских качеств. В Антиохии патриарший престол занял Домн, слабый человек, способный на разумные решения лишь после совещаний с Феодоритом Киррским.

Св. Феодорит (393-466) был епископом Киррским с 423 г. Кирр – это маленький городок в окрестностях Антиохии, где Феодорит постоянно проживал и проводил всё время. Он был выдающимся пастырем (привел в Церковь более 10 тыс. еретиков-маркионитов) и блестящим богословом. Во время несторианской смуты Феодорит с самого начала стоял на стороне Нестория и составил 12 контр-тезисов против 12 анафематизмов Кирилла. Мы помним, что он клялся никогда не отступать от учения Нестория и характеризовал учение Кирилла как «тьму, мрачнее казни египетской».

Однако, будучи человеком умеренным, он принимал участие в попытках примирения и, скорее всего, он-то и был составителем примирительной формулы 433 г. (кстати, в ней не содержится *лично-*

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

го осуждения Нестория). Но, по всей видимости, Феодорит с годами начал понимать ошибочность богословских позиций Нестория и правоту богословских доводов Кирилла (к которому, правда, он никогда не испытывал особенной личной симпатии).

После смерти Кирилла Феодорит оставался единственным значительным богословом на всем Востоке. Но он не пользовался непререкаемым авторитетом во всех частях империи. Александрийцы не могли забыть ему выступлений против св. Кирилла и считали его пособником Нестория.

В то время император Феодосий II находился под влиянием всесильного временщика – евнуха Хрисафия. После избрания нового патриарха Флавиана Хрисафий намекнул тому, что ожидает от него выражения благодарности. Флавиан прислал министру просфору, которую Хрисафий вернул, заявив, что предпочитает золото, на что Флавиан ответил словами Спасителя: «Не собирайте сокровищ на земле...», нажив, тем самым, себе влиятельного врага.

Хрисафий был крестником знаменитого константинопольского архимандрита Евтиха (или Евтихия) – к тому времени глубокого старика, известного своими аскетическими подвигами. Диоскор, Хрисафий и Евтих составили триумvirат с целью еще раз поставить константинопольских высочечек-архиепископов на место, отменить соглашение 433 г., ввести как правило веры 12 анафематизмов Кирилла и раз и навсегда доказать, что Александрия является второй после Рима кафедрой христианского мира.

Первым заметил опасность св. Феодорит. В своей книге «Эранист» он подверг уничижительной критике новоявленный «кирилловский фундаментализм». В названии «Эранист», что значит «Оборванец», содержится двойной смысл. Евтих представлен там в виде грязного, оборванного, невежественного монаха, бесцельно слоняющегося по белу свету. Но название также подразумевает, что ересь монофизитства является как бы хламидой, сшитой из кусков устаревших, отживших ересей.

Однако к тому времени триумvirат уже плотно держал под своим контролем императора. Весной 448 г. Феодориту было велено покинуть Антиохию и никуда не выезжать из своей епархии.

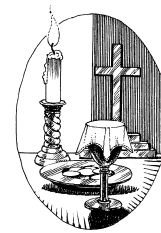
Евтих продолжил атаку. Он написал в Рим папе Льву, что на Востоке возрождается несторианство. Воюя с «несторианством», он договорился до того, что начал отрицать единосущие человечества Христа нашей человеческой природе. Когда Флавиан вызвал его для объяснений, он заявил: «Я исповедую, что у Господа нашего было две природы до соединения. А после соединения я исповедую единую природу». Конечно, природу эту он считал божественной. На вопрос о природе Девы Марии он отвечал, что она единосущна нам, но что если она единосущна Христу (в чем Евтих не был уверен), то в ней есть нечто божественное. А в теле Бога, наверное, есть «нечто человеческое». Но божественное и человеческое несопоставимо – человеческое исчезает в божественном, как капля в море. В общем, в лице Евтиха мы имеем дело с крайней формой монофизитства.

Несмотря на правительственное давление, Флавиан проявил несомненное мужество. По настоянию Евсевия, епископа Дорилейского, когда-то еще мирянином выступившего против Нестория, он созвал в ноябре 448 г. в Константинополе Поместный собор для рассмотрения учения Евтиха. Евтих отказывался явиться туда, наконец, пришел под охраной, с толпой монахов и представителем императора, который взял подписку с Флавиана, что Евтих будет отпущен, какое бы постановление о нем ни было принято.

Гордый архимандрит держался вызывающе, от ересей своих не отказался, а потому был осужден и низложен. Сразу же после этого он написал апелляцию Папе в Рим. Его письмо было доставлено туда имперским курьером, вместе с письмом самого императора, прежде, чем было получено послание Флавиана с отчетом о деяниях Синода.

Но здесь Евтих просчитался: папа Лев Великий был достаточно проницательным богословом, чтобы осознать опасность евтихианства. Прочитав стенограммы собора, он пришел в ужас от уче-

Церковь в Константиновскую эпоху

ния Евтиха и поддержал решение Флавианова синода. Тогда Евтих сменил тактику. Он заявил, что на соборе были допущены протокольные нарушения, а Диоскор Александрийский обвинил Флавиана в формальном нарушении постановления Эфесского Собора, т. к. он потребовал от Евтиха произнести иное исповедание, чем Никейский Символ.

Император издал эдикт о созыве нового собора в Эфесе в августе 449 г. Цель его в указе была определена так: «С корнем вырвать ересь Нестория» (т.е. «растопить прошлогодний снег»). Это значило, что собор затевался для торжества Диоскора и Евтиха. Феодориту и его стороннику Иве Эдесскому было запрещено являться на собор. Председателем заранее был назначен Диоскор. Папе Льву было прислано приглашение, но он не смог приехать: к Риму приближались полчища Атилы. Вместо себя он послал трех легатов (один из них по пути умер) и догматическое послание, адресованное Флавиану, – т.е. свой знаменитый «Томос». На самом деле этот документ был написан секретарем Льва Проспером Аквитанским на основе одной из проповедей св. Августина и письма епископа Тауденция Брешийского. Достоинство «Томоса» – изложение учения о Боговоплощении в терминах очень простых и в то же время довольно точных: две полных природы, способных каждая в своей области к действию, но в единстве одного Лица.

Вот некоторые из положений «Томоса»:

«Неполезно для спасения и одинаково опасно признавать в Иисусе Христе или только Бога без человека, или только человека без Бога».

«Для нашего искупления нужно было, чтобы один и тот же Посредник между Богом и человеком, человек Иисус Христос с одной стороны и мог бы умереть, а с другой не мог бы, ибо каждая природа в общении с другой производит то, что ей свойственно.

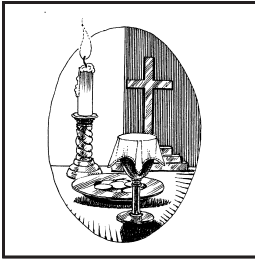
А именно: Слово производит то, что свойственно Слову, и плоть следует тому, что свойственно плоти...

Еще и еще повторяю: один и тот же есть истинно Сын Божий и истинно Сын Человеческий...

...Ибо хотя в Господе Иисусе Христе – Боге и Человеке – Одно Лицо, однако иное есть то, откуда происходит в Том и Другом общее уничижение, и иное есть то, откуда происходит общая слава.

Итак, в силу этого единства Лица, познаваемого в той и другой природе – *Propter hanc ergo unitatem personae in utraque natura intelligendam* – и говорится, с одной стороны, что Сын Человеческий сошел с неба, тогда как (собственно) Сын Божий воспринял плоть от той Девы, от Которой Он родился; и с другой стороны можно сказать, что Сын Божий распят и погребен, хотя и распятие и погребение претерпел Он не в Божестве самом, по которому Единородный совечен Отцу и Единосушен, но в немощи нашей природы».

Это – более четкое и точное изложение формулы 433 г. В «Томосе» дается весьма впечатляющее, гармоничное, логическое объяснение, избегающее, с одной стороны, керигматических перехлестов св. Кирилла, а с другой – ошибок Нестория. Поэтому для папы Льва было естественным говорить о Христе, обладающем двумя природами. Он также подчеркивал прописную, но важную истину, что две природы Христа непременно сохраняли свои характеристики после соединения – так как Христос не переставал быть и Богом, и человеком и, притом, не отвлеченно, но в конкретной действительности. Более того, Папа добавил к этому весьма важное для восточных утверждение, что действия Божества и человечества производятся «в общении друг с другом» (*cum alterius communiōne*). И, наконец, папа

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Лев, несомненно ощущая «главный нерв» Кирилловского богословия, и даже несколько полемизируя с «несторианскими тенденциями» антиохийцев, провозглашает «теопасхизм» (т.е. «страдания Бога»), говоря: «Итак, в силу этого единства Лица, познаваемого в той и другой природе ... можно сказать, что Сын Божий распят и погребен, хотя и распятие и погребение претерпел Он не в Божестве самом, по которому Единородный совечен Отцу и Единосущен, но в немощи нашей природы».

Интересно, что Несторий, прочитав «Томос» в своей ссылке, заявил о полной его поддержке, и о том, что теперь он может умереть в мире. Это, конечно, не значит, что папа Лев был несторианином. В своих собственных трудах Несторий говорил о двух природах до того полных и действенных, что каждая из них не может не быть и ипостасной и личной, так что единое лицо Христа складывается «из двух природ, из двух ипостасей, из двух лиц, соединенных в одно в свободном, вольном общении». Святой же Лев Великий, со своей стороны, всячески подчеркивал нерасторжимое единство Лица.

Диоскор (как в свое время Кирилл) прибыл на собор с большой свитой из епископов и толпой монахов. Ему на помощь также поспешил знаменитый аскет Варсума во главе полчища монахов из Сирии и Месопотамии, которые ни слова не понимали по-гречески, но знали, что те, на кого им укажут, – это несомненные враги Христовы, которых «нужно бить». Да и сам император снабдил Диоскора вооруженной охраной, окружившей кафедральный собор – тот самый, в котором проходил в 431 г. Эфесский Собор. Этим, по мнению Диоскора и его приверженцев, обеспечивалась необходимая символическая преемственность.

Вторым, после Диоскора, иерархом на соборе был Ювеналий Иерусалимский, все еще надевшийся возвысить свою кафедру до достоинства патриаршей и подмять под себя Антиохию.

Состав участников собора был специально подобран, а, кроме того, все участники Флавиана Константинопольского собора (42 епископа) были лишены права голоса. Монахи Варсумы терроризировали всех соборных отцов. Под угрозой побоев, в криках и хаосе, под давлением полиции все нужные решения были приняты. Монахи, едва услышав о двух природах, принимались кричать: «На костер Флавиана и Евсевия, сжечь их живьем! Рассечь надвое разделяющих Христа надвое!»

Исповедание Евтиха – «две природы до соединения и одна после соединения» – было одобрено собором. «Так мы веруем», – заявил Диоскор. Евтих был объявлен православным и восстановлен, а Флавиан, Евсевий, Феодорит и Ива низложены. Легатам папы не дали слова, «Томос» не был зачитан. И лишь когда участники собора принимали заключительное постановление, римский делегат диакон Иларий вскочил с места и прокричал: «*Contradicitur!*» («Возражаю!»). И тогда в церковь ворвались стражники и монахи, и началось форменное бесчинство. Низверженного Флавиана избили до полусмерти. Дверь была заперта, и от всех епископов стали требовать подписать решение собора. Его подписали все, кроме римских легатов. Тронуть их не посмели. Домн Антиохийский тоже подписал всё, а в заключение, как бы издеваясь над его трусостью и предательством, Диоскор соборно низложил и его.

В заключение были торжественно провозглашены 12 анафематизмов Кирилла. Так завершился Эфесский собор 449 г., получивший в истории название «Разбойничьего».

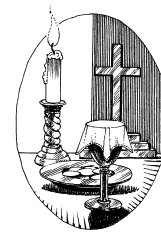
Флавиан, успевший написать апелляцию в Рим, через несколько дней, по пути в ссылку, скончался от перенесенных побоев и душевного потрясения. Апелляции написали также Евсевий Дорилейский и Феодорит.

Триумф Диоскора казался полным: даже на Константинопольскую кафедру был водворен его ставленник пресвитер Анатолий. Однако Диоскор не учел трех факторов, сыгравших против него.

Во-первых, на своем месте оставался папа Лев, решительно выступивший против «разбойничьего собора». Во-вторых, влияние временщика Хрисафия стало сходить на нет и, соответ-

Церковь в Константиновскую эпоху

ственно, начала возрастать роль сестры императора Пульхерии. А в-третьих, Анатолий, ставленник Диоскора в Константинополе, показал, что вовсе не желает отказываться от статуса второй кафедры мира и возвращать его Александрии.

В 450 г. Феодосий II упал с лошади на охоте и скончался. Детей у него не было, и власть перешла к Пульхерии. Хрисафий был низвергнут и казнен.

Пульхерия не считала возможным в одиночку удерживать власть в своих руках и предложила формально вступить с ней в брак сенатору Маркиану, при условии, что она по-прежнему останется девственницей. Она провозгласила его императором и добровольно облекла высшей властью. Торжественное коронование («венчание на царство») Маркиана и Пульхерии впервые в истории проводилось в церкви.

Останки Флавиана были торжественно перенесены в Константинополь и погребены в церкви Двенадцати Апостолов. Все сосланные Диоскором иерархи были возвращены. Евтих удален под надзор. Малодушные епископы сами начали приносить покаяние в том, что в Эфесе они подчинились насилию. Анатолий любезно принял папских легатов и подписал «Томос» Льва. Многие другие епископы сразу же последовали его примеру.

Пульхерия и Маркиан объявили о созыве нового собора в октябре 451 г. в Никее. Папа Лев еще ранее, после «разбойничьего собора», при поддержке западного императора Валентиниана III, заявлял о необходимости проведения еще одного собора на Западе. Теперь же он не видел необходимости в соборе, раз все и так подписали его «Томос». Однако, поглощенный противостоянием нашествию гуннов, он не имел сил протестовать, покорился факту и назначил своими легатами трех епископов и двух пресвитеров. К назначенному сроку свыше 500 епископов были свезены в Никею. Ни на один собор до сих пор не собиралось такое количество участников. Однако и этот Собор был по преимуществу восточным – кроме 5 папских легатов, с Запада прибыли только 2 африканских епископа.

Маркиан был занят военными заботами – отражением нашествия новой волны гуннов, поэтому он приказал провести собор поближе к столице. Таким образом, решено было собраться в Халкидоне – городе на азиатском берегу Босфора, напротив Константинополя.

Приблизительно в то же время гунны были отбиты имперскими войсками и направились на Запад, где в том же 451 г. потерпели сокрушительное поражение в Галлии, на Каталаунских полях.

Папа Лев выдвинул чрезвычайно жесткие условия своего участия в Соборе: он потребовал, чтобы его представители председательствовали на заседаниях, и чтобы его «Томос к Флавиану» был признан окончательным определением, разрешающим христологический спор. Император принял оба условия Папы.

Правительство, наученное горьким опытом двух предыдущих соборов, решило взять в свои руки всю организационную часть. За порядком следила специальная комиссия из 18 имперских уполномоченных – самых высокопоставленных чиновников и сенаторов, – в том числе таких высших сановников, как *magister militum* Анатолий, префект преторианцев Востока Палладий и *praefectus urbis* Татиан. Император присутствовал лишь на прошедшем 25 октября шестом заседании, на котором был подписан знаменитый Халкидонский «орос».

Собор продолжался более трех недель: с 8 по 31 октября 451 г. Всего в большой базилике местной мученицы Евфимии прошло 7 пленарных заседаний. Это был первый Собор, чьи протоколы полностью сохранились. Необходимо отметить отличную организацию работы Собора: он стал прототипом всех последующих соборов (а возможно – и парламентов). Имперские уполномоченные сели в середине восточной части храма, спиной к апсиде. С правой стороны храма (слева от уполномоченных) сидели папские легаты, Анатолий Константинопольский, Максим Антиохийский, Фалласий Кесарийс-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

кий, Стефан Эфесский, т. е. епископы Востока (кроме Палестины), Азии, Понта и Фракии. Слева сели Диоскор Александрийский, Ювеналий Иерусалимский, представитель Анастасия Фессалоникийского – Квинтилл Ираклийский и их сторонники – епископы Египта, Палестины и восточного Иллирика.

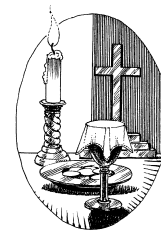
Тот факт, что представители имперского двора (где гораздо большую роль играла Пульхерия, чем Маркиан) принимали такое активное участие в работе Собора, означало, что он был организован по формальным принципам римского права. Такая четкость и формальная упорядоченность работы была в некотором роде нововведением в истории Вселенских Соборов. Ее не было ни в Никее (325 г.), ни в Константинополе (381 г.) – на заседаниях этих Соборов не велось даже официальной стенограммы. Первый Собор в Эфесе (431 г.), не говоря уже о «разбойничьем соборе» (449 г.), проходил под весьма пристрастным руководством александрийских архиепископов, не позволявших даже намека на оппозицию. В отличие от предыдущих соборов, в Халкидоне были выслушаны различные точки зрения, зачитывались протоколы «разбойничьего собора», собирались комиссии для рассмотрения и разбора спорных вопросов, разрабатывались и предлагались на всеобщее рассмотрение проекты резолюций, причем некоторые из них участниками отвергались. Такой организованной процедуры ведения собора не существовало, например, в Эфесе, где имперские уполномоченные согласно инструкции должны были после открытия Собора предоставить епископам самим решать все спорные церковные вопросы. К сожалению, ни беспрецедентное количество участников, ни относительная свобода дискуссий не гарантировали повсеместного принятия и признания Халкидонского Собора. Более того, Халкидонское определение («орос») вызвало широкую оппозицию и привело к ожесточению и продолжению христологической полемики.

Общий характер собрания стал вырисовываться уже на первой сессии, когда Собор начал выяснять личный статус Диоскора Александрийского и главного представителя антиохийцев – Феодорита Киррского. Легаты потребовали, чтобы из собрания был убран Диоскор, оскорбивший папу Льва и, следовательно, не имеющий права сидеть на почетном месте патриарха. В то же время египтяне и их союзники яростно протестовали против присутствия Феодорита, критиковавшего св. Кирилла. Имперские уполномоченные отклонили оба требования. Предложенное ими решение состояло в том, что обоих одиозных епископов пересадили на середину, на импровизированную скамью подсудимых, оставив за ними полное право голоса и участия в соборных обсуждениях. Это было весьма справедливое решение не только с точки зрения правосудия, но и ввиду общих целей политики Маркиана и Пульхерии – восстановления консенсуса в имперской Церкви, возглавляемой двумя имперскими столицами – Римом и Константинополем.

После разрешения процедурных вопросов сессия была почти полностью занята чтением протоколов Константинопольского собора, на котором был осужден Евтих (448 г.), и «разбойничьего собора» (449 г.). Чтение постоянно прерывалось возмущенными возгласами представителей разных епископских фракций. Бывшие участники «разбойничьего собора», подписавшие осуждение Флавиана и косвенным образом оскорбившие Льва (отказавшись зачитать его послание), пытались оправдаться, либо обвиняя Диоскора в шантаже, терроре и насилии, либо (что было более честно) принося покаяние перед Собором. Более всех прочих скомпрометировал себя Ювеналий Иерусалимский: он вместе с Диоскором председательствовал на «разбойничьем соборе». На Халкидонском же Соборе он – довольно неуверительно – ссылаясь на свое неведение, а во время голосования за реабилитацию Флавиана поднялся, как бы в негодовании, демонстративно перешел на другую половину храма и сел рядом с антиохийцами и константинопольцами.

Диоскор, нужно отдать ему должное, держался очень мужественно, иронически комментируя поведение большинства поддерживавших его в 449 г., а теперь предавших его епископов: «Ах, бед-

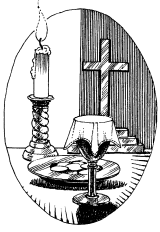
Церковь в Константиновскую эпоху

ненькие, они боялись, – издевался он над ними. – Это христиане-то боялись? О святые мученики, так ли вы поступали?» Когда его обвиняли в личном пристрастии к Евтиху, он с негодованием восклицал: «Если Евтих мудрствует противно догматам Церкви, то он достоин не только наказания, но и огня. О вере католической я пекусь, а не о каком-то человеке. Мой ум направлен на божественное, не взираю я на лица и ни о чем не забочусь, кроме души моей и правой веры». Тем не менее, ему не удалось дать удовлетворительных объяснений по поводу собственного поведения в 449 г. и, в особенности, реабилитации «разбойничьим собором» Евтиха. Диоскор четко сформулировал собственную догматическую позицию, которую и в дальнейшем разделяло большинство противников Халкидона на Востоке: Христос был совершенным Богом и совершенным человеком и, следовательно, «из двух природ». Однако после их соединения более невозможно говорить об этих «двух природах», отличных друг от друга, поскольку их соединение в единое существо было совершенным союзом: во всех человеческих актах Христа открывалось и Его Божество, во всех Божественных актах – человечество. Притом Диоскор наотрез отказывался использовать греческое слово «физис» (природа, естество) в любом ином смысле, кроме значения «конкретно существующей реальности» или «единого существа». Более того, как подчеркивали и Диоскор, и его сторонники, св. Кирилл часто употреблял выражение «одна природа Бога-Слова воплощенного», но никогда прямо не говорил о двух природах после воплощения. В свете такой интерпретации учения св. Кирилла, Диоскор считал осуждение Флавиана в 449 г. правомерным: и Флавиан, и официальный обвинитель Евтиха в 448 г. Евсевий Дорилейский говорили о «двух природах после воплощения» и, следовательно, фактически стали несторианами. Тем не менее, большинство отцов Халкидона отвергло мнение Диоскора, как и утверждение о противоречиях, якобы существовавших между учениями Кирилла и Флавиана.

Имперские уполномоченные в заключительном слове подтвердили свое ранее высказанное убеждение: осуждение Флавиана было незаконным, а значит, все ответственные за его вынесение – т.е. Диоскор, Ювеналий (его красивый жест пока не помог ему!), Фалласий Кесарийский и другие – должны быть извержены из сана. Однако уполномоченные также заявили, что подобное решение должно быть принято лишь после дополнительных консультаций, когда все страсти немного улягутся, и предложили отложить его до следующей сессии. Собор последовал их совету и признал решения «разбойничьего собора» недействительными, а его председателей – достойными низложения. Завершение сессии было отмечено пением епископами молитвы «Святой Боже» (Трисвятое). Это было первым достоверным упоминанием «Трисвятого» в истории.

Диоскор, осознав, что ему не удастся убедить Собор в правоте своего мнения, больше на заседании не являлся и был низложен заочно на третьей сессии – после того, как ему было послано три официальных вызова. Весьма важно, что низложен он был за ряд актов узурпации власти, насилия, произвола и дерзостей властям предрержащим и собратьям-епископам. Было тактично решено не выдвигать против него доктринальных обвинений, так как правила правосудия требовали предоставить ему возможность для защиты, а Диоскор больше не являлся на суд. Но и одних канонических преступлений было достаточно для лишения его сана. Посланное Диоскору официальное извещение гласит: «Знай, что так как ты презрел каноны и проявил непослушание этому святому и вселенскому Собору, не оправдавшись за другие преступления, в которых ты виновен; так как ты не снизошел, будучи, согласно канонам, вызванным три раза на этот святой и вселенский Собор, дать ответ на выдвинутые против тебя обвинения – этим святым и вселенским Собором сегодня, 13 октября, ты низложен из епископства и извернут из любого церковного сана». Бывший Александрийский архиепископ был арестован и сослан. Скончался он в 454 г.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Эта чисто дисциплинарная, а не доктринальная, мотивация низложения Диоскора была в нужный момент, во время дебатов на пятой сессии, отмечена Анатолием Константинопольским (который, ранее будучи представителем Диоскора в столице, знал его очень хорошо). Смысл реплики Анатолия состоял в том, что даже если Диоскор необоснованно обвинил Флавиана в ереси за исповедание двух природ после соединения, его собственная «кирилловская» терминология совсем необязательно должна быть признана еретической. Из всех участников «разбойничьего собора» был низложен лишь один Диоскор. Все остальные – включая Ювеналия Иерусалимского – должны были не только принести покаяние, но и подписаться под актом низложения Диоскора.

Евтих был осужден окончательно. Необходимо признать, что он-то и являлся настоящим ересиархом – основателем монофизитства, как и Феодор Мопсуэстийский был, вольно или невольно, основателем «несторианства». И Диоскор, и Несторий – это всего лишь неудачливые иерархи, попавшие (по своей воле или в силу обстоятельств) в водоворот политических и богословских страстей и, в конце концов, принесенные в жертву, дабы из этого водоворота мог быть найден некий приемлемый выход. Диоскор был своего рода «кирилловским фундаменталистом», для которого каждая буква наследия великого александрийского богослова была священна и неизменна. Но в погоне за сохранением буквы он не почувствовал духа богословия своего предшественника. Св. Кирилл, со своей стороны, наверное, правильнее всего соотносит со св. Феодоритом. Оба они – Отцы нашей Церкви, боровшиеся с опасностями несторианства и монофизитства. Оба они, реагируя на одну крайность, невольно уклонялись в другую, допуская ряд обмолвок и богословских просчетов. Но оба нашли в себе достаточно мужества и смирения переступить через свои ошибки и, увидев правоту и на стороне оппонентов, пойти на примирение и восстановление церковного мира.

В конце заседаний Собора был провозглашен «Томос» папы Льва. По прочтении «Томоса» большинство епископов воскликнуло в порыве энтузиазма: «Сам Петр вещает через Льва, Кирилл так учил!». Таким образом, папский «Томос» был принят в качестве догматического документа, излагающего принципы православной веры. На заключительной сессии Собора был принят так называемый 28-й канон, провозглашавший второе после Рима место Константинополя среди христианских кафедр мира:

«Следуя во всем за определениями святых отцов и признавая прочитанный здесь канон 150-ти боголюбнейших епископов, бывших на Соборе (381 г.) в дни благочестивой памяти Феодосия в царствующем граде Константинополе, Новом Риме, то же самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей церкви того же Константинополя, Нового Рима.

Ибо и престолу Ветхого Рима отцы, как и подобало, дали преимущества, *потому что он был царствующим градом*. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбнейших епископов предоставили *такие же* преимущества святейшему престолу Нового Рима, справедливо рассудив, чтобы град, получивший *честь быть градом царя и сената* и имеющий *равные преимущества* с ветхим императорским Римом, был бы, в соответствии с этим, подобно ему, возвеличен и в церковных делах и стал бы *вторым после него*».

Рим никогда не признавал и не признает этого канона, поскольку легаты папы отсутствовали во время его принятия и последующие протесты Рима во внимание не принимались. Суть расхождений Рима и Константинополя по этой проблеме очевидна: в качестве причины превосходства обоих патриархатов выдвигается их столичный статус, а отнюдь не их апостольское происхождение.

Наконец, Собор принял заявление, представлявшее собой не новый Символ веры, а «Определение веры», то есть уточнение истинного учения Церкви. Внимательное чтение «Определения» пока-

Церковь в Константиновскую эпоху

зывает, что в нем отвергаются крайности как александрийцев, так и антиохийцев, в частности учение Евтихия и Феодора Мопсуэстийского, и подтверждаются решения трех предшествующих великих Соборов (Никейского в 325 году, Константинопольского в 381 году и Эфесского в 431 году):

«Вслед за святыми отцами мы единодушно учим исповедовать Господа Иисуса Христа – Одного и Того же Бога, совершенного в Божественности и совершенного в человеческом, истинного Бога и истинного человека, с разумной душой и телом, единосущного Отцу в Своей Божественности и единосущного нам в Своей человеческой природе, подобного нам во всем, за исключением греха, в Своей Божественности едиnorodного от Отца прежде всех времен и в Своей человеческой природе рожденного в наши времена Девой Марией, выносившей Бога.

Одного и Того же Христа, Сына, Господа, Единородного, познаваемого в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо. Разница природ не исчезает через соединение, а еще более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и в одну *hypostasis* [ипостась]. Они не разделяются на два лица, но принадлежат Единородному Сыну, Слову Божьему, Господу Иисусу Христу. Как говорили о Нем пророки, как Он Сам учил нас и как передал нам Символ веры отцов наших».

Достаточно очевидно, что «Определение» не содержит объяснений, каким именно образом произошло соединение, а лишь очерчивает границы, за которыми начинается ересь. Достаточно очевидно также, что такая манера говорить о Спасителе весьма отличается от евангельской, и что большое влияние на нее оказали внебиблейские формы выражения мысли. Но, учитывая обстоятельства постановки догматических проблем, трудно представить себе, что еще могли сделать собравшиеся в Халкидоне епископы для подтверждения реальности Боговоплощения.

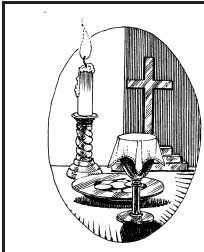
Халкидонское «Определение веры» вскоре стало нормой христологической ортодоксальности во всех Западных церквях и в большинстве Восточных, хотя кое-кто на Востоке отвергал его, и это послужило причиной первых долговременных размежеваний в истории христианства. Одни, главным образом в Сирии и Персии, настаивали на четком разграничении между божественной и человеческой природами Христа и, в конце концов, получили название «несториан». Многие другие заняли противоположную позицию, отвергая учение о «двух природах», и по этой причине стали называться «монофизитами» – от греческих слов *μονος* (один) и *φυσις* (природа). Но лишь очень немногие среди монофизитов принимали учение Евтихия. «Нормальные монофизиты» просто считали, что Божественную и человеческую природы Спасителя нельзя считать полностью автономными, ибо в таком случае само Боговоплощение становится бессмысленным. Этому со-

Контрольное задание

Согласны ли Вы с утверждением, что основной причиной догматических споров, приведших к многочисленным церковным расколам в эпоху Вселенских Соборов, было переложение евангельской Благой Вести на язык эллинистической философии? Как Вы полагаете, был ли у древней Церкви какой-то иной, альтернативный путь развития, помимо ее превращения в имперскую структуру со строго очерченной догматикой? Какие еще причины церковных расколов, кроме чисто догматических, Вы можете выделить?

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

путствовали политические и национальные соображения, подливая масла в огонь богословских споров, продолжавшихся несколько веков. В итоге, монофизитизм превратился в «национальную религию» практически всех египтян и значительной части сирийцев.

8. Церковь в позднеимперскую эпоху

К концу V в. Римская империя сохранилась лишь на Востоке. В нее входила восточная часть Балканского полуострова (Мезия и Фракия), Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет и Ливия. После того, как германцы заняли большую часть Запада, Константинопольский император распространил свою власть также на Иллирик (западная часть Балканского полуострова, включавшая некоторые районы современной Греции и территории южных славян), который до этого находился под юрисдикцией западных императоров.

До VII в. латынь продолжала оставаться официальным языком империи. Греческий использовался как литургический язык в большинстве церквей и язык интеллектуалов в крупнейших городах. Но, за исключением собственно Греции и западной части Малой Азии, большинство населения не говорило ни по-латыни, ни по-гречески. Крупнейшими этническими группами Восточной части империи были сирийцы, армяне, арабы и копты (египтяне). Культурный и лингвистический плюрализм помог христианской Церкви распространяться на Восток, в том числе и за пределы имперской территории.

Многочисленные сирийцы и армяне, жившие в районах, находившихся под властью Персии, поддерживали постоянные связи со своими соотечественниками, жившими в пределах империи. В Индии христианские общины, традиционно возводившие себя к проповеди апостола Фомы, существовали по крайней мере со II в. На Кавказе армяне и грузины обратились в христианство в IV в., тогда же, когда и эфиопы в Восточной Африке. В верховьях Нила христианские миссионеры активно работали среди нубийцев, арабов и других народов.

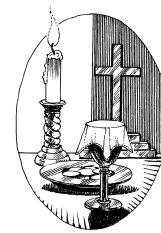
Все эти народы читали Писание, молились и совершали богослужение на своих родных языках; все они развивали свои богослужебные традиции и местные формы благочестия.

Можно выделить два фактора, способствовавших быстрому распространению христианства на Востоке: разнообразие его культурных форм и мгновенно прививавшиеся народные корни. В рассматриваемый нами период (в отличие от более поздних времен) христианство не распространялось некими «империалистами от культуры», стремящимися включить новообращенные народы в свою цивилизацию. Писание и богослужение переводились на местные языки либо одновременно с началом миссии, либо сразу же после ее широкого принятия народом. Ни в коем случае христианство не отождествлялось с той или иной культурой. Лишь позже христианские общины Ближнего Востока, защищаясь от враждебного окружения, приобрели национальный характер.

Такое культурное разнообразие и мгновенное приживание Евангелия стало возможным благодаря верному пониманию христианского универсализма. Христос – Спаситель всего мира, а не пленное божество. И, как члены Церкви, все народы были объединены в единой вере, и все они принимали единую епископскую структуру. Этому способствовала также и насущная необходимость епископских хиротоний, связывавшая новые церкви с известными центрами христианства.

Также необходимо добавить, что, так как Римская империя являла собой мощную политическую силу, ее враги (персы, арабы и др.) прилагали все усилия, чтобы христиане в их границах отпали от этого единства. Этот чисто политический фактор, увы, сыграл свою роль в непрекращающихся

Церковь в Константиновскую эпоху

расколах на Востоке. С другой стороны, как и любое авторитарное государство, империя зачастую использовала силу, чтобы провести в жизнь решения, которые она считала верными в тот или иной исторический момент. Несогласные подвергались суровым преследованиям. Такой подход в применении к Египту – стране с достаточно развитым этническим самосознанием – неизбежно провоцировал здесь ранее неизвестный сепаратизм. Таким образом, военная и политическая природа империи была явлена не только как объединяющая, но и как разделяющая сила.

Отрицательные черты христианской имперской системы не должны, однако, приводить нас к однозначно-негативной оценке римско-византийского наследия во Вселенской Церкви. Принятие христианства всем обществом сделало возможным развитие христианской культуры, подлинно вселенской по своему охвату. Это не была «национальная» греческая культура, хотя она и была выражена в первую очередь на греческом языке. Армяне, сирийцы и египтяне не только внесли в нее свой неоценимый вклад, но и на протяжении многих веков занимали высокие административные посты, как в империи, так и в Церкви. Литургическое творчество, искусство и богословие, рождавшиеся в Константинополе, всегда предполагали синтез различных элементов, происходящих из различных христианских традиций. Даже те, пусть неуклюжие из-за силовых методов, попытки унии с монофизитами, которые предпринимались императорами Зеноном, Юстинианом, Маврикием и Ираклием, – мотивировались христианским универсализмом, хранителями которого они себя считали.

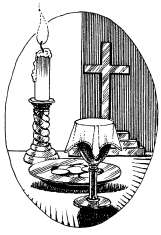
В корне иной была ситуация на христианском Западе. Хотя значительная часть Западно-Римской империи оказалась в руках варваров-германцев, идея «римскости» (*Romanitas*) – безусловного превосходства греко-римской цивилизации над завоевателями и власти римского императора в Константинополе – оставалась доминирующей. Варвары, завоевавшие империю, не могли и не хотели уничтожать цивилизацию. Они селились своими кланами на имперской территории и номинально признавали власть западно-римского императора, с 401 г. жившего в Равенне. Даже после низложения последнего императора Запада Ромула Августа командиром германских наемников Одоакром (476 г.) варвары продолжали формально признавать императора в Константинополе. А тот, в свою очередь, признавал их «союзниками» (*foederati*) и давал их князьям титулы патрициев. Остготский правитель Теодорих (493-526 гг.), например, был пожалован титулом *magister utriusque militiae et patricius* и также именовался *princeps* (князь) и *rex* (король).

Варвары (в подавляющем большинстве ариане) жили по своим законам, исповедывали свою религию, молились на своем языке, в то время как римляне продолжали жить по своим традициям. Но по мере того, как варвары приобщались к римской культуре, они все больше перенимали «достоинство римлян».

В этом процессе чрезвычайно важную роль сыграли Римские епископы (Папы), остававшиеся в покинутом императорами столичном городе единственными представителями «римскости». Они поддерживали постоянную связь с Константинополем и являлись официальными уполномоченными имперской власти на Западе. Все декреты и указы распространялись через них. Вместе с тем географически они были достаточно удалены от императора, а потому могли противостоять тем его решениям, которые считали неправильными.

Вследствие всего этого в политическом вакууме, образовавшемся на Западе, Папы стали восприниматься не только как преемники св. Петра, но и как наместники императора, обладающие как духовной, так и светской властью.

На IV Вселенском (Халкидонском) Соборе была подведена черта под христологическими спорами, однако Халкидонское исповедание веры не смогло положить конец дальнейшей полемике, особенно на

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Востоке. В Египте Диоскора почитали мучеником, а Флавиана и Льва – еретиками. Того же мнения придерживалось большое число христиан Сирии. И в том, и в другом случае значительное влияние на богословские воззрения оказывала неприязнь к центральной власти в Константинополе, собиравшей в провинциях большие налоги и никак не компенсировавшей их другими льготами и привилегиями. Помимо этого, сохранялись культурные и этнические противоречия, существовавшие с самого начала римского завоевания и с тех пор так и не изжитые. Императоры же пытались приобрести лояльность подданных ценой богословских компромиссов, призванных примирить сторонников Халкидона и его противников. Но эта цель оставалась недостижимой, поскольку недовольство вызывали не одни только разногласия по богословским вопросам. То, что императоры клали на одну чашу весов, немедленно перевешивалось новыми контраргументами, и это втягивало Церковь в бесконечные словопрения.

Такую неразумную политику первым начал узурпатор Василиск, низложивший императора Зенона, в 476 году отменивший решения Халкидонского собора и созвавший новый собор. Но этот собор так и не состоялся, поскольку Зенон вернулся к власти и похоронил планы своего противника. В 482 году уже сам Зенон издал «Указ о согласии» – Энотикон, – в котором просто-напросто предписывал всем вернуться к прежним позициям, которых они придерживались до раскола. Но это подняло новую волну разногласий – многие, в том числе папа Феликс III, сочли, что император не имеет права предписывать, во что надо верить. Поскольку Зенон поддерживал патриарх Константинопольский Акакий, дело дошло до открытого разрыва между епископами Рима и Константинополя. Из-за этого «раскола Акакия» отношения между Востоком и Западом прервались до 519 года, то есть до времени, когда оба его инициатора давно умерли. В конечном счете император Юстин I и папа Гормизд достигли согласия – фактически на основе признания решений Халкидонского Собора.

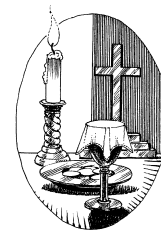
Юстина сменил его племянник Юстиниан – выдающийся император, возродивший былую славу Римской державы завоеванием Северной Африки и Италии, восстановивший Софийский собор и разработавший целостную систему законов.

Юстиниан (Флавий Петр Савватий Юстиниан), получивший благодаря своему дяде великолепное образование, был, вероятно, самым выдающимся римским правителем, но, несомненно, и самым противоречивым. Придворный историк Прокопий оставил нам две истории его правления. Одна – парадная: «История войн Юстиниана» и «Трактат о постройках Юстиниана», наполненная безмерными восхвалениями; другая – так называемая «Тайная история», где собраны все грязные сплетни и слухи об императоре и его жене. Наверное, как это обычно бывает, истина находится где-то посередине. Кем же был он, император Юстиниан, который еще при жизни стал творцом истории и который, через свой свод законов, продолжает оказывать известное влияние и на современный мир?

Он был эмоциональным человеком, необычайно трудолюбивым – в придворных кругах говорили: «Император никогда не спит», – вникавшим в мельчайшие детали правления. Он почти никогда не покидал своего дворца и никуда не выезжал из Константинополя. При всей роскоши своего двора он вел весьма аскетическую жизнь. Главной страстью его жизни было богословие. Он был хитрейшим политиком и неутомимейшим администратором. Он невероятно хорошо умел подбирать людей: не случайно, что на него работали величайшие полководцы, лучшие юристы, талантливейшие архитекторы, ученейший историк и самый ненавидимый (вполне заслуженно) на всем Востоке сборщик податей.

Юстиниан всю жизнь служил великой идее Римской империи и принес ей в жертву все, что имел, и даже то, чего не имел. Империя заплатит дорогую цену за реализацию амбициозных проектов императора. К концу его царствования ресурсы будут полностью истощены, а потом последует неизбежный в таких случаях крах.

Церковь в Константиновскую эпоху

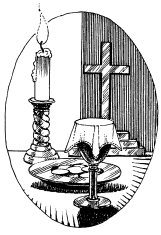
Основным принципом мировоззрения Юстиниана было единство: единство империи, единство Церкви и всеобщее единство рода человеческого. Основа же единства виделась Юстиниану в римском универсализме, который и был причиной и основным движущим мотивом войн с варварами на Западе. Юстиниан был очарован великим прошлым Рима и не мог удовлетвориться номинальным признанием варварскими правителями первенства Константинополя. Он писал: «Мы надеемся, что Бог вернет нам страны, которыми владели древние римляне вплоть до двух океанов».

Концепция религиозного плюрализма также была совершенно чужда Юстиниану (впрочем, как и большинству его современников). Для «царственного богослова» империя была единой Богоустановленной административной структурой. Она возглавлялась императором и воспринимала раз и навсегда определенную Вселенскими Соборами единую истину единого Православия. Хотя Юстиниан был весьма компетентным теологом, теоретически он соглашался с тем, что основы вероучения должны вырабатываться епископами. На деле же император присвоил себе функции «последнего арбитра» в споре различных епископских партий. Это он издавал свои богословские комментарии, будто бы выражающие «единственно-правильное» мнение Церкви и обеспечивающие нерушимый порядок в государстве.

Юстиниану и в голову не приходило, как это стало принято в Новое Время, решать вопросы взаимоотношений между Церковью и государством как между двумя автономными институциональными структурами. В его глазах Церковь и государство (империя) составляли единое целое: и в географическом, и в политическом, и в идейном смысле. В его понимании, Божья воля заключалась в объединении всей «эйкумены» (населенной земли) под одним Богоустановленным правлением, действующим силой Христа – Господа и Спасителя. Тем самым христианский римский император оказывался «наместником Христа»: это он исполнял на земле служение Самого Прославленного Господа. Что же касается духовной иерархии, то ее задачей было являть в учении и Таинствах истинное содержание христианской веры. Следовательно, народ Божий должен был управляться двумя иерархиями: одной из них была вверена ответственность за внешний порядок, безопасность, благосостояние и управление, другой – обязанность указывать путь на небеса, а также «вводить в предвкушение вечного блаженства» посредством совершения Таинств. Обе задачи представлялись хотя и различными, но нераздельными: по аналогии с сочетанием Божественной и человеческой природ во Христе. На деле служения светской и духовной властей постоянно пересекались. Епископы совершали Евхаристию и учили вере, но лишь император мог обеспечить их всем необходимым, чтобы их служение было эффективным, а принятые решения воплощались в жизнь. Но и императору была крайне необходима санкция Церкви (в лице ее иерархии) – иначе бы он просто не был *христианским* императором.

Самый знаменитый текст Юстиниана, выражающий эту идею – 6 новелла (т. е. «новый закон», добавленный к кодексу прежде существовавших законов), адресованная в 535 г. патриарху Константинопольскому Епифанию. Новелла представляет собой целый свод канонического права, содержащий предписания по таким вопросам, как брачное состояние духовенства, церковная собственность, места проживания епископов, препятствия к рукоположению, юридический статус духовенства, духовное образование и т.д. Канонические правила Юстиниана стали образчиком для всего Средневековья. Во вступлении к новелле Юстиниан формально определяет главный идеологический принцип:

«Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, – это священство (*sacerdotium*) и царство (*impetium*). Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. Когда священство беспорочно, а царство

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (*symphonia*) и все, что есть доброго и полезного, будет даровано человечеству».

Горячее стремление Юстиниана к единству и «симфонии» выразилось на практике в беспощадном подавлении всех религиозных «инакомыслящих». Все остатки язычества были выкорчеваны, а язычникам было приказано креститься под угрозой конфискации имущества. Монах Иоанн Эфесский с гордостью рассказывал о том, как он насильно обратил 100 тысяч язычников в Малой Азии. Языческие храмы разрушались, Афинская академия была закрыта. Иудаизм продолжал сохранять статус терпимой религии. Однако Юстиниан ужесточил ограничения гражданских прав евреев и разрешил использовать в синагогах лишь греческий текст Ветхого Завета. Восстание самарян в 555 г. было утоплено в крови и их права были ограничены еще больше, чем права евреев. Всякая религиозная деятельность монотанистов (христиан-харизматиков той эпохи) и манихеев (наследников прежних гностиков) была запрещена.

Но куда сложнее было справиться с монофизитами, к числу которых принадлежало большинство населения в Египте и Сирии. И с этой проблемой, которую нельзя было решить одними силовыми методами, Юстиниан мучился всю жизнь. Его главным помощником в духовной сфере была его жена Феодора, игравшая в империи негласную роль, соотносимую с современным понятием «министра по делам религий».

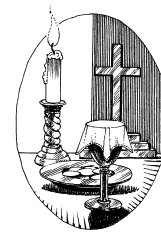
Император надеялся завоевать расположение тех своих подданных, которые отвергали решения Халкидонского Собора, не отрицанием Собора как такового, а осуждением сочинений трех антиохийских богословов, вызывавших особенную неприязнь монофизитов – Феодора Мопсуэстийского, Ивы Эдесского и Феодорита Киррского. Результатом стал так называемый «спор о трех главах», вызвавший такое волнение, что Юстиниан был вынужден созвать Собор, который состоялся в Константинополе в 553 году и получил наименование V Вселенского. По настоянию Юстиниана Собор осудил Феодора, Иву и Феодорита как еретиков, но это не удовлетворило тех, кто хотел отмены решений Халкидона в целом, и усилия Юстиниана не принесли никаких плодов.

Было бы неправильно объяснять непосредственное вмешательство императора Юстиниана в богословские дебаты его времени цинизмом политического деятеля, заинтересованного прежде всего в административном порядке и эффективном правлении. И он, и его жена Феодора полагали, что окончательное разрешение всех христологических разногласий необходимо как для подлинного духовного благосостояния общества, так и для их собственного вечного Спасения. Насильственные меры, которые Юстиниан предпринимал против оппонентов, он связывал с долгом христианского императора: награждать добродетель, карать порок и искоренять заблуждения. Император не считал непогрешимым лично себя и, порой, менял свои взгляды. Он также принимал традиционную христианскую концепцию, согласно которой Собор епископов был самой высокой и надежной инстанцией, свидетельствующей об Истине. С другой стороны, он иногда был склонен думать, что Богооткровенная истина вполне ему известна, и пытался воплотить ее в жизнь самым эффективным, с его точки зрения, образом: посредством своих эдиктов, имеющих статус государственного закона. Вместе с тем, большинство положений, сформулированных в этих эдиктах, не были изобретены лично императором, а ранее обсуждались на церковных соборах с участием епископов.

Ныне нам нелегко оправдывать насильственные методы, использованные Юстинианом, и изворотливость политики Феодоры в церковных вопросах. Но Юстиниан был сыном своего века и практически ничем не отличался в этом отношении от своих оппонентов. В конечном итоге, винить следует не столько его лично, сколько всю римско-византийскую имперскую идеологию и теократическую систему, господствующую и на Востоке, и на Западе вплоть до начала Нового Времени.

Церковь в Константиновскую эпоху

Факты побуждают нас признать, что, в конечном итоге, как гражданская, так и церковная политика Юстиниана завершилась провалом. Территориальные приобретения на Западе надолго удержать не удалось, империя была крайне обескровлена, а потому оказалась не в состоянии противостоять новым опасностям. Правда, сам Юстиниан едва ли мог предвидеть это: он умер до того, как над его государством стустились тучи. Тактические уступки Феодоры привели к созданию отдельной монофизитской церкви, что сделало восстановление церковного единства практически недостижимым, а использование военной силы и административных мер превратило лояльную прежде оппозицию в фанатичное движение сопротивления. И дипломатические, и насильственные методы, применявшиеся имперскими властями, нейтрализовали возможный эффект разумного «экуменического» подхода, намеченного на Соборе 553 г.

В итоге, монофизиты окончательно окопались в формальных границах кирилловской христологической терминологии, наотрез отказываясь признать, что Халкидон, поддерживая целостность относительно автономной и активной человеческой природы Христа, лишь усилил утверждение св. Кирилла, согласно которому «Один из Святой Троицы истинно (т.е. по-человечески) был рожден от Девы Марии и истинно (т.е. по-человечески) страдал на Кресте». Те, кто отвергали Халкидон, на самом деле отвергали ту кафолическую терминологическую гибкость, которая делает церковное предание живым Преданием, всегда с любовью открытым для обсуждения новых проблем, которые могут тревожить братьев, остро нуждающихся в Спасении. Этот «братолюбивый дух», взывающий единства между различными богословскими направлениями в Церкви, присутствовал и на Халкидонском, и на V Вселенском Соборе. Но V Собор состоялся слишком поздно, и та добрая воля, что была выражена на нем, не смогла предотвратить раскола.

О Юстиниане часто говорят как о «последнем римском императоре», и, одновременно – как о первом византийском «базилевсе». В истории он остался не только как император-богослов, но в первую очередь как законодатель. Его знаменитый Кодекс вместе с дигестами и новеллами, т.е. новыми законами, отразил его мечту о вселенском и христианском римском порядке. Через него Римское право стало доступным и средневековому Западу, и средневековому Востоку, а затем, через законодательство Наполеона, достигло и наших времен.

Трудно переоценить вклад Юстиниана в историю церковных институтов, в дисциплинарное и нравственное законодательство, в византийское и западно-средневековое понимание Церкви и общества. Основное направление законодательства Юстиниана следовало принципам, выработанным во времена Константина и Феодосия I. Но вклад Юстиниана был куда более значителен. Несколько разделов Юстинианова Кодекса посвящены церковной собственности, обязанностям клириков, правам епископов в различных гражданских процессах, монашеской дисциплине и ограничениям в правах, накладываемым на еретиков. 6-я и 123-я новеллы являются полным уставом имперской Церкви, основанным, прежде всего, на уже существующем каноническом праве, разработанном на предыдущих Соборах. Тот же устав регламентирует и сферы, не затронутые соборными канонами. Наиболее известны правила об обязательном безбрачии епископов и учение о так называемой «Пентархии». Согласно этой точке зрения, высший авторитет в христианском мире принадлежит пяти патриаршим кафедрам, которые получили наименование «вселенских» и располагались в следующем «порядке чести»: Римская, Константинопольская, Александрийская, Антиохийская, Иерусалимская. Согласие между «вселенскими патриархами» служит залогом единства Церкви. Каждый из патриархов располагает всей полнотой пастырской и юридической власти, но лишь на своей «канонической территории». На деле следствием этой концепции были: фактическая доминация Константинополя на Востоке, резкое падение значимости древних восточных патриархатов (Александрийского и Антиохийского) и «мина замедленного дей-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ствия» под отношения с христианским Западом, поскольку римские епископы не желали мириться с ролью «одного из пяти равных», пусть даже им и приписывалось формальное «первенство чести».

Но, наверное, самый верный путь к тому, чтобы понять характер царствования Юстиниана, – это посетить поражающие воображение памятники его грандиозной строительной программы. Среди самых известных из них – мозаики в Равенне и монастырь Преображения Господня (сейчас более известный как монастырь св. Екатерины) на Синайском полуострове, построенный Юстинианом на месте, где, по преданию, Бог говорил с Моисеем из среды горящего куста. Монастырь должен был стать форпостом Халкидонского христианства в пустыне близ Красного моря, населенной арабскими племенами. Главная базилика монастыря была посвящена усопшей Феодоре. И сейчас надписи на внутренней стороне потолочных балок гласят: «Памяти и упокоению блаженной памяти императрицы Феодоры» и свидетельствуют о трогательной любви императора к своей жене, соратнице и верной спутнице его жизни.

Но, конечно, самое замечательное творение Юстиниана – это Великая церковь – собор Св. Софии: главная базилика имперской столицы, посвященная Христу – Премудрости Божией (1 Кор 1:24). Ее «первый вариант» был построен императором Констанцием в IV веке. Та базилика сгорела в 404 г. во время волнений, связанных с высылкой св. Иоанна Златоуста. Она была восстановлена императором Феодосием II, и опять сгорела во время восстания «Ника» в 532 г. Новый же, великолепный храм строился 5 лет (532-537) архитекторами Артемием Тральским и Исидором Милетским и освящен на Рождество 537 г.

Наполненный светом внушительный интерьер Великой церкви завершался гигантским куполом, символизировавшим нисхождение Неба на Землю. Стены были украшены золотыми мозаиками и разноцветными мраморными плитами. Массивные колонны были свезены с разных концов Империи, в том числе даже из разрушенного храма Зевса в сирийском городе Баалбеке. Надпись на золотом престоле гласила: «Твоя от Твоих Тебе приносящие рабы Твои император Юстиниан и Феодора».

Впечатление, производимое собором (самым большим в христианском мире вплоть до XII в., когда началось сооружение гигантских готических соборов на Западе), было таким, что до самого падения Константинополя в 1453 г. он оставался признанным центром всего восточного Православия.

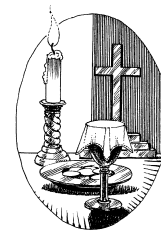

Контрольное задание

Оцените имперско-теократическую систему, достигшую расцвета при Юстиниане, и идею «симфонии» духовной и светской властей. Является ли она, по Вашему мнению, приемлемой (или неприемлемой) с христианской точки зрения? Поясните свою позицию.

«Монофизитская смута» продолжилась и после смерти Юстиниана. Последним императором, пытавшимся добиться расположения противников решений Халкидонского Собора, стал Ираклий, правивший в начале VII века. Ираклий – сын экзарха Африки, выходца из каппадокийской семьи, возможно, армянского происхождения. Он, безусловно, был одним из самых блестящих императоров-полководцев. Но в начале его правления положение казалось безнадежным даже и для такого гения войны. Ираклий предложил своему главному противнику, царю персов Хозрою мир на самых выгодных для того условиях, но тот отказался. Император был вынужден продолжить военные действия, которые длились без перерыва 19 лет. Обе стороны рассматривали эту войну как «священную» религи-

Церковь в Константиновскую эпоху

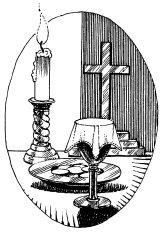
озную битву между двумя мировыми религиями: христианством и зороастризмом. Каждая из сторон боролась не за преходящие политические выгоды, но за конечное торжество всеобщей и абсолютной Истины, как она виделась каждой из них. Хотя религиозные ценности играли заметную роль во всех войнах древнего мира, никогда ранее их столкновение не было столь ярко выраженным и очевидным.

Иракий постоянно подчеркивал религиозный характер войны с персами, в чем ему помогал его постоянный советник и близкий друг патриарх Сергей (610-638). Сергей был родом из Сирии, из яковитских кругов («яковитами» назывались сирийские монофизиты), но еще в молодости принял Халкидонское исповедание веры. Дружба и близкое сотрудничество с Сергием определяли и ход войны, и религиозную политику императора. Впервые римская армия шла на персов, неся впереди иконы Христа и Богородицы, как знаки небесной помощи. Религиозный символизм войны тем более усилился из-за особой роли, придаваемой обеими сторонами Честному Кресту, почитаемому в Иерусалиме со времени его обретения св. Еленой, матерью императора Константина. В 614 г., когда персы захватили Иерусалим, они вырезали его население, взяли в плен патриарха Захарию и поднесли Крест в подарок царю Хозрою. Драгоценный Крест был вновь внесен в Иерусалим Иракием после его победы над Хозроем, скорее всего в марте 631 г. Праздник Крестовоздвижения, 14 сентября, праздновался в том году в Иерусалиме с особой торжественностью, а Иракий превратился в легендарного героя, которого даже в XII в. вспоминали как своего великого предшественника французский крестоносец Гийом Тирский.

Тот же Иракий ввел в употребление новый титул римских императоров: *Пустос ен Христо Базилевс* (по-гречески: «верный во Христе царь»), вместо традиционного римского «император» (греч. *автократор*, т.е. «самодержец»). Эта перемена была весьма значительной, так как, по римским имперским стандартам, она могла пониматься как снижение властного статуса. Император лишь один, а царей – много, в каждой стране – свой. Многие историки интерпретируют перемену как эллинизацию сознания римлян, или наоборот – подражание персидскому «царю царей». На самом деле главным было то, что «базилевс-царь» – библейский и мессианский термин: в Новом Завете Христос – единственный и истинный Царь, так что император, будучи «верным во Христе», провозглашал себя исполнителем царского служения Христа. Таким образом, эта перемена отражала прежде всего дальнейшую интеграцию христианской теократической идеологии с официальной римской политической философией. Теперь титул «базилевс» – «царь» начал употребляться лишь по отношению к единому вселенскому властителю Нового Рима и не признавался за франкскими и славянскими самозванцами. В конце концов императоры стали соединять оба титула – религиозный и светский, называя себя «верный во Христе Боге царь и император римлян» (греч.: *эн Христо то Тео пустос базилевс кай автократор Ромайон*).

Итак, в тяжелейшей войне римляне одержали победу и вернули себе Сирию и Палестину. Чтобы удержать склонявшийся к монофизитству восток страны патриарх Константинопольский Сергей предложил Иракию поддержать точку зрения, согласно которой у Христа было действительно две природы, но только одна воля. Позиция Сергия выглядит не вполне ясной, но он как будто бы имел в виду, что божественная воля заняла у Христа место человеческой. Во всяком случае именно так эта позиция была истолкована, а потому встретила те же самые возражения, которые выдвигались ранее против монофизитов: человек без человеческой воли не может быть полностью человеком. Точку зрения Сергия, получившую известность как «монофелитство» – от греческих слов *монос* (один) и *т(-ф)елема* (воля), – под давлением императора приняли многие церковные иерархи, но другие выступили с решительным протестом, чем и был вызван новый виток споров.

В это время главной угрозой империи и христианству стал ислам, возникший в среде арабских племен, населявших Аравийский полуостров. К началу VII в. в Аравии проживало множество неза-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

висимых, никому не подчинявшихся племенных группировок, некоторые из которых были кочевниками-скотоводами, некоторые – оседлыми земледельцами, а некоторые – и торговцами, занимавшими караванные пути и строившими на них небольшие города. К VII в. перед аравийскими арабами встала неотложная задача расширения территории для растущего населения, которое не могли прокормить скудные ресурсы полуострова.

В стране царило идолопоклонство. В каждой местности были свои «боги», но наиболее чтимыми из них были «черные камни» святилища Кааба в Мекке – одном из главных торговых городов. Благодаря торговле город процветал материально, а паломничество к «черным камням» тоже приносило немалый доход.

Однако арабское идолопоклонство доживало свои последние дни: Аравия созрела для некоего религиозно-творческого синтеза. Полуостров издавна вмещал «гремучую смесь» разных религий. Многие еретики – иудейские, христианские, зороастрийские и др., гонимые у себя на родине, – бежали в Аравию и основывали там свои селения. На обширные аравийские территории проникали и миссионеры существующих тогда мировых религий.

Зороастрийцы имели успех в северно-восточных районах, где было распространено персидское влияние. Во многих арабских городах были значительные еврейские колонии, самая известная из которых находилась в Медине. Многие арабы обратились в иудаизм. Но наибольших успехов достигли христианские миссионеры. Халкидонское исповедание доминировало на Синае и на севере Аравии. Несторианство обосновалось на северо-востоке – там, куда доходило влияние персов. Монофизитские общины располагались вдоль великих караванных путей вплоть до Йемена. Ряд арабских племен, например гассаниды, были полностью христианскими.

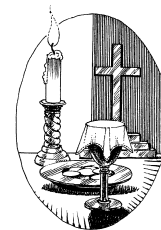
Арабские купцы, часто путешествовавшие в египетские, сирийские, палестинские и месопотамские города, знакомились с монотеистическими религиями цивилизованного мира, но и в самой Аравии была древняя традиция монотеизма – так называемый «ханиф».

В создавшейся ситуации и проявился своеобразный гений Мухаммеда, основоположника новой религии. Родом из священного города Мекки, бедный родственник влиятельного клана корейшитов, Мухаммед был до 40 лет торговцем и много путешествовал. Сначала он был приказчиком своей богатой родственницы – вдовы Хадиджи, на которой затем женился (она была старше его на пятнадцать лет). Мухаммед страдал странными припадками (возможно, эпилепсией), и иногда у него случались видения. Жена вначале стыдилась этого, а затем, вместе с некоторыми друзьями семьи, уверовала в его избранность свыше. Сам Мухаммед уверял, что его посещает архангел Джебраил (Гавриил) и сообщает ему небесные откровения. Он до конца жизни оставался неграмотным, о вере иудеев и христиан знал кое-что понаслышке и считал ветхозаветных патриархов, пророков, а также Иисуса Христа и Деву Марию подлинными посланниками Божьими. Таким же посланником он считал и самого себя. Вначале Мухаммед был привлечен монофизитством, но учение о Троице казалось ему несовместимым с монотеистической традицией «ханиф» (правда, тогда он думал, что Троица состоит из Бога, Иисуса и Марии). Учение, к которому он сам пришел, не было абсолютно антибиблейским. Его, скорее, можно назвать упрощенной формой монотеизма, куда более приемлемой для не слишком искушенных арабов, чем «отравленное» эллинистическим умозрением кафолическое христианство или замкнувшийся в своих национальных границах и обремененный множеством мелочных предписаний раввинистический иудаизм.

Успех Мухаммеда в качестве религиозного лидера объясняется главным образом тем, что он как никто другой понимал «арабскую душу». Он отличался несомненной одаренностью и харизматическими способностями; он остро ощущал насущные нужды своего народа. Кроме того, он обладал

Церковь в Константиновскую эпоху

несравненным политическим гением. Это сочетание талантов позволило ему создать за 10 лет из ничего мощное религиозно-политическое образование, способное к завоеванию мира.

622 г. стал годом Хиджры (бегства, исхода): Мухаммед с кучкой учеников и домашних бежал из родной Мекки, где он начал безуспешную борьбу с поклонением священным камням Каабы, в Медину. С этого времени он начинает проповедовать строгий монотеизм. Его лозунгом стало: «Нет Бога кроме Аллаха (Бога)» (Ля-илля-иль-Алля). Мухаммед умер спустя 10 лет, в 632 г., но к тому времени он уже был властителем всего Аравийского полуострова, а его армии пересекли границы Римской империи. Неожиданный взлет авантюристов – частое явление на Востоке, но также часты и их падения. Мухаммед, однако, оставил после себя устойчивую религиозную традицию и прочную политическую организацию, выживание которой было гарантировано Кораном. Эта книга, составленная со слов Пророка (Мухаммеда), и рассматриваемая его приверженцами как неизменное Слово Божие, состоит не только из мудрых изречений, притч и рассказов, но содержит и правила ежедневного поведения, управления государством и полный свод законов.

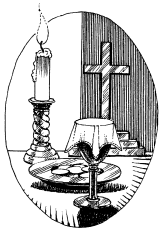
Коран достаточно прост, чтобы его могли принять арабы – современники Мухаммеда, и достаточно широк и универсален, чтобы отвечать нуждам великой империи, которую создадут его последователи. Воистину, сила ислама была в его простоте. Один Бог на небе, один глава правоверных на земле, и один закон – *шариат* – по которому он правит. В отличие от христианства, проповедовавшего мир, которого оно никогда не могло обеспечить, ислам открыто провозгласил «священную войну с неверными».

События, приведшие к возникновению новой мировой религии, можно вкратце подытожить так. Мухаммед в 622 г. нашел убежище в Медине, где жила большая колония иудеев. Первое время он пытался наладить с ними отношения, однако они, естественно, не признали его пророком. Зато широкие арабские массы вскоре откликнулись на энтузиастическую проповедь новой веры. Мухаммеда окружили фанатически настроенные толпы бедняков, что дало ему власть над Мединой. Жители пустыни, известные под именем бедуинов, и прежде совершали разбойные нападения на караваны купцов и паломников. Теперь же они принялись громить их «по идейным соображениям», как неверных. Вскоре в руках «правоверных» оказались южные и центральные районы Аравии. Воины были миссионерами, а миссионеры – воинами. За их подвиги им было обещано особое благословение, а в случае гибели в священной войне – «джихаде» – вся полнота райских благ. Везде, где последователи Мухаммеда приходили к власти, тут же уничтожались все идолы. Успех религиозно-политического движения на периферии полуострова произвел ошеломляющее впечатление и на сопротивлявшийся поначалу центр – корейшитскую Мекку. В 630 г. она сдалась Мухаммеду. Он, со своей стороны, тоже пошел на компромисс, объявив знаменитую грудку черных камней не идолами, как в начале своей проповеди, а достопочтенным памятником святых праотцов-патриархов, Авраама и его сына Измаила. «Черные камни» и по сей день остаются святыней ислама.

Столкновения с Римской империей начались еще при жизни Пророка. Но они ограничились мелкими и не слишком успешными набегами на Палестину. При преемнике Мухаммеда халифе Абу Бакре захват Аравии был завершён завоеванием персидской колонии в Бахрейне, а затем арабы вошли в Петрею (нынешняя Иордания) и, победив местного византийского экзарха Сергия, вторглись в южную Палестину и захватили Газу. С гражданским населением обошлись мягко, но солдаты гарнизона стали первыми христианскими мучениками, погибшими от рук мусульман.

В 634 г. Абу Бакра сменил новый халиф (глава общины правоверных) Омар. Южная Палестина постепенно наводнялась арабами. Престарелый патриарх Иерусалимский Софроний даже не смог в день Рождества 634 г. отправиться в традиционное паломничество из Иерусалима в Вифлеем.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Тем временем Иракий, пребывающий с остатками армии на севере Сирии, наконец-то понял, что к «кучке бандитов и мародеров», выбравшейся из пустынь, следует отнестись серьезно. Однако после изнурительной войны с Персией, на которую были истрачены даже церковные драгоценности (с обязательством вернуть их впоследствии), средств на содержание армии у него не было. Тяжелые налоги и без того ожесточили население. Ценой невероятных усилий Иракий сколотил кое-какое войско и заставил арабов отойти от Дамаска и Эмессы на юг, за Мертвое море. На большее у римлян сил не хватило.

Так подошла к концу великая эллинистическая эпоха, начавшаяся завоеваниями Александра Македонского и продолженная в границах «Римского мира» (лат. *Pax Romana*). После 1000 лет эллинской цивилизации и спустя 700 лет после утверждения власти Римского орла началось великое отступление греко-римской и христианской культуры из восточных пределов!..

Оттесненные от Дамаска арабы, пройдя путями Трансиордании, ворвались в Галилею и захватили Баалбек, Холмс и Тиверию. В 635 г. они вновь вышли к Дамаску и взяли его. Иракий теперь был по-настоящему обеспокоен. Он двинул против захватчиков целых две армии – одну из армян и монофизитов-арабов (гассанидов), другую – римскую под командованием Феодора Тритириуса.

20 августа 636 г. произошло сражение на реке Ярмук. Дул жаркий ветер из пустыни – самум. Римляне стояли с подветренной стороны, и глаза им залепляло горячим песком и пылью. В решающий момент сражения 12 тыс. гассанидов перешли на сторону мусульман (всего римская армия насчитывала 40 тыс. человек), и христианское воинство было разгромлено. Однако гассаниды не ужались с халифом, вернулись в Сирию и вскоре после ее окончательного завоевания мусульманами, сохраняя верность императору и своему христианскому вероисповеданию, переселились в Каппадокию.

Арабы быстро завоевали покинутую имперскими войсками страну. Монофизиты переходили на их сторону, евреи служили им проводниками. Лишь Кесария и Иерусалим да еще пара крепостей оказали им сопротивление. Иерусалимский патриарх Софроний возглавлял оборону города до тех пор, пока была надежда на спасение. В последний момент он отослал Честной Крест в Константинополь. В конце концов он принял тяжелое решение о капитуляции, зная, что сопротивление штурму означало право войска на всеобщую резню и разорение при входе в город. Добровольная сдача давала шанс на выживание и относительную религиозную терпимость.

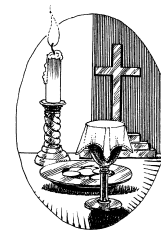
В 638 г. св. Софроний объявил, что сдаст город лишь самому халифу Омару. Тот прибыл на встречу с иерархом. Престарелый патриарх встретил Омара на Масличной горе. Он был поражен бедуинской простотой халифа, который явился к месту переговоров на белом верблюде, в засаленной одежде из верблюжьей шерсти и с мешком фиников, притороченным к седлу. Вид халифа вызвал скорбное восклицание патриарха: «Воистину это мерзость запустения, предреченная пророком Даниилом, водворившаяся на месте святом». Софроний предложил ему переодеться и распорядился, чтобы принесли сидоний – обычную одежду высокопоставленного лица. Однако Омар

Контрольное задание

Назовите причины «великого отступления» греко-римской христианской цивилизации на Востоке. Как Вы полагаете, можно ли было предотвратить подобный оборот дела? С помощью каких мер?

Церковь в Константиновскую эпоху

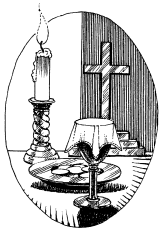
оставался в сидонии лишь ровно столько времени, сколько понадобилось для стирки его одежды. На этой встрече были оговорены условия сдачи Иерусалима. Таким образом, отвоеванный у персов «святой град» оставался в руках христиан всего лишь 7 лет.

Вслед за Палестиной под владычеством мусульман оказались Сирия и Египет, причем местное население охотно приняло новую власть, не желая сражаться за императора. Это и неудивительно, поскольку именно на этих территориях более всего противились решениям Халкидонского Собора и отвергали авторитет «императора-еретика». Со своей стороны, начиная с того же времени, императоры перестали стремиться к примирению с антихалкидонитами: ведь «монофизитские» земли и «монофизитские» подданные и так уже были потеряны. В 648 году Константин II запретил дальнейшие споры об одной или двух волях Христа. Наконец, VI Вселенский Собор, проведенный в Константинополе в 680-681 годах, осудил монофелитство.

В определенном смысле завершающим эпизодом христологической полемики стали споры об использовании икон. В ранней Церкви против использования образов как будто не было возражений – катакомбы и другие места богослужений украшались изображениями Причастия, Крещения и различных библейских сцен. Позднее, когда империя приняла христианство, некоторые ведущие епископы начали высказывать по этому поводу озабоченность, полагая, что иконы (греч. *эйкон* – «образ», «изображение») могут побудить вчерашних язычников, массами хлынувших в Церковь, к идолопоклонству. Притом речь шла не об отрицании икон как таковых, а о злоупотреблениях ими как объектами поклонения. В VIII веке римские императоры начали принимать меры против культа икон, а в 754 году Константин V Копроним созвал собор, запретивший использование икон и осудивший тех, кто выступал в их защиту. Причины этого решения не вполне ясны. Безусловно, определенную роль сыграла близость ислама с его строгим запретом любых изображений. Кроме того, императоры, по-видимому, стремились ограничить влияние монахов, которые почти единодушно выступали в поддержку иконопочитания. Как бы там ни было, вскоре вся империя разделилась на иконоборцев и иконопочитателей.

Иконопочитатели считали свою позицию естественным следствием христологической ортодоксальности. Если Иисус действительно был человеком, в котором в видимой форме проявился Бог, как можно возражать против Его изображений? Более того, первым «иконописцем» был Сам Бог, сотворивший человека по образу Своему. Иоанн Дамаскин, один из тех, кто был осужден собором Константина Копронима, писал:

«Попытки изображать Бога в виде какого-то образа были бы верхом глупости и нечестивости... Но поскольку Бог... стал подлинным человеком..., отцы, зная, что не все умеют читать или имеют время для этого, одобрили изобразительное описание этих фактов, дабы оно служило кратким комментарием» (Иоанн Дамаскин. *Точное изложение православной веры*, 4. 16). В другой раз тот же св. Иоанн Дамасский рассуждал так: «Я часто вижу тех, кто в тоске увидев облачение своего возлюбленного, припадает к нему, словно это сам любимый. Точно так же и зримые образы Христа, Богородицы и святых возносят наш ум к небесному первообразу, а воздавая им поклонение, мы в действительности поклоняемся тем, кто на них изображен». Такого рода аргументацию в пользу иконопочитания можно назвать «психологической». Позднее многие восточные богословы выдвигали аргументацию иного, «мистического» типа. С этой точки зрения, между освященным образом (иконой) и персоной, на нем изображенной и пребывающей в горнем мире, устанавливается таинственная связь. Собственно говоря, связь образа и первообраза осуществляется не естеством, а Божественной энергией. Через лицезрение иконы человек как бы ощущает действие этой энергии и приобщается к мистическому единению с Богом. Икона превращается в некий «канал» Божественной благодати. С помощью таких умозаключений обычно объясняют и феномен «чудотворных икон».

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

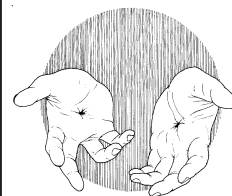
Яростные споры продолжались много лет. Запад просто-напросто отказывался подчиняться императорским эдиктам, а Восток раскололся. Наконец в 787 году в Никее собрался VII Вселенский Собор. На нем было проведено различие между «поклонением» в строгом смысле слова, *латриа*, уместным только по отношению к Богу, и «почитанием», *дулия*, менее высокой степенью поклонения, для которого могут использоваться иконы. Хотя затем иконоборцы на какое-то время вновь взяли верх, в 843 году иконы были окончательно восстановлены в правах – это событие некоторые Восточные церкви до сих пор отмечают как «праздник Торжества православия». На Западе решения Собора 787 года вызвали недоумение, так как различие между *latria* и *dulia* было трудно выразить на латинском языке. Но, в конце концов, трудности были преодолены, и большинство христиан пришли к согласию в вопросе об использовании икон в церкви и об ограниченной степени их почитания.

Контрольное задание

Играют ли изображения религиозного содержания какую-то роль в Вашей духовной жизни?

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

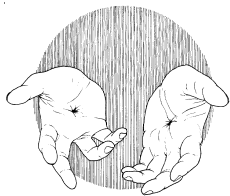
1. Исторические предпосылки раскола

Великое разделение христианского мира на две Церкви, произошедшее в X – XIII вв., по-прежнему оказывает существенное влияние на развитие всей европейской цивилизации. Несмотря на стремление христиан к единству, человеческая природа многообразна и различен религиозный опыт людей, так что никогда не бывало полного согласия в вопросах богословия и священнодействий среди многих народов христианского мира. С древнейших времен и до начала XXI века от «великой» или «Кафолической» Церкви отделялись различные деноминации, провозглашавшие свое учение, как правило, значительно расходившееся с учением Церкви, единственно истинным. Такие отделения принято называть ересями, а их последователей – еретиками. Однако раскол Церкви на Восточную и Западную был вызван не появлением нового богословского учения, а разрывом братского общения между главенствующими кафедрами христианского мира. Такой разрыв принято называть *схизмой*.

По блаженному Августину, разделение или схизма – это нарушение братского общения, которое не затрагивает догматы и Таинства. Святые Отцы первых веков часто не делают различия между схизмой и ересью; однако всеми принимается, что если последнее означает ошибку в учении, то первое – разделение православных. Строго говоря, великие Церкви Востока и Запада, которые для удобства мы обычно называем Православной и Католической, должны считать друг друга еретиками. Православные утверждают, что католики произвольно исказили Символ веры, в одностороннем порядке приняли новые догматы; в то же время католики обратили собственную теорию церковной власти, неприемлемую для православия, в незыблемый постулат веры. На деле, однако, хотя православные богословы и в прошлом склонны были преувеличивать догматические расхождения, а католические богословы не могли примириться с тем, что им казалось злокозненным отрицанием прав Св. Петра, расхождения все же касаются скорее вопросов первенства в церковном управлении, а не самого вероучения, и по природе своей относятся к схизме.

Схизма может проистекать из личного соперничества; из национальных, социальных или экономических притязаний; из соперничества великих епархий; из богослужебных споров; или из вопросов взаимного подчинения. В истории разделения Православной и Католической Церквей личное соперничество как таковое отсутствует. Протагонисты этой борьбы были выразителями отдельных интересов своих епархий, а не соискателями на одну епископскую кафедру. Конечно, индивидуальность соперников накладывала отпечаток и на самый спор, и на выбор тактики; а по временам личная неприязнь изрядно подогревала разногласия. Однако основными соперниками оставались епархии; впрочем, это соперничество, будучи формой национального соперничества, естественно перерастало в вопрос дисциплинарного подчинения. Национальные притязания обостряли богослужебные споры, а богослужебные разногласия проистекали главным образом из различий темпераментов – этих производных социальной и экономической специфики; наконец и самые события политической истории, наслаиваясь, примешивались к спору Церквей и усугубляли расхождения.

Дату полного разрыва Православия и Католичества установить непросто. Формальным признаком единства в древней Церкви были диптихи, составлявшиеся каждым патриархом в церквях его епархии для поминания за здравие и за упокой других патриархов, бывших с ним в общении. Новый папа или патриарх по своему избранию был обязан оповестить патриархов-сослужителей декларацией

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

своей веры; после чего, если его вероисповедание не отвергалось как еретическое, имя нового патриарха заносилось в диптихи. Из этого может быть сделан поспешный вывод, что, если имя некоторого патриарха отсутствует в диптихе какого-нибудь епископата, этот последний не имеет с ним общения или находится в схизме. На деле же такой вывод верен лишь в случае, когда имелась хотя бы физическая возможность постоянного общения епархий. С началом эпохи нашествий варваров новоизбранный патриарх подчас был просто не в силах послать свое исповедание веры собратям, а они не были с ним в общении по той простой причине, что не знали о его существовании. После арабского завоевания VII в. восточные патриархи подолгу не имели никаких контактов с Римом и даже с Константинополем; в их диптихах присутствуют гигантские пробелы. Кроме того, на Востоке бывали патриархи, чье избрание представлялось не вполне каноническим или чье вероисповедание вызывало сомнения – их имена тогда опускались до получения новых сведений; причем православность их паствы не подвергалась сомнению. Опускание патриаршего имени в диптихе не обязательно связано со схизмой Церквей.

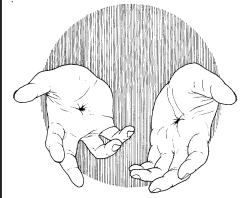
Схизма становится реальностью лишь тогда, когда она сознается рядовым членом Церкви; а такое ощущение развивается постепенно, на протяжении многих лет и не может быть привязано к определенной дате.

По существу некоторые различия во взглядах между восточной и западной половинами христианского мира всегда имели место. Восточное христианство возникло в странах с эллинистической культурой. Здесь и культурное наследство, и язык были греческими; и здесь унаследовали древнегреческое преклонение перед отвлеченным мышлением. Восточные провинции Римской империи были гораздо образованнее западных; Церковь развивалась здесь в атмосфере, где все члены церковного собрания – миряне и священники – горячо обсуждали вероучение. Задолго до Победы Креста при Константине многие лучшие умы Востока приняли христианство; однако попытки каждого отдельного философа вывести на свой собственный лад всеобщее значение христианского Откровения привели к бесконечным спорам и борьбе. Стало своего рода развлечением выступить с доказательствами того, что противник впал в ересь и своими выводами извратил христианское Откровение. Никто не принимал воззрения другого богослова как ортодоксальные, не подвергнувши их всестороннему обсуждению. Наконец развилось ощущение, что правая вера может быть утверждена лишь всеобщим собранием, где будут представлены все члены Церкви. Этот Вселенский Собор был духовным наследником собрания апостолов на Пятидесятницу; и его участники надеялись и верили, что Дух Святой и теперь сходит и вдохновляет их прения ради победы истины. В таком подходе были свои недостатки. Собрания часто бывали бурными. И редко меньшинство охотно мирилось с властью большинства; если же вероучительное отклонение отягчалось другими обстоятельствами – национальным недовольством или экономическими трудностями, – как волнение сирийцев и египтян в V в., тогда рождалась устойчивая ересь. Впрочем, этот процесс шел медленно. Халкидонский Собор, решения которого были отвергнуты большинством епархий Сирии и Египта, имел место в 451 г. Однако вплоть до арабского завоевания (вторая половина VII века) коптские и сирийские монофизиты еще не считались безнадежными еретиками. До того времени оставалась надежда, что новый Вселенский Собор найдет по вдохновению свыше определение, которое сгладит возникшие разногласия. Более того, Восточная Церковь, привычная к разнообразию мнений, всегда сохраняла веру в принцип *икономии* («домостроительства»), который означал распределение пожертвований, благотворительность, раздачу «по нужде каждого», побуждал христианина встать выше разногласий, ради сохранения атмосферы взаимного доброжелательства.

Когда сам император принял христианство, он был провозглашен также главой христианского мира. Соединение Церкви и государства возложило на императора заботу о благополучии обоих. Созыв Вселенского Собора и председательство на нем лично или через доверенных лиц стало делом

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

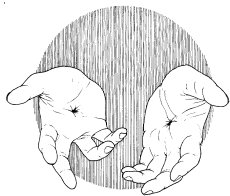

императора. Коронация превратилась в церковный ритуал и обеспечивала религиозную поддержку авторитету императорской власти; однако первейшим основанием этого авторитета была сама власть императора – наследника цезарей. Высочайшие церковные иерархи стояли определенно ниже императора. Власть императора признавалась даже Западом. Когда позднее папы заявили о своих особых правах на основании подложного «Дара Константина» (документ правового характера, в котором император Константин I будто бы передал папе Сильвестру I власть над западной частью империи), действенность их претензий проистекала из уверенности в том, что сам император оставил такое завещание. Хотя патриархи формально и избирались епископами, на деле их назначал и смещал император более или менее по своему произволу. Официально в сводах законов провозглашалось, что император и патриарх вместе составляют главный орган политической власти, что следует хранить это гармоническое единство, хотя император является старшим из партнеров. Всеми признавалось, что император не должен вмешиваться в церковные дела иначе как через посредство иерархии Церкви, а в случае догматического спора следует собрать собор. Патриарх же при моральной поддержке общественного мнения мог с успехом противодействовать императору вплоть до отказа короновать последнего. Сила Церкви проистекала из ее морального воздействия, и рисковал тот император, который этим пренебрегал. Тем самым он давал своим подданным повод к революционным действиям. Однако, хотя император не смел бросить вызов моральным устоям общества, у него имелось важнейшее преимущество: он стоял у истоков законодательства. Римская империя, просуществовавшая на Востоке до 1453 г., руководствовалась Римским правом. Последовательно сменявшие друг друга кодексы отражали растущую христианизацию, но все они исходили от императора. Участие духовной иерархии в правотворчестве ограничивалось сугубо церковными вопросами. Даже относительно брака и развода действительным был императорский кодекс. Церковные власти поэтому не интересовались законом и были по большей части плохими правоведами. Истинными правоведами были миряне с их мирским взглядом на вещи.

Впрочем, образованные миряне были не только правоведами. На протяжении всей истории Римской империи существовал широкий слой мирян, не уступавших в образованности духовенству. Учителя, правительственные служащие и даже солдаты бывали так же культурны, как священники. Многие имели хорошее богословское образование, и почти все они считали себя вправе участвовать в богословских спорах. В Константинополе никто не думал, что богословие составляет заботу исключительно клира.

Правильность богослужения была важнее для восточных христиан, чем личная правоверность. Они были преданы своей литургии, хотя она еще не сложилась окончательно вплоть до победы в споре с иконоборцами. Именно этот спор и обнаружил растущую привязанность «восточных» к собственным формам богослужения. В литургии активно участвовало все собрание верующих, и даже элементы убранства церкви вовлекались в службу, так что верующим «сослужили» и иконы, и мозаические изображения. Постепенно все более решительно отвергалось критическое отношение к чинопоследованию или практике богослужения, все более подозрительными казались попытки нововведений и изменений. Признавалось, впрочем, что литургию следует переводить на родные языки чужеземных церквей. С трудом, но допускались некоторые новые виды богослужений, достаточно освященные временем и традицией. Но приверженность собственной литургии была, по-видимому, важнейшей общей чертой духовного облика восточных римлян. Ею вдохновлялись лучшие произведения искусства, поэзии и музыки; причем простолудины в империи проявляли даже большую привязанность к своей литургии, чем образованные.

Ситуация средневекового Запада была совершенно иной. Христианство здесь распространялось медленнее, чем на Востоке; дольше удерживалось язычество, особенно в культурных кругах. В целях самозащиты Церковь здесь была вынуждена настаивать на организационном единстве и единообразии веры. В то же время на Западе меньше интересовались отвлеченными предметами и, следова-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

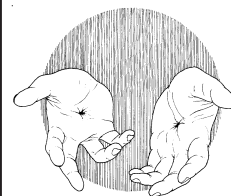
тельно, меньше обнаруживали склонности к богословским спорам. Сыграл свою роль и язык. В противоположность греческому с его утонченностью и подвижностью, восхитительно передававшему оттенки абстракций, латинский прямолинеен и негибок; это ясный, конкретный, недвусмысленный язык – совершенное орудие юристов. Политические потребности вскоре привлекли легализм латинской цивилизации на службу Церкви. Когда императорская власть пала на Западе под натиском варварского нашествия, единственным уцелевшим институтом оказалась Церковь. Исчезли наместники и вельможи императора, но остались папа и епископы. Они выступали в роли парламентариев на переговорах с захватчиками-варварами, и они же фактически управляли городами. Когда позднее образовались новые светские государства в постоянных границах, эти государства руководствовались по большей части законами рода и обычая. Но кодифицированный закон, за которым стоял престиж Римской империи, сохранился в Церкви. Где недостаточен был родовой закон, там Церковь восполняла пробел, расширяя таким образом сферу своего правового влияния. Видные деятели Церкви вынуждены были сами стать юристами. Так что, если на Востоке император оставался самодержцем и законодателем, на Западе его место естественно занял глава Церкви – Римский епископ, к которому постепенно перешли и власть, и роль законодателя.

Даже во времена расцвета Рима культура в западных провинциях была ниже, чем в восточных, позднее же варварское нашествие оказало пагубное влияние на западное светское образование. Культурные слои мирян в Италии были уничтожены войнами и другими потрясениями V – VI вв. Единственно уцелевший вид образования сохранился в Церкви и для Церкви. В раннем средневековье на Западе оставалась лишь горстка мирян, умевших хотя бы читать. При таком ходе событий Западная Церковь заняла положение, какого никогда не занимала Восточная до тех пор, пока позднее и там светская христианская власть не была уничтожена завоеваниями неверных. В отличие от восточной литургии западная месса была, скорее, делом одного священства. Миряне на Западе редко привлекались к решению религиозных вопросов; клир же, напротив, будучи интеллектуальной элитой, постоянно вмешивался в дела государства.

Автократическая структура Западной Церкви стала закономерным продуктом исторического развития. Теоретическое оправдание этому она нашла в заслугах апостола Петра: Св. Петр был первоверховным апостолом, «камнем», на котором была основана Церковь, ему были вручены ключи от Рая и дана власть на земле «вязать и решить». Ко времени своей кончины он был Римским епископом, и его преемники на учрежденном им епископском престоле наследовали и его власть. Папа Римский, однако, был не только верховной властью в своей Поместной церкви, но и претендовал на высший авторитет в догматических вопросах. Вселенский Собор, будь он правильно созван, конечно, вдохновлялся Святым Духом, но его роль, по мнению многих пап, начиная со св. Льва Великого (V век), состояла бы лишь в одобрении и распространении папских постановлений. Вера стала сводом параграфов Божественного закона. Одни учения признавались верными и законными, другие – ложными и незаконными. Больше того, по своему положению папа приравнивался к Церкви как таковой: оскорбить папу значило оскорбить всю Западную Церковь. Ни один восточный патриарх не олицетворял до такой степени свою Поместную церковь. Восточный патриарх всегда оставался человеком, который может ошибаться и даже впасть в ересь. Лишь Церковь в целом и ее Вселенские Соборы не могли ошибаться. На Западе же непогрешимость в делах веры рассматривалась как безусловная привилегия папы.

Таким образом, Западная Церковь склонялась к тому, чтобы стать централизованной организацией с самовластным боговдохновенным главой, организацией, которой бы управляли искусные администраторы и законники, чье богословие отражало бы их взгляды. Прошло много веков, прежде чем эта тенденция нашла свое полное выражение в правление папы Григория VII и Иннокентия III. Но сама тенденция имела всегда.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

Неудивительно, что с течением времени восточное и западное христианство все меньше понимали друг друга. Оба хранили неколебимую веру в Иисуса Христа, Святую Троицу и Евхаристию. Однако их практика была различной даже в преподании Святых Тайн, а их богослужения постепенно стали совершенно непохожими одно на другое. Воззрения же на богословие были по существу несопоставимы. На Востоке прибегали к рассуждению и обоснованию, причем официальная церковь с готовностью проявляла терпимость к тем, кто заблуждался не по существу, и избегала догматических постановлений и отлучений, если не затрагивались вопросы политики или литургики. На Западе представление о том, что есть истинная и что есть ложная вера, было проще, строже и принимало скорее правовую и логическую форму. На Востоке было множество образованных мирян – мужчин и женщин, привыкших принимать деятельное участие в делах Церкви, здесь всегда имелось определенное общественное мнение, которое не останавливалось даже перед критикой императора и епископов. На Западе до XII в. не было ни образованных мирян, ни общественного мнения по вопросам вероучения; даже и потом критике подвергалось лишь поведение, а не верования клира. Почти с самого начала Восток и Запад имели противоположные воззрения на сущность церковной власти. Император, наследник равноапостольного Константина, брал на себя управление христианским государством, а догматические вопросы решались Вселенскими Соборами. На Западе папа был преемником не только св. апостола Петра, но и императора. «Дар Константина», появившийся для оправдания папской власти, был подделкой, однако большую часть тех прав, которые, согласно этому завещанию, Константин «даровал» папе Сильвестру, римские папы с течением времени уже в действительности стяжали.

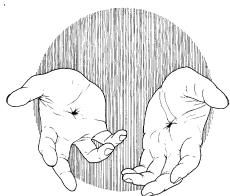
Разделение двух великих Церквей еще усиливалось языковыми различиями. На протяжении многих веков латинский язык использовался в законодательстве и государственной администрации и на Западе, и на Востоке. В то же время, и на Западе, и на Востоке греческий язык оставался языком церковной литургии, а также духовного и светского образования. Но к VII столетию латинский язык окончательно вышел из употребления в Византии, а на Западе никто уже не понимал по-гречески. Если бы больше греков понимали латинский, а больше латинян – греческий, их церкви, возможно, достигли бы лучшего взаимопонимания. Часто в их распрях роковую роль играли случайные ошибки перевода. Понимание не обязательно приводит к сочувствию, но хотя бы побуждает к осторожности и терпимости. Впрочем, почти во все времена осторожности и терпимости явно недоставало в церковных кругах, когда же их отсутствие отягчается непониманием – налицо катастрофа. Если бы великие Церкви Востока и Запада никогда не вступали в тесный контакт, мир мог бы воцариться от взаимного безразличия. Но контакт был неизбежен, и он с неизбежностью привел к отчуждению, еще более горькому в свете того, что обе Церкви были глубоко и искренне христианскими и обе верили, что Христова Церковь – Святая Католическая Церковь – должна быть единой и вселенской.

Во времена Победы Креста при Константине Церковь делилась на три великие архиепархии: Римскую, Александрийскую и Антиохийскую – по порядку старшинства. Рим имел особое значение

Контрольное задание

Каким образом различались мировоззрение и ментальность восточных и западных христиан в древности? А какие различия существуют между ними в наше время? Поделитесь своим мнением по этому поводу.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

не только потому, что империя была «Римской», но и потому, что два первоверховных апостола – св. апостол Петр и св. апостол Павел – оба завершили свой жизненный путь в Риме. Римский епископ пользовался поэтому особым уважением, и в нем видели главный авторитет в церковных делах. Главенство папы являлось чем-то большим, нежели формальное «первенство чести», но оно не было четко определено или закреплено каноническим правом.

После того, как императоры официально приняли христианство, у них вскоре возникло желание дать организации Церкви твердые правовые основания; и если бы Константин с семьей не впал в арианство, тут же осужденное папой, вполне вероятно, что каноническим главой Церкви как организации стал бы как раз Римский епископ. Поместный собор в Сардике (Софии), передавший Риму право верховного судьи в церковных спорах, действовал именно в этом направлении. Однако уже тогда ситуация значительно осложнилась из-за переноса имперской столицы в Константинополь – «Новый Рим», заново отстроенный христианский город. Епископ Византия, бывший до тех пор простым суффраганом (подчиненным епископом) архиепископа Гераклеяского, в качестве епископа Нового Рима должен был занять более высокое положение. Он вскоре был возведен в патриаршее достоинство, и его патриархат получил широкую территориальную юрисдикцию за счет Рима и Антиохии. Последующий распад империи разрушил самое представление о едином (церковном) административном центре, а Церковь на Востоке принялась воспроизводить структуру своего государства. II Вселенский Собор, собравшийся в Константинополе в 381 г., чтобы покончить с арианством, провозгласил в третьем каноническом правиле, что «епископ Константинополя стоит наравне с епископом Рима, поскольку Константинополь – Новый Рим». Отцы Собора вовсе не имели намерения унижить «старый Рим»: они лишь воздавали должное новой столице и отчасти стремились задеть достоинство Александрийского патриархата, поскольку влияние александрийского архиепископа Афанасия в то время нежелательно возросло. Однако император Феодосий I, созвавший Собор, не пригласил епископов западных территорий, находившихся под властью его соправителя Грациана. Папа, таким образом, не был представлен на соборных заседаниях и мог официально не признавать данного канонического правила.

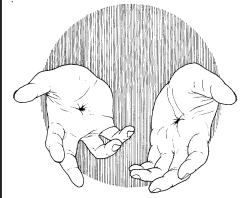
IV Вселенский Собор в Халкидоне, на котором присутствовали представители папы, подтвердил приоритет Константинопольской архиепархии в своем 28-м каноническом правиле, в котором утверждалось следующее:

«Следуя во всем за определениями святых отцов и признавая прочитанный тут канон 150-ти боголюбезнейших епископов, бывших в соборе (381 г.) в дни благочестивой памяти Феодосия в царствующем граде Константинополе, Новом Риме, то же самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей церкви того же Константинополя, Нового Рима. Ибо и престолу Ветхого Рима отцы, как и подобало, дали преимущества, *потому что он был царствующим градом*. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбезнейших епископов предоставили *такие же* преимущества святейшему престолу Нового Рима, справедливо рассудив, чтобы град, получивший *честь быть градом царя и сената* и имеющий *равные преимущества* с ветхим императорским Римом, был бы, в соответствии с этим, подобно ему, возвеличен и в церковных делах и стал бы *вторым после него*».

Восточные иерархи поддержали это правило, но папские представители решительно возражали против него, а затем и сам папа официально его отверг. И в самом деле, такая формулировка несправедливо умаляла притязания Рима, поскольку не принимала во внимание традицию прямой и непрерывной преемственности, восходящую к св. апостолу Петру (а это – вопрос чрезвычайной и даже исключительной важности); она также не отмечала выдающейся роли многих римских епископов в делах Церкви. Да и сама формулировка нового канонического правила была неясна: прямо не указы-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

валось, какими именно привилегиями пользовался «Ветхий Рим». Впрочем, эти «привилегии» прежде толком и не оговаривались. Должен ли был Константинополь, например, делить с Римом право разрешения церковных споров, дарованное Сардикийским собором древней столице? Неудивительно, что папа протестовал против этого постановления.

Халкидонский Собор, кроме того, возвысил достоинство Иерусалимской епархии до уровня патриархата. Рим по этому поводу опять-таки выразил протест, хотя и с иной аргументацией: Иерусалим без сомнения был Святым Градом, где проповедовал Христос. Церковь в Иерусалиме была основана апостолом Иаковом – братом Господним по плоти, и св. апостол Иаков, как следует из Писания, почитался Главой всей Церкви. Однако та Апостольская Церковь перестала существовать в Иерусалиме после того, как город был разрушен Титом, а ныне Иерусалим не является столь важным городом для дарования ему таких привилегий. В конце концов, однако, Рим признал Иерусалимский патриархат.

Итак, уже в то время наметились серьезные расхождения в подходах: Восток признавал за Вселенскими Соборами высший авторитет во всех вопросах церковной организации и догматики; Запад же признавал единственным и окончательным лишь авторитет преемника св. Петра.

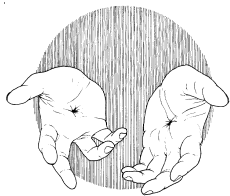
Две эти противоположные точки зрения особенно ясно обнаружили в время христологических споров, раздиравших Церковь с IV по VII в. Они окончились отпадением крупнейших христианских общин Сирии и Египта и установлением общения между Римом и Константинополем, хотя и полного, но неспокойного. По ходу дела Рим определенно разъяснил свою позицию: во время Халкидонского Собора папа Лев I категорически заявил в своем «Томосе», что правая вера заключена в этом документе и исключительно в нем. Императорские представители, впрочем, деликатно позаботились о том, чтобы папский «Томос» был принят за основу дальнейших обсуждений на Соборе, а содержащееся в нем учение было утверждено как православное после незначительных дополнений и исключений. К несчастью, теоретические достижения Собора были отвергнуты большинством христиан Сирии и Египта, впадшими в монофизитство, так что в дальнейшем любой император, пытавшийся найти компромисс со своими подданными-монофизитами, сталкивался с твердым отказом Рима изменить «Томосу». Константинопольский же патриарх из-за своей близости к императору, который его и назначал, был вынужден почти всегда следовать указаниям монарха, а потому добрые отношения между Римом и Константинополем то и дело прерывались. Когда император Зенон обнаружил свой «Энотикон» – пустая попытка всех примирить, – Константинопольский патриарх Акакий его поддержал. Тогда папа Симплиций исключил Акакия из своих диптихов, а его преемник папа Феликс III и вовсе предал своего Константинопольского коллегу анафеме. Разрыв отношений между церквями Рима и Константинополя длился с 484 по 518 г., хотя в 498 г. было почти достигнуто примирение, поскольку папа Анастасий II выказывал готовность пойти на компромисс, за что собственная церковь объявила его еретиком, а Данте поместил в ад. В 518 г. император Юстин I, из политических

Контрольное задание

*Как Вы полагаете, **чем именно** должна определяться авторитетность той или иной епископской (патриаршей) кафедры?*

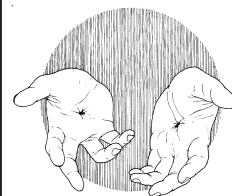
Я есмь Путь и Истина и Жизнь

соображений стремившийся заручиться поддержкой Рима, потребовал от патриарха Иоанна II включить Акакия и его четырех преемников из официальных диптихов и присоединиться к формулировке, согласно которой «католическая вера нерушимо хранится Апостольским престолом [Рима]».

В правление Юстиниана I с папами обходились пренебрежительно, как, впрочем, и с константинопольскими патриархами. То же происходило и в VII в. С монофелитами покончили на VI Вселенском Соборе, когда римское исповедание веры одержало безусловную победу над точкой зрения некоторых прежних императоров и Константинопольских патриархов. Вместе с четырьмя Константинопольскими патриархами, официально объявленными еретиками, в список еретиков был включен и один папа – Гонорий I, хотя в латинском переводе деяний Собора он тактично не назван папой. Следует признать, что своей победой римское богословие было обязано по большей части вмешательству императора. Императоры, считавшие папу таким же своим подданным, как и патриарха, вместе с тем придавали отношениям с ним особое значение, поскольку он физически был менее доступен контролю, а политически – весьма полезен благодаря своему влиянию в Италии. Поэтому, если папу можно было умиротворить унижением патриарха, императоры обычно с готовностью приказывали патриарху признать превосходство папы и сами торопились выказать предпочтение Папскому престолу. Когда императору Фоке, восшедшему на трон благодаря особенно гнусному кровопролитию, папа Григорий I послал льстивое поздравление, император ответил столь же лестным признанием папы «главой Церкви». Папу Константина I приветствовал в Константинополе император Юстиниан II коленапреклоненно и с императорской короной на голове. Следует, однако, помнить, что если папы по самой природе своей власти никогда не могли признать своих ошибок, то Восточная Церковь не считала своих иерархов безошибочными. Следовательно, мнение патриарха не было обязательным для его преемников, как, впрочем, и мнение императора, если только оно не было закреплено законом. Даже постановления Вселенских Соборов хотя и признавались обязательными, но могли все же быть разъяснены, а порой и исправлены. На Востоке и не думали разрабатывать строгое право прецедента и неукоснительно его соблюдать, как это делалось на Западе. Так что, если какие-то одиннадцать патриархов признали превосходство папы по принуждению императора, их преемники вольны были считать это ошибкой.

Окончательному отпадению сирийских и египетских несториан и монофизитов от имперской Кафолической Церкви способствовало также арабское завоевание. Разделение христианского мира было в интересах мусульман. Они обращались с христианскими общинами разного толка как с отдельными религиями и поощряли их к созданию собственной, ни от кого, кроме новых властей, независимой иерархии. Православные патриархии Александрии, Антиохии и Иерусалима хотя и продолжали существовать, однако их паства сократилась, а сами они находились под контролем власти иноверных. Константинопольский самодержец все еще считал себя хранителем и защитником Православия повсюду в мире, и сами православные почитали его своим истинным духовным главой, даже живя под властью халифа, однако на практике восточные патриархи и их верные уже не могли иметь постоянных связей с императорским двором. На протяжении трехсот лет лишь один из них смог послать окружное послание Константинопольскому патриарху в связи со своим избранием. Еще труднее было поддерживать связь с Римом. Это было возможно лишь через посредство редких паломников с Запада. Практическая изоляция старинных соперников ставила Константинопольского патриарха в положении безусловного главы восточных христиан, а соперничество патриархатов свелось к конкуренции Рима и Константинополя; и покуда Рим в результате войн и вторжений варваров приходил в упадок, Константинополь, императорская столица, превращался в богатейший, крупнейший и культурнейший город христианского мира. Естественно, что Константинопольские патриархи принялись оспаривать и игнорировать прежние притязания Римского епископа. В то же время на Западе всеобщий хаос и распад социальных

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

связей способствовал росту авторитета папы как главы единственно надежного общественного института. Деятельность папы Григория I Великого свидетельствует о том, как далеко могло распространиться влияние Папского престола, если его занимал умелый и активный деятель.

Так или иначе, Рим продолжал играть определенную роль в политике Константинополя. Когда императоры исаврийской династии (Лев Исавр, Константин V Копроним) стали насаждать в империи иконоборчество и принудили к сотрудничеству патриархов, оппозиция обратилась к богословам за пределами империи, таким, как Иоанн Дамаскин, а также к папе, чей авторитет специально подчеркивался в надежде озадачить императора и патриарха. Папа, как и следовало ожидать, осудил иконоборчество как ложное учение.

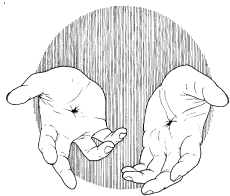
Новый конфликт возник в начале VIII века, когда сицилийская и иллирийская провинции были выведены из папской юрисдикции и переданы Константинопольскому патриарху. Император к тому времени не имел надежного контроля над Римом и Италией, поскольку же Сицилия и Иллирия являлись провинциями империи, было вполне логично распространить на них власть Константинопольского патриарха. Рим протестовал, но не прервал отношений с Константинополем. Дело в том, что германские племена, с V века хозяйничающие на территории Западной Римской империи (остготы, вестготы, вандалы, лангобарды), как правило, исповедовали арианство. Лишь одно из этих племен – франки – традиционно придерживалось кафолического (Никейского) вероисповедания. Германцы не признавали авторитета Римской епископской кафедры, существенно ограничивали ее влияние. Вот и в VIII веке папа, политическим позициям которого угрожали лангобарды, не мог отказаться от поддержки восточного императора. Через 20 лет после конфликта по поводу Иллирии, в 753 г., именно в тот момент, когда Константин V созвал великий иконоборческий собор, папа Стефан II попросил срочную военную помощь у Константинополя и только отказ последнего побудил его обратиться к франкам и положить начало той политике, которая привела в конце концов к созданию империи Карла Великого. Правда, папы вскоре обнаружили, что каролингские богословы (спонсируемые при дворе короля франков Карла I) – в не меньшей степени иконоборцы, чем «императорские богословы» в Константинополе. К тому же, если императоры не вмешивались во внутренние дела Рима, то Карл и его преемники выказали намерение делать это, причем очень активно. Однако отступить было поздно, и папа Лев III короновал Карла как императора «Западной Римской империи». Эта акция вызвала глубокое возмущение в Константинополе, где Карла, естественно, считали узурпатором.

Первый этап иконоборчества завершился VII Вселенским Собором в 787 г. Императрица Ирина, созвавшая Собор, пригласила легатов из Рима; и, как когда-то в Халкидоне, папская декларация веры была положена в основу обсуждений, а затем принята с небольшими добавлениями. Последовало общее примирение, хотя Сицилия и Иллирия не были возвращены Риму. Император Лев Армянин вновь возродил иконоборчество в 815 г., и тогда оппозиция под водительством монахов Студийского

Контрольное задание

Дайте краткую характеристику отношения христианского Востока к институту Папства в VI – IX веках.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

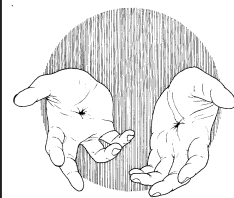
монастыря, стремясь освободить Церковь от давления императора, предложила вручить папе, которого император не мог контролировать, высшие полномочия в Церкви. Точка зрения православных победила, императрица Феодора восстановила почитание икон в 843 г., после чего «папизм» св. Феодора Студита и его единомышленников был благополучно предан забвению.

Следующий этап непростых отношений Рима и Константинополя был связан с деятельностью патриарха Фотия. Долгое время западные историки считали его злейшим врагом Рима, а восточные поборники «чистоты Православия» – бесстрашным обличителем ересей «латинства». Современные исследования, однако, доказывают, что это – очень упрощенные, а по сути, и неверные воззрения.

В 847 г. императрица Феодора назначила патриархом Игнатия, сына императора Михаила Рангаве, в связи с низвержением которого мальчика скопили и отдали в монахи Студийского монастыря. Игнатий был суровым моралистом, не слишком высоко ставившим мирскую образованность и интеллектуальность. Вскоре после назначения у него появились основания отлучить архиепископа Сиракуз Григория Асбеста. Григорий обратился за поддержкой в Рим и, кстати, высказал сомнение в каноничности избрания Игнатия. Поскольку Сиракузы (в Сицилии) за сто лет до того были произвольно изъяты из-под власти Рима и переданы Константинополю, Григорий явно рассчитывал спровоцировать конфликт. Папа потребовал представить акты синода, осудившего Григория. Игнатий же, несмотря на свое студийское воспитание, отказался признать право Рима вмешиваться в дела его кафедры. Спор разгорался, а императрица тем временем была лишена регентства собственным сыном Михаилом III, который не любил Игнатия не только как друга матери, но и как бесстрашного обличителя его частной жизни. В 858 г. он сместил Игнатия и назначил на его место выдающегося светского ученого Фотия. Фотий, спешно проведенный через все ступени иерархической лестницы, решил действовать, строго следуя традиции. К тому времени уже исчезла практика рассылки окружных посланий Поместным церквям в связи с восшествием на престол нового патриарха. Связь с Восточными патриархиями давно уже стала нерегулярной, замерла и переписка с Римом. Фотий, однако, сумел послать письма восточным собратьям-патриархам и в Рим. Без сомнения, он надеялся тем самым заручиться их поддержкой, и таким образом ослабить сторонников Игнатия. Вероятно, он опасался и возрождения иконоборчества. Фотий мог рассчитывать, что прежние конфликты папы с Игнатием обеспечат ему симпатии Рима, но тут его ждало жестокое разочарование. Папа Николай I был неприятно поражен слухами о неожиданном избрании мирянина в патриархи и увидел в происшедшем Богом данную возможность продемонстрировать «кто есть кто», выказать свое каноническое превосходство над Константинополем. Он отказался принять окружное послание Фотия, однако три года спустя, в 861 г., направил своих легатов в Константинополь с заданием: признать нового патриарха при условии, что Иллирия и Сицилия будут возвращены Риму. Это было весьма насущное требование.

В это время в Центральной и Восточной Европе две великие силы – языческие Моравия и Болгария – склонялись к тому, чтобы обратиться в христианство. Половина Болгарии и большая часть Моравии находились в пределах старой провинции Иллирия. Таким образом, Рим имел прекрасный шанс приобрести новую и весьма многочисленную паству. Разумеется, ни Фотий, ни император не могли и думать об удовлетворении подобных требований. Вместо этого, проявляя свое благорасположение, Фотий предложил легатам выступить (от имени папы) арбитрами в его споре с Игнатием и обещал подчиниться любому их решению. Легаты же, не дожидаясь инструкций из Рима, немедленно согласились, полагая, что тем они утверждают авторитет папы. Как и предвидел Фотий, спор был решен в его пользу, и низложение Игнатия утверждено. Игнатий протестовал, а Фотий тут же оговорился, что подчинился суду легатов по своей доброй воле, и это вовсе не означает признания за Римом прав арбитра вообще. Папа Николай посчитал себя обманутым. Он сурово отчитал легатов и отказался признать Фотия законным патриархом.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

Тем временем Моравия и Болгария были обращены в христианство константинопольскими миссионерами. Однако проповедовавшие в Моравии свв. Кирилл и Мефодий решили, что по географическим и политическим причинам основанные ими церкви должны подчиняться Риму. Царь Борис в Болгарии сначала признал каноническую власть Константинополя, но позднее обратился к Риму в поисках более выгодных условий. Папа Николай послал своего доверенного епископа Формозия из Порто для проведения преобразований в новой Болгарской церкви. Это был чувствительный удар по византийской дипломатии, и вскоре до Константинополя дошли слухи, что Формозий яростно нападает на канонические установления, пришедшие в Болгарию с Востока (касательно женатого духовенства и правил поста), а также требует присоединения латинской добавки *Filioque* («и от Сына») к Никейскому Символу веры.

Очень скоро византийские власти оправались от этого удара. Их реакция была весьма жесткой. Следующей весной патриарх Фотий направил главам остальных Восточных церквей окружное послание, в основном посвященное последним событиям в Болгарии. Рассказав об обращении страны, когда этот варварский народ «отрекся от своих первобытных демонов и оргий», Фотий поведал об его почти немедленном отступничестве. Он называет работающих в стране латинских миссионеров нечестивыми и гнусными людьми, восставшими из тьмы Запада, и сравнивает их с громом и молнией, с безжалостным градом и диким вепрем, в ярости вытаптывающим виноградник Господень. Затем Фотий перечисляет постыдные обычаи и лжеучения, навязываемые злокозненными латинянами несчастным болгарам: пост по субботам и сокращение Великого поста на неделю, осуждение женатых священников и убеждение в том, что только епископ может совершать таинство Миропомазания, а Миропомазание, совершенное священником, недействительно (на этом основании франки заново миропомазывали крещеных болгар). Фотий напоминает патриархам, что «даже малейшее отступление от преданий приводит к полному презрению к догматам». Между тем, он отметил и более серьезное отклонение латинян от истинной веры: франкские миссионеры в Болгарии вводили догмат двойного исхождения Св. Духа (*filioque*), что было уже несомненной ересью. Фотий заверил восточных патриархов, что он сделает все возможное, чтобы вернуть Болгарскую церковь в Православие, и попросил их прислать своих представителей на Константинопольский собор, задачей которого будет осуждение заблуждений латинян.

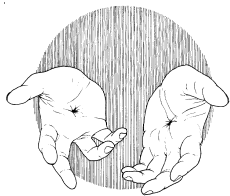
Именно так конфликт между Римом и Константинополем достиг своей высшей точки. Выступив против Рима, Фотий стал защитником не только независимости Византийской церкви, но и самих жизненных интересов Византийской империи. Имперское правительство полностью поддерживало великого патриарха. В свою очередь, император Михаил послал папе очень жесткое письмо с требованием покаяния. В нем он в ультимативной форме потребовал, чтобы папа отозвал решение своего собора 863 г., низложившего Фотия и отлучившего его от Церкви, и весьма резко отверг римскую претензию на исключительность.

В 867 г. в Константинополе состоялся собор под председательством императора. В нем приняло участие 500 епископов. Отцы собора низложили и отлучили от Церкви папу Николая, осудили *filioque* и следующие латинские обычаи: 1) пост по субботам; 2) сокращение Великого поста на неделю; 3) неприятие женатого священства; 4) объявление недействительным Миропомазания, если оно произведено священником.

Вмешательство папы в дела Константинопольской церкви было признано незаконным.

Но спустя короткое время ситуация в корне изменилась: в столице произошел дворцовый переворот. Еще в начале своего правления император подружился с Василием Македонянином. Василий был сыном очень бедного крестьянина. В поисках приключений он явился в Константинополь, где из-за необычайной физической силы ему удалось получить место конюха в императорской конюшне. Вскоре он сумел стать другом и собутельником Михаила III Пьяницы, причем император выдал за него замуж свою бывшую любовницу Евдокию Ингерину. У Василия произошел конфликт с высоким имперским

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

вельможей («кесарем») и дядей императора Вардой, встревоженным его растущим влиянием при дворе. Но Михаил уже не мог жить без своего любимца и позволял ему все. Некогда всесильный Варда все более утрачивал свое влияние на царя. Василий почувствовал свою силу и в 865 г. собственными руками убил Варду на глазах его племянника-императора. Михаил настолько от него зависел, что вскоре после этого сделал его своим соправителем – вторым императором («кесарем»).

Но Василий мечтал о всей полноте власти. В сентябре 867 г. он подослал убийц в спальню к своему другу, когда тот еще не пришел в себя после очередной попойки. Таким образом Василий I взошел на имперский трон. Несмотря на столь криминальное начало своего правления, он оказался очень способным государственным деятелем. Именно он основал Македонскую династию, продержавшуюся у власти почти 200 лет.

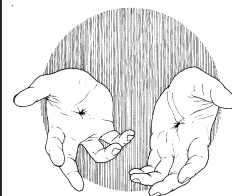
Однако просто захватить престол было недостаточно, нужно было еще добиться всеобщего признания. Василий немедленно низложил Фотия и возвел на патриаршество Игнатия. Примерно в то же время умер папа Николай и его преемником стал Адриан II, лично недолюбливавший Формозия и всю германскую («франкскую») партию, которую тот представлял. Когда Игнатий стал искать примирения с Римом, Адриан с готовностью откликнулся и отправил послов на собор, который намечалось провести в 869 г. в Константинополе. Но тут дело опять осложнилось. Римские легаты намеревались заставить собор подписать *Libellus* («Грамоту»), провозглашавшую, что истинная вера нерушимо хранится Святым Римским престолом, но вмешались императорские чиновники и запретили делать это. Было принято как раз противоположное решение: для провозглашения догматических истин необходимо согласие всех пяти «вселенских патриархов». Также было постановлено, что вопрос о канонической принадлежности Болгарской церкви может решать только император. Император же, естественно, отдал ее Константинополю, к союзу с которым вновь склонился и царь Борис. В итоге, Рим так и не получил никаких преимуществ, и хотя папа и патриарх снова официально пребывали в общении, отношения между ними были очень холодными. Папа даже намеревался окончательно отлучить Игнатия, но в 877 г. была получена весть о его кончине.

Преемником Игнатия император Василий назначил, как ни странно, снова Фотия, способности которого он наконец оценил. Фотий, со своей стороны, горячо желал примириться с Римом. Иоанн VIII, избранный в 872 г. папой, также стремился к примирению. Новый собор собрался в Константинополе в 879 г. Были отменены соборные постановления 869 г., и Фотий был признан законным патриархом. Получило полное подтверждение и православие Рима. Император был в трауре и не присутствовал на соборе, но Фотий доставил милостивое послание от него, передающее Болгарскую церковь в подчинение Риму. Собор завершился взаимными любезностями и деликатным молчанием по поводу спорных положений; тон послания Фотия к папе был настолько почтителен, насколько этого требовала римская традиция. Единственным «но» был категорический отказ царя Бориса подчиниться Риму. Фотий и император прекрасно знали, что так оно и будет, а потому и шли на столь щедрые уступки. Болгария так и осталась в юрисдикции Константинополя, но как бы вопреки воле византийцев, и не по их вине.

Но в любом случае примирение Рима и Константинополя произошло, и в течение многих последующих десятилетий во Вселенской Церкви царил мир. Когда же в начале X века в Византийской церкви произошел раскол в связи с четвертым браком императора Льва VI, такт правящего патриарха и сдержанность папы были в равной степени достойны восхищения. Тем временем империя Каролингов дышала на ладан, а в Риме преобладало германское влияние. Константинополь же, хотя и уступил Сицилию мусульманам, в конце X в. вновь завладел южной Италией. С 904 по 962 г. в самом Риме правил местный патрицианский род Феофилактов; их политика дружбы с Константинополем и

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

поставляемые ими папы-марионетки не угрожали альянсу Востока и Запада. В этой атмосфере доброго согласия император охотно передал в 924 г. в подчинение Риму провинцию Далмация (современная Хорватия) с ее латиноязычными церквами, хотя она и входила в провинцию Иллирия.

Казалось бы, имелись все шансы и в дальнейшем сохранить мир. Но на деле ни одна из старых проблем не была разрешена; появился и новый спорный момент, впервые отмеченный Фотием: растущее число западных христиан употребляло принятое первоначально только у франков добавление *Filioque* к Никейскому Символу веры, решительно отвергаемое на Востоке. Не хватало только политической революции в Италии для того, чтобы тлеющий раздор разгорелся со всей губительной силой.

2. События 1054 года

1054 год считается датой окончательного разделения Восточной и Западной Церквей. Подобный подход схематичен: предпосылки раскола, как мы видели, возникли задолго до этой даты, а после 1054 г. окончательное отчуждение Церквей все еще не стало объективной реальностью. Тем не менее, события этого времени требуют пристального внимания, поскольку именно они стали формальным поводом к возникновению схизмы.

В X веке в Западной Европе произошли существенные политические сдвиги. В 911 г. династия Карла Великого (Каролинги) прекратила существование, а ее «Священная Римская империя» стала стремительно распадаться. Сползание в хаос удалось предотвратить лишь с воцарением в Германии Конрада I (919 г.), а затем – его сына Оттона I (936-973 гг.) Саксонских. Для укрепления королевской власти Оттон стал назначать своих людей епископами и аббатами и вручать им светскую власть над епархиями и прилегающими к монастырям территориями. Используя поддержку духовных лиц и собственные ресурсы, король мог успешно противостоять поползновениям мятежной аристократии.

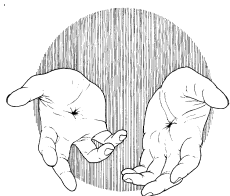
В 962 г. король Оттон I Саксонский во главе большой армии вступил в Рим, где папа Иоанн XII короновал его римским императором. Эта «Священная Римская империя германской нации» номинально просуществовала до 1806 г. Теоретически император считался главой западного христианского мира, что и подтверждалось папской коронацией. На практике, однако, его власть едва ли была сильной где-либо, кроме некоторых областей Германии и Италии, а с папами его связывали весьма сложные отношения.

Основатель новой империи Оттон был незаурядным государственным деятелем, а в Церкви он видел, по большей части, подспорье своей политики. Он сменил нескольких пап, пока не нашел устраивающего его кандидата. То же делали и его непосредственные преемники. Процесс этот достиг своей кульминации в 996 г., когда его внук Оттон III возвел на папский престол своего кузина Бруно, ставшего папой Григорием V (996-999 гг.) – первым германским папой. Да и в дальнейшем германцы весьма часто занимали папский престол.

Контрольное задание

Как Вы полагаете, какой путь исторического развития Церквей Востока и Запада мог бы предотвратить их резкий и полный разрыв?

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

С именем папы Григория V связано начало активного использования знаменитой в истории Церкви фальшивки: так называемого «Дара Константина» (лат. *Donum Constantini*). Этот документ был, вероятно, составлен во времена папы Стефана III (768-771). Он представляет собой подложную грамоту, написанную от лица императора Константина Великого и обращенную к римскому епископу Сильвестру I (314-335). Император сначала излагает исповедание веры, которому его будто бы научил Сильвестр, а затем рассказывает о своем чудесном избавлении от проказы, по молитвам епископа и предстательству Первоверховных Апостолов, а также о своем Крещении в Риме рукой папы Сильвестра. В благодарность за это император предоставляет кафедре преемников Петра «власть и почести императорские», а также первенство по отношению к четырем патриархам и всем вообще церквам. Сверх того, он требует признать храм св. Иоанна на Латеранском холме «главой всех церквей» в мире и перечисляет все императорские регалии, врученные Сильвестру. Перечисляются также привилегии, даруемые римскому духовенству. В заключение, «чтобы папская тиара не утратила достоинства», Константин дарит папе, кроме Латеранского дворца, «также все провинции, местности и города Рима и Италии, или западных областей». При таких обстоятельствах императору нечего было больше делать на Западе – и он заявляет, что уходит на Восток, ибо «не подобает земному царю властвовать там, где Небесным Царем учреждено было первенство священства и главенство религии христианской».

Итак, Григорий V первым попытался использовать этот документ для укрепления своего положения перед лицом императорской власти. Однако его позиции, как ставленника Оттона III, было еще весьма слабы, и попытка не удалась. Вновь к этому документу папы прибегнут лишь спустя полвека, в правление Льва IX (1049-1054), с чьим именем связаны события 1054 г. в Константинополе.

В то же самое время значительные сдвиги происходили и во внутрицерковной жизни. В X в. в Западной Церкви существовало два великих реформаторских течения. Одно, с центром в Лоррене, хотело преобразовать епископат и священство. Для этого предлагалось: упразднить симонию (покупку церковных должностей), тщательнее подбирать кандидатов на рукоположение, утвердить фактический, а не мнимый, celibат духовенства и ужесточить церковную дисциплину вообще. Лоррентинцы охотно прибегали к помощи светских властей и вскоре получили поддержку германских императоров, осознавших, что умные и высоконравственные иерархи будут способствовать укреплению государства. Германские императоры намеревались и дальше контролировать Рим, а потому не возражали и против расширения властных полномочий Римских епископов.

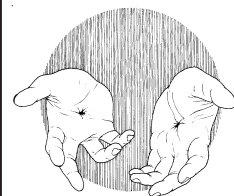
Другим центром реформ было аббатство Клонь, стремившееся к возрождению высоких идеалов монашеской жизни. Усилия клонийцев, однако, постоянно входили в противоречие с интересами местной власти, вследствие чего они передали свой орден в прямое подчинение Римскому епископу. Поэтому для клонийцев было важно всемерно подчеркивать значимость Папства. В конечном же счете, обе реформистские партии были заинтересованы в подтверждении исторических притязаний Римского престола во всей их полноте.

Клонийская реформа также ставила своей задачей унификацию литургической жизни во всем Западном мире. Богослужебный образец, которого придерживались клонийцы, был северным, франкским. Именно под него клонийцы «подстраивали» богослужение во всех регионах, на которые распространялось их влияние.

В 1009 г. папой стал Сергей IV, убежденный клониец. В окружном послании, в котором он извещал предстоятелей Поместных церквей и светских властителей о своем избрании на «кафедру святого Петра», он поместил Символ веры с добавкой *Filioque*. Когда это послание было получено в Константинополе, имя папы было немедленно изъято из диптихов. Тогда никто не думал, что этот эпизод станет началом раскола Церкви. Но с тех пор Римские папы в Константинопольских диптихах не поминались более никогда.

Здесь следует сказать несколько слов, раскрывающих подоплеку спора о *Filioque*. Отцы Константинопольского и Халкидонского Соборов провозгласили, что Св. Дух исходит от Отца; но мно-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

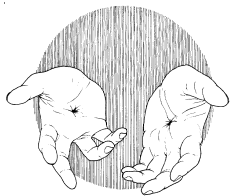

гие богословы на Западе были убеждены, что следует говорить об исхождении Св. Духа от Отца и Сына. Так думал и величайший авторитет Западной Церкви св. Августин. Само добавление *Filioque*, как представляется, впервые появилось в Испании во время диспутов испанских католиков с арианами-вестготами. Оно было включено в так называемый Афанасьевский Символ, используемый испанцами в VII в.; и хотя вскоре после того в Испании утвердился Никейский Символ веры, но *Filioque* осталось в употреблении. Из Испании оно проникло на двор Каролингов и обрело защитника в лице Карла Великого, пытавшегося навязать это добавление папам. В 808 г. Иерусалимский патриарх в послании папе Льву III жаловался, что франкские монахи-бенедиктинцы на горе Елеонской прибавляют к Символу *Filioque*. Поскольку этих монахов содержал Карл, папа Лев отослал жалобу к нему, причем заметил, что, хотя он сам считает данное добавление с богословской точки зрения бесспорным и несомненно более соответствующим западной традиции, все же неверно отступать от того текста Символа, который принят повсюду в христианском мире. Когда папа начертал Символ веры на серебряных пластинах в интерьере собора Св. Петра, он опустил слово *Filioque*. Тем не менее, в течение IX в. оно было постепенно принято в церквях Германии и Лотарингии, а также во многих церквях Франции, хотя Париж сохранял первоначальную форму Символа еще на протяжении двух столетий. Представитель германской партии Формозий, работавший в Болгарии, пытался внедрить *Filioque* и здесь, что было замечено и опротестовано Фотием. Примирившийся с Фотием папа Иоанн VIII вел ту же линию, что и Лев III. Он считал политически неверным изменять Символ, хотя и не видел богословских препятствий к употреблению самого слова *Filioque*. Возрождение германского влияния в Риме в конце X в. означало и возвращение *Filioque*; причем его добавление стало постепенно восприниматься как часть ортодоксальной традиции. Именно в такой форме пели Символ веры на церемонии коронации императора Генриха II в 1014 г.

Споры относительно *Filioque* породили, как и следовало ожидать, множество горячих дискуссий, причем большая часть приводимых аргументов выглядит с позиций сегодняшнего дня вполне беспомощно. Протагонисты развернувшейся борьбы редко отвечали на доводы противника прямо и честно. И это было неизбежно, поскольку основные различия между западным и восточным богословием лежали глубже, чем то могли себе представить сами же представители обеих традиций.

Аргументы Запада сводились к тому, что *Filioque* лишь уточняет учение, заложенное в Символе. Это был, без сомнения, корректный аргумент и согласный с традицией древней западной теологии, видевшей своего главного врага в арианстве готов и стремившейся отстаивать взгляд на Троицу как на единую сущность со взаимозаменяемыми ипостасями. Восточная же богословская традиция сложилась в ходе ожесточенных христологических споров V—VI вв. Оберегая православие от ереси несторианства, с одной стороны, и ереси евтихианства – с другой, она исповедовала Троицу, состоящую из трех Лиц с Их личным своеобразием. Из отношений Трех выводилось само единство Божественной сущности. В таком ключе толковался и Никейский Символ.

С точки зрения восточных богословов, включение *Filioque* нарушало тонкое равновесие свойств внутри Святой Троицы. Они могли говорить о нисхождении Св. Духа «через Сына» или «в отношении к Сыну», но не более того. Фотий, в частности, заявлял, что добавление латинян «отдает манихейством», поскольку во Всевышнем постулируются два Первоначала; или неоплатонизмом, поскольку вводится градация Божественных сущностей. Богословы Запада в ответ замечали, что принципиальное равенство Отца и Сына предполагает и их равное участие в изведении Духа; а нерасторжимое внутреннее единство Отца и Сына возможно потому, что Святой Дух есть Дух Отца и Сына. С другой стороны, они соглашались признать, что единственным Первоначалом является Отец, а Сын есть Причина исхождения Духа в производном смысле. Принимали они и формулу «Святой Дух исходит от Отца через Сына», употребляв-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

шуюся на Востоке. При этом на Западе считали, что выражение «через Сына», используемое восточными отцами, равнозначно принятому в латинской традиции выражению «и от Сына» (Filioque).

К несчастью, оппоненты не очень-то стремились по-настоящему услышать друг друга. Если бы дело обстояло иначе, богословские различия, вполне возможно, удалось бы преодолеть. Западная Церковь не имела причин навязывать Востоку спорного понятия; Восточная же Церковь вполне могла прибегнуть к издавна известному ей принципу *икономии*: следует терпимо относиться к тем христианам, которые, хотя и обнаруживают некоторые отклонения в учении, но не являются явными еретиками. В действительности же за богословским предметом спора стоял другой, для Востока куда более чувствительный. С точки зрения «восточных», Церковь управляется «соборным разумом». Запад же сам поставил себя вне этого «соборного единства», уклонившись от принятого на Востоке пути благочестия и заменив «соборный разум» авторитетом Папы, который, по большому счету, вовсе и не нуждается в Соборах или в совете с «вселенскими патриархами» для выработки своей вероучительной позиции.

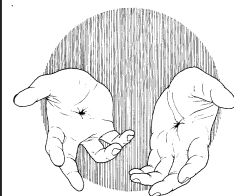
Итак, если считать временем окончательного разрыва между Востоком и Западом последнее упоминание папы Римского в диптихах Константинополя, то отсчет времени схизмы нужно бы вести с 1009 г. Не следует, впрочем, преувеличивать значения этого факта. Списки диптихов были по необходимости не полными. В течение многих поколений Константинополь не получал окружных писем из восточных патриархатов, не говоря уже о полноте общения с ними. И лишь в конце IX в. по мере улучшения международных коммуникаций у иерархов появилась возможность поддерживать постоянную связь друг с другом.

За исключением разногласий по поводу Символа веры – этого первого симптома грядущих бедствий – в начале XI в. не было ощущения, будто единство христианского мира нарушено, и ни у кого не было особого желания его нарушить. Напротив, христианские народы находились даже в более тесном контакте друг с другом, чем когда бы то ни было со времен первых варварских вторжений. Это новое сближение стало источником многих неприятностей, когда обнаружилось, что за истекшие века народы Востока и Запада значительно разошлись в своих обрядах и богословских теориях; но до поры до времени беспокойство по этому поводу испытывали лишь немногие иерархи. В XI в. как никогда расцвело паломническое движение: Византия в 961 г. вернула себе Крит, и восточное Средиземноморье стало безопасным для кораблей христиан. В 969 г. была возвращена Антиохия, и вскоре Византия уже контролировала северную Сирию. Южная Сирия и Палестина перешли под власть Фатимидов, халифов Египта, проявлявших, за исключением сумасшедшего халифа Хакима, терпимость и дружелюбие по отношению к христианским купцам и паломникам, приносившим им немалый доход. На восточных землях возникли многочисленные колонии итальянских купцов. Создание варяжской гвардии привело к постоянным и тесным контактам византийских императоров с Западом. С каждым годом все больше западных христиан отправлялось в Святую Землю на поклонение святыням; многие из них останавливались в Константинополе, восхищаясь его великолепными храмами, дворцами и памятниками. Возвращение Византией Балкан в начале XI в. открыло дешевые сухопутные коммуникации. Пилигрим, отправлявшийся из Центральной Европы в Палестину, пересекал теперь лишь две границы: Венгрии и Хорватии. Отныне Антиохия и Иерусалим поддерживали постоянные контакты с Западом, и даже Александрия, хотя она и была самым слабым и изолированным из православных патриархатов, смогла оживить давно утраченные связи. В самой же Италии посредниками между Константинополем и Римом стали греческие монахи Калабрии (южно-итальянской провинции, принадлежавшей Византии).

Восстановление коммуникаций совпало по времени с развитием реформаторского движения в Западной Европе. Упомянутые выше клюнийцы были особенно заинтересованы в интенсификации паломнического движения и активно участвовали в его организации; но они же были самыми горячими защитниками всемирных притязаний Папства. В 1024 г. патриарх Евстахий Константинополь-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

ский при поддержке императора Василия II написал папе Иоанну XIX, что пришло время раз и навсегда определиться со взаимоотношениями двух великих патриархатов, и предложил соответствующую формулу: «при одобрении Римского епископа Константинопольская церковь будет считаться и называться вселенской в своей области, а Римская – во всем мире». Первоначальная греческая фразеология не сохранилась, но представляется ясным, что патриарх стремился добиться от «западных» признания своего патриархата самостоятельным и независимым, и, вместе с тем, соглашался признать епископа Рима (а Рим оставить) в качестве подходящего арбитра, куда можно было бы апеллировать за разрешением споров и за информацией. Высказывалось, правда, соображение, что настоящим мотивом патриарха было желание утвердить свою юрисдикцию над провинциями южной Италии, где проживало много христиан восточной традиции. Поскольку в то время Византия выглядела весьма мощной державой, а Папство находилось в упадке, сам патриарх считал свое предложение, без сомнения, очень великодушным. Папа Иоанн XIX хотел было согласиться и принять эти условия, однако клюнийская партия, имевшая свои взгляды на «идеальное папство», запретила ему идти на компромисс: лишь один папа должен иметь власть «вязать и решать», причем на всей земле.

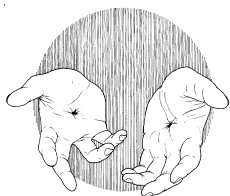
Данный эпизод хотя и мог встревожить Константинополь относительно природы папских притязаний, но в действительности ничего не менял. Папа и Константинопольский патриарх продолжали опускать имена друг друга в диптихах; однако патриарх Антиохийский, будучи подданным византийского императора, по-видимому, оставался в общении с папой, невзирая на разногласия относительно Filioque. Иерусалимский патриарх поступал так же. В Константинополе действовали латинские церкви для нужд варягов и паломников. Западные христиане могли так же свободно молиться у византийских святых, на Афонской горе имелся латинский Амалфитанский монастырь. До поры отношения двух высших иерархов были лишь холодны. Однако ситуация становилась всё более взрывоопасной.

Различия между византийцами и латинянами можно разделить на две категории: богослужебно-бытовую и вероучительную. Вот краткий перечень разногласий (в то время две стороны чаще всего обозначали друг друга как «франки» и «греки»; для удобства мы тоже будем использовать эту терминологию):

I. Различия богослужебные и бытовые:

- 1) Латиняне постились по субботам, греки – нет. Для франков византийский отказ от субботнего поста казался распущенностью; а византийцы, в свою очередь, обвиняли франков в иудейских тенденциях.
- 2) Латиняне совершали Евхаристию в Великий пост, что для греков было совершенно недопустимым.
- 3) На Западе было принято употреблять в пищу кровь. Византийцы расценивали это как нарушение постановлений Апостольского собора в Иерусалиме (Деян 15).
- 4) Византийцы, бывающие на Западе, часто могли видеть клириков с оружием в руках и даже клириков, принимающих участие в битвах. Представители Восточных церквей видели в этом нарушение целого ряда канонов множества соборов, в том числе и Вселенских, запрещающих клирикам не только проливать кровь, но и вообще служить в армии и брать в руки оружие.
- 5) Восточные клирики носили бороды, западные – брились. Вообще, на Востоке брадобритие ассоциировалось с желанием выглядеть женственно. Отсюда понятно, какие подозрения вызывали у восточных гладко выбритые западные епископы и священники.
- 6) На Западе и на Востоке были различные формы тонзуры: на Востоке лишь выбривали на затылке «гуменцо», а на Западе подбривали волосы и снизу, делая некое подобие тернового венца Христова.
- 7) На Востоке приходские священники были женатыми. На Западе это считалось грехом николаитизма.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

8) По законам Византийской империи допускался развод, но не позволялось более трех последовательных браков. На Западе развод исключался совершенно, зато количество последовательных браков в случае смерти одного из супругов не ограничивалось вовсе.

9) На Востоке по окончании Евхаристического канона в Чашу добавлялась теплота (зеон) – обычай, неизвестный на Западе.

10) В римской литургии отсутствовала эпиклеза – воззвание к Святому Духу после установительных слов Христа на освящение Даров. На Востоке эпиклеза считалась неотъемлемой частью Евхаристического канона.

11) На Западе после IX в. появился обычай использовать для Евхаристии опресноки. К XI в. эта практика стала общеупотребительной. На Востоке, где использовался только квасной хлеб, западный обычай казался еще одной иудаистической тенденцией и, наряду с отсутствием эпиклезы и *filioque*, – непозволительным принижением роли Святого Духа.

II. Различия вероучительные:

1) *Filioque*.

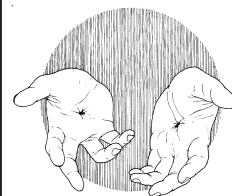
2) Роль папы в Церкви.

Конечно, большая часть различий из первого списка образованным византийцам казалась несущественной, а то и просто глупой, и отметалась ими. Но для народа, который больше обращал внимание на внешнюю обрядность, эти различия были весьма серьезны.

Византийская империя к тому времени номинально контролировала весь юг Италии по линии Террацина на Тирренском море – Термоли на Адриатическом. В этом районе были расположены два лангобардских княжества – Салерно и Капуя-Беневенто, правители которых обращали мало внимания на своего имперского сюзерена; здесь же находились три независимых торговых города: Гаэта, Неаполь и Амальфи, из которых только Амальфи был достойным и обязательным вассалом, получая от своего зависимого положения немалую денежную выгоду. Здесь находились также две провинции, прямо подчиненные Византии, – Калабрия с исключительно греческим населением и Апулия, или «Лангобардия», где города, подобные метрополии Бари, были по преимуществу греческими, в то время как сельская местность была в основном лангобардской и латинской. Константинопольский патриарх никогда не пытался утвердить свою власть над латинскими государствами-вассалами, хотя греческие церкви имелись и в Неаполе, и в Амальфи. Иначе обстояло дело в Апулии. Там существовали равно многочисленные греческая и латинская общины и, в то время как греки и в гражданском, и в церковном отношении подчинялись Константинополю, латиняне обращались за руководством к Риму, т.е. «за границу».

В 1020 г. апулианец по имени Мелес поднял восстание в южной Италии против Византии и в его ходе нанял себе в помощь двух норманнских рыцарей, паломников к знаменитой святыне – гробнице Св. Михаила на горе Гаргано. Восстание Мелеса было подавлено, несмотря на поддержку западного (германского) императора, но норманны осели в Италии и призвали себе на помощь друзей и родственников из северной Франции. Начиная с 1040 г., воинственная норманнская семья Отевилль последовательно покорила всю южную Италию, Калабрию и Лангобардию, так что не только Константинополь, но и Рим вынуждены были задуматься о нерадостных перспективах, связанных с возможным продолжением агрессии. Западным императором в то время был Генрих III, человек, сочетавший в себе громадную энергию и политическую изворотливость, с глубокой личной набожностью и искренним желанием завершить церковную реформу. Когда в 1046 г. он прибыл в Италию, то застал там ни много ни мало трех мятежных пап, домогавшихся римского престола. Он прогнал их всех и отдал папский престол достойному германцу, Клименту II. Впрочем, Климент и его преемник Да-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

маск прожили недолго; а в 1048 г. Генрих возложил папскую тиару на выдающегося лорренца, Бруно, епископа Туля, ставшего папой Львом IX. Позднее Генрих был слишком занят в Германии, чтобы возвращаться в Италию, так что папа Лев IX вел дела по собственному разумению.

Тем временем норманны постепенно расширяли свое влияние на юге. Их первые победы над Византией мало тревожили пап, поскольку норманны – пусть и пираты – были членами Латинской церкви. Когда норманнские набеги вышли за пределы лангобардских княжеств и стали приближаться к Риму, папа Лев, не рассчитывавший на помощь из Германии, почел за лучшее взять себе в союзники византийского императора. Примерно в то же время император назначил выдающегося лангобарда Аргира, сына мятежного Мелеса, командующим императорскими войсками в Италии. Как латинянин, он, конечно, сочувствовал идее союза с Римом, считая ее политически мудрым шагом.

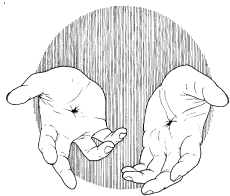
Оставалась, однако, одна трудность: норманны были все-таки латинянами и оккупированные ими районы отходили, таким образом, к Латинской церкви. У папы вовсе не было желания возвращать их под византийское правление. Папа также хотел добиться, чтобы все итальянские церкви перешли на латынь – церковный язык Рима. Заметим, что до тех пор великие Церкви христианского мира допускали известный плюрализм в языке богослужений. Византийцы, глубоко приверженные собственной литургии, тем не менее, признавали за другими церквами право следовать собственным традициям. Внутри же великого Западного патриархата практика служения тоже была разнообразной. Однако задуманная реформа Папства включала и требование литургического единообразия. Подобные унификационные тенденции зарождались и в Константинополе.

Византийский император Константин IX Мономах, доверяя Аргиру, склонялся к союзу с Римом. Однако Константинопольский патриарх (с 1043 г.) Михаил Керуларий думал иначе. В прошлом чиновник, он поздно принял монашество и, будучи умелым и деятельным администратором, был вместе с тем лишен свободы мысли, не отличался глубоким знанием богословия и церковной истории. В нем не было ни тонкости ума Фотия, ни его высокой культуры; зато, подобно Фотию, он проявлял большой интерес к оккультизму. Кроме того, он был крайне высокомерен и исключительно честолюбив. В то же время, он пользовался немалой популярностью в Константинополе и имел гораздо больше влияния, чем благодушный, но несколько эксцентричный император.

Михаил, чрезвычайно заинтересованный в росте влияния и престижа кафедры царствующего града, приступил к униформизации благочестивых обычаев в границах Константинопольского патриархата. Притом одной из его задач была борьба с армянским монофизитством в областях, недавно присоединенных к империи, где, так же, как и на Западе, употреблялись опресноки, и так же не подливалась в чашу горячая вода. Но, борясь с подобным «нечестием», он был обречен на конфликт с папством и в Южной Италии, и даже в самом Константинополе, где были латинские церкви для купцов, паломников и членов варяжской дружины, входившей в имперскую гвардию. Церкви, отказавшиеся подчиниться и унифицировать свою богослужебную практику согласно восточным правилам, были закрыты.

Итак, назрела острая нужда в переговорах, тем более что от вторгшихся в Италию норманнов страдали обе стороны: норманны, хотя номинально и христиане латинского обряда, не особенно различали «своих и чужих». Полномочия для проведения предварительных переговоров были предоставлены уже известному нам Аргиру. Император, похоже, был готов к далекоидущим компромиссам. Он предложил папе Льву направить делегацию в Константинополь, чтобы обсудить все спорные вопросы, полюбовно договориться и восстановить его имя в диптихах. А покуда делегация готовилась к поездке, папе было предложено объединенными силами раз и навсегда проучить норманнов.

Тем временем Керуларий, узнав о предполагаемых уступках, отказался идти на компромисс, и убедил в своей правоте слабого императора. Более мягкий и миролюбивый Петр III, патриарх Анти-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

охийский, призывавший обе стороны к миру, постепенно также склонился на сторону Константинополя. Вот образец письма, которое Михаил Керуларий написал Петру Антиохийскому:

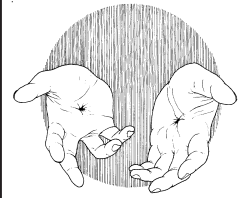
«Меня достигли слухи, что патриархи Александрии и Иерусалима следуют учению папы Римского. Не только они принимают людей, которые вкушают пресный хлеб, но и иногда и сами совершают Божественные Тайны с опресноками. Кроме того, они запрещают брак священников: женатые не могут получать достоинство священства, но те, кто стремятся к рукоположению, должны оставаться безбрачными. Два брата могут жениться на двух сестрах. Епископы носят перстни на пальцах, как будто бы они берут себе в жены церкви; они утверждают, что носят их как залог. Они принимают участие в сражениях и оскверняют свои руки в крови: они отнимают у других душу и теряют собственную. До нас дошли слухи, что во время святого Крещения они крестят одним погружением, призывая имя Отца и Сына и Святого Духа. Более того, они наполняют рты новокрещаемых солью. Они запрещают почитание мощей святых, а некоторые из них исключают почитание святых образов. Они не почитают среди святых наших великих святых отцов, учителей и святителей – я имею в виду Григория Богослова, великого Василия и божественного Златоуста – и не принимают их учения во всей его полноте...»

Затем Керуларий побудил Льва, архиепископа Охрида и главу Болгарской церкви, написать письмо Иоанну, епископу греческого города Трани в Апулии и синкелу, т.е. патриаршему наместнику в Италии. Это письмо Иоанн должен был передать дальше, «святейшему папе» и «всем епископам франков». Письмо было посвящено «мерзостям латинян»: употреблению опресноков за литургией, практике субботнего поста, употреблению удавленины и опущению за службой «Аллилуйя» после Недели о блудном сыне (Великим постом).

К тому времени Аргир, заключивший с папой союз, потерпел поражение от норманнов в феврале 1053 г., а в июне папское войско со Львом во главе было окружено в Цивитате, папа был захвачен как знатный пленник и отвезен в замок Беневенто. Норманны, впрочем, не намеревались лишать Церковь руководства, поэтому они позволили папскому секретарю кардиналу Гумберту Мурмутьерскому присоединиться к своему владыке. Гумберт, однако, не поехал из Рима прямо в Беневенто, но сначала отправился в Апулию, возможно, для встречи с Аргиром. Когда он проезжал через Трани, епископ Иоанн передал ему письмо Льва Охридского. Зная немного греческий, Гумберт сделал поспешный перевод, возможно не вполне точный, но преувеличивший и без того оскорбительный тон письма. По своем прибытии в Беневенто он представил само письмо и перевод папе. Папа Лев IX в это время вынужденного досуга изучал греческий, хотя сомнительно, что его знаний было достаточно, чтобы проверить перевод Гумберта. Во всяком случае, папа пришел в ярость. Рассчитывая на дружеское содействие со стороны Византии, он несколько не ожидал столь грубых нападков на обычаи его Церкви. Гумберту было приказано набросать два ответа от имени папы. Один был адресован без всяких церемоний «епископам» Михаилу Константинопольскому и Льву Охридскому и содержал обоснование превосходства Рима, исходя из «Дара Константина». Второй – без адресата – представлял собой апологию канонов Латинской церкви. Папе, впрочем, язык Гумберта показался, по-видимому, слишком резким, поскольку письма не были сразу отправлены.

Тем временем из Константинополя прибыл курьер с двумя посланиями совершенно иного рода. Одно, подписанное императором, содержало сердечное предложение теснейшего политического союза. Другое, подписанное Керуларием, молило о братском единстве между Церквями. Сомнительные моменты церковной практики даже не упоминались. Взамен патриарх обещал внести имя папы

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

в диптихи по всем церквам империи, если и его имя будет вписано в Риме. Однако, к несчастью, Керуларий обращался к папе как к «брату», а не как к «отцу» (именно так восточные патриархи в древности подчеркивали старшинство папы); сам же он подписался «всееленский патриарх Михаил», а помощники Льва перевели это как «Патриарх всей вселенной».

Замечательная перемена тона патриаршего письма приписывается обычно влиянию императора, чему трудно поверить, поскольку позднее Керуларий никогда не выказывал ни малейшего снисхождения к пожеланиям своего монарха. Почти наверняка в роли примирителя выступил Иоанн, епископ Трани, которого Аргир как раз послал в Константинополь с рапортом о положении дел в Италии. Поскольку патриарх не сомневался в преданности Иоанна из Трани, последнему удалось уверить патриарха в том, что папа – выдающийся деятель и разумный человек, чью дружбу необходимо снискать для спасения Церкви в Италии. И папа Лев поступил бы мудро, если бы проигнорировал выпрепанный слог патриарха и ответил бы прямо на это примирительное послание. Однако он был болен, и всеми делами заправлял кардинал Гумберт.

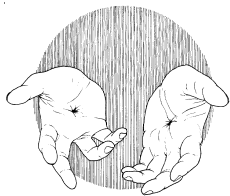
Безусловно, Керуларий несет прямую ответственность за происшедший вскоре разрыв, но не меньшая вина лежит и на Гумберте. Не лишенный некоторой учености, а также пусть и небольшого, но искреннего благочестия, он был, однако, вспыльчив и язвитель и очень не любил греков. Гумберт решил послать легатов в Константинополь и набросал для них еще два письма от имени папы. Первое письмо адресовалось Керуларию. В нем повторялись обычные доводы в пользу превосходства Святого Римского престола:

«Никто не может отрицать того, что, как крюком управляется вся дверь, так Петром и его преемниками определяется порядок и устройство всей Церкви. И как крюк водит и отводит дверь, сам оставаясь неподвижным, так и Петр и его преемники имеют право свободно произносить суд о всякой церкви, и никто отнюдь не должен возмущать или колебать их состояния, ибо верховная кафедра не судится ни от кого».

В письме патриарху ставилось в упрек употребление им титула «всееленский», подвергалась сомнению каноничность его избрания, патриарх обвинялся в покушении на прерогативы Александрийской и Антиохийской церквей – причем только во втором случае с некоторым основанием; не была забыта и «дерзкая» критика патриархом практики латинских церквей, в особенности – использования опресноков. В конце письма высказывалась надежда, что два легата засвидетельствуют раскаяние Керулария. Второе письмо было адресовано императору и содержало жалобы на поведение патриарха, а также предупреждение, что если последнего не приструнят, последуют ответные меры.

Легатами папа послал самого Гумберта, Фредерика Лотарингского, канцлера Римского престола, и Петра, епископа Амальфийского, занимавшего епископскую кафедру в вассальном государстве империи с многочисленным населением. Они отправились в путь в конце 1053 г. и сделали остановку в Апулии для собеседования с Аргиром, причем Аргир посоветовал игнорировать патриарха и вести переговоры только с императором. Легаты прибыли в Константинополь в январе 1054 г., имея с собой два папских послания, а также досье, содержащее два предыдущих неотправленных письма папы и отчет патриарха Иерусалимского, из которого следовало, что богослужебная практика там отличается от принятой в Константинополе.

Легаты были приняты императором, а затем патриархом. Гумберт вручил ему папское послание, после чего немедленно удалился. Керуларий воспринял это как личное оскорбление. Но, кроме того, он вполне обоснованно опасался, что папа, будучи пленником у норманнов, не сможет выполнить свои предыдущие обещания и, следовательно, его легаты утратили часть своих полномочий. Все эти обстоятельства не способствовали успешному ведению переговоров, и они откровенно затягивались.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Император, со своей стороны, пытался способствовать ускорению процесса: под его давлением ученик и биограф преп. Симеона Нового Богослова Никита Стифат должен был публично осудить и сжечь свой трактат против латинских новшеств (прежде всего – против опресноков).

В апреле, еще до того как переговорный процесс хоть сколько-нибудь продвинулся, Лев IX умер. Следовательно, его легаты вообще утратили всякую легитимность. Следующий папа был избран лишь через год. Естественно, никто не мог знать заранее, кем будет новый папа и какую политику он поведет. В такой ситуации патриарх Михаил Керуларий отказался продолжать переговоры, которые с его точки зрения потеряли всякий смысл и превратились лишь в пустую трату времени. Император Константин Мономах попытался было что-то наладить, но его усилия были заведомо безуспешны.

Эмоции все более накалялись. Гумберт чувствовал себя смертельно обиженным и, в конце концов, решил действовать так, как он считал нужным. Рано утром 16 июля 1054 г. легаты вошли в Святую Софию. Шла проскомидия. Расталкивая растерявшихся диаконов, легаты вошли в алтарь и положили на престол грамоту об отлучении от Церкви патриарха Михаила Керулария и его последователей:

«Гумберт, милостью Божией кардинал епископ Святой Римской Церкви, Петр, архиепископ Амальфийский, Фридрих, диакон и канцлер – всем сынам Католической Церкви...

Что касается столпов империи и почтенных мудрых граждан, то Город (т.е. Константинополь) – христианнейший и православный. Что же касается Михаила, незаконно называемого патриархом, и поборников его глупости, то рассеиваются в нем бесчисленные плевелы ереси... Вес лжеучений, ежедневно распространяемых Михаилом Керуларием, недостойно называемого патриархом, и его последователей, превышает всякое разумение! Симониане торгуют дарами Божиими, валериане кастрируют своих детей, после чего не только рукополагают их в священный сан, а даже делают их епископами. Манихеи проповедуют среди них другие бессмысленные учения, что все заквашенное имеет душу; назаряне придерживаются иудейских законов очищения до такой степени, что отказывают в Крещении детям, умирающим до восьмого дня от роду, что отказывают в Таинствах женщинам во время месячных кровотечений и тем, кто только что разрешились от бремени, и даже отказывают их крестить, если они придерживались языческих суеверий. Ариане и духоборцы изгладили из Символа выражение «и от Сына».

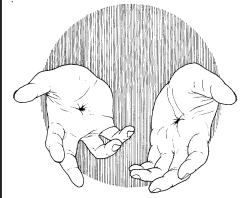
Они отказывают в Причастии тем, кто бреется, подрезает свои волосы или носит тонзуру по римскому образцу.

По вопросам этих и многих других ошибок, патриарх лично не обращал внимания на письма с предупреждениями от нашего господина папы Льва IX. Более того, он отказался допустить в свое присутствие папских легатов и позволить им попытаться исправить его ошибки разумными доводами. Он также запретил им совершать Мессу в церквях, также как ранее он закрыл латинские церкви, придравшись к тому, что они используют пресный хлеб в Евхаристии, и всячески преследуя их. Он даже дошел до невероятного: он анафематствовал Апостольский Престол и провозгласил себя главным епископом над всеми церквями Востока и Запада.

Посему мы, не вынеся неслыханного пренебрежения и обиды для Святого Первого Апостольского Престола и всемерно стараясь поддержать католическую веру, властью Святой и нераздельной Троицы и Апостольского Престола, легацию которого мы исполняем, и всех истинно верующих отцов, подписываем анафему... Михаилу и его последователям,

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

если не покаются. Посему Михаил, по злоупотреблению называемый патриархом, неофит, только из страха человеческого принявший монашескую одежду и теперь обличенный в тяжких преступлениях, затем Лев, епископ Охридский, Михайлов сакелларий Константин, топтавший ногами латинское жертвоприношение, и все, разделяющие их заблуждения и гордость, доколе не образумятся, вместе со всеми еретиками, дьяволом и его ангелами, да будут анафема, да будут анафема, – маранафа. Аминь».

После этого легаты произнесли: «Кто упорно станет противиться вере Святого Римского и Апостольского Престола и его жертвоприношению, да будет анафема, да будет анафема, – маранафа, и да не считается христианином кафолическим, но еретиком прозимитом. Да будет, да будет, да будет!»

Затем легаты, развернувшись, вышли из алтаря и отряхнули на пороге храма прах со своих ступней. Керуларий же поспешил к императору с греческим переводом буллы. Константин к тому времени дружески простился с легатами, надеясь, что его план политического альянса удался, и они мирно отправились восвояси. Когда же он прочел буллу, то был глубоко потрясен, но, подозревая Керулария, не приказал сразу же вернуть легатов для объяснений. Вместо этого император послал за оригинальным латинским текстом. Императорский посланник нагнал легатов в Селумбрии и вернулся с копией буллы. Убедившись, что версия патриарха верна, император послал новых гонцов с приказом вернуть легатов для дачи объяснений перед синодом в Константинополе, однако легаты вернуться отказались и продолжили свой путь.

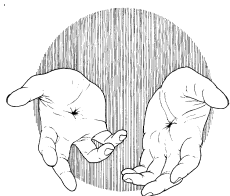
Гумберт и его соратники надеялись, что после их демарша император подчинит непокорного патриарха своей воле. Однако они переоценили силу Константина Мономаха и недооценили влияния патриарха: в столице начались народные волнения, и императору пришлось думать уже о собственном спасении. Он был вынужден отказаться и от того слабого сопротивления, которое он прежде оказывал патриарху. Было официально заявлено, что греческие переводчики извратили смысл латинской грамоты, и она была торжественно сожжена. 20 июля Михаил Керуларий созвал собственный собор в составе двух архиепископов, 12 митрополитов и 7 епископов. На нем за недостойное поведение в храме были отлучены от Церкви все три члена папской делегации. Кроме того, собор выразил сожаление по поводу включения некоторыми церквями *filioque* в Символ веры и преследований, которым подвергается женатое духовенство. Однако Римская церковь в решении собора специально не упоминалась, так же как не упоминались многочисленные спорные моменты, разделявшие Восток и Запад. Окружное послание патриарха сообщило о решениях собора предстоятелям всех Поместных церквей.

Вот так произошло событие, которое впоследствии будет считаться «расколом» единой Церкви. Но для современников оно осталось почти незамеченным. Грамота легатов, в которой отлучался от Церкви только один патриарх, никакой юридической силы не имела. Патриарх, который действовал чрезмерно жестко, отлучил от Церкви лишь легатов и только за дисциплинарные нарушения, а не за вероучительные отступления. На Западную Церковь или на Римского епископа эти анафемы никак не распространялись.

Контрольное задание

Как мы могли убедиться, события 1054 г. не означали действительного раскола Восточной и Западной Церквей. В чем же тогда состоит их подлинное историческое значение?

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

События 1054 г. не слишком повлияли на реальные взаимоотношения двух Церквей. Имя папы Римского не поминалось в Константинополе, но поминалось в диптихах других Восточных церквей. В народном сознании того времени не произошло какого-то перелома. Запрета на взаимное Причащение греков и латинян не было, да и не могло быть, так же как и сослужения священников и архиереев двух половин христианского мира продолжались и после 1054 г. Поэтому все спекуляции на тему, что было бы, если бы Керуларий был поговорчивей, а Гумберт – потактичнее, совершенно бесплодны.

3. Углубление противоречий между Западом и Востоком: Крестовые походы

Насколько невелико было в свое время значение описанных выше событий 1054 г., следует из того факта, что переговоры между Восточной империей и Папским престолом продолжались. Взаимопонимание с Римом было единственной возможностью для императора восстановить свое влияние в Италии. Но остановить каким-либо образом продвижение норманнов так и не удалось. В 1071 г. норманнский предводитель Робер Гвискар окончательно покорил южную половину Апеннинского полуострова, захватив византийский центр Бари. Затем он начал угрожать Балканскому полуострову.

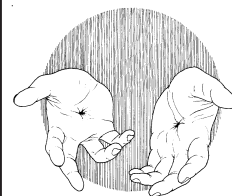
Империя была не в состоянии сопротивляться вторжению с Запада, поскольку на Востоке возникла новая мощная угроза – турки-сельджуки, вышедшие из Центральной Азии. Они разгромили Багдадский халифат (арабская династия Аббасидов) и вплотную подошли к границам Восточной империи. Еще в 1064 г. армянский царь Карса, последний независимый армянский правитель, не в силах более сдерживать турок собственными силами, передал свои владения империи, а взамен получил земли в имперских пределах – в Таврских горах в Малой Азии. Многие армяне переехали туда вместе с ним. Так было положено начало существованию так называемой Малой (или Киликийской) Армении.

Новые имперские границы значительно продвинулись на Восток. Надежные линии обороны были оставлены далеко позади. Теперь граница проходила в малонаселенных районах, где еще не сложился класс актридов – приграничных феодалов, живших в укрепленных замках в «ничейной» земле, проводивших рейды на неприятельскую территорию и охранявших имперские земли от вторжений. Новая граница по существу оставалась неприкрытой.

Турки начали совершать ежегодные набеги на имперскую территорию. Малая Азия – житница империи – несла тяжелые убытки. Император Роман Диоген был убежден, что спокойствие государства требовало нового «армянского» похода. Но имперская армия была уже далеко не та, что 50 лет назад. Тем не менее, Роману Диогену удалось собрать почти 100-тысячное войско. Правда, византийцы составляли лишь половину его численного состава, и далеко не все из них были профессиональными солдатами. Другая половина состояла из наемников: варягов, франков, славян, печенегов, половцев. Армию раздирали соперничество и взаимная подозрительность. Заместителем Романа считался Андроник Дука, племянник предыдущего императора, свергнутого Романом и, как и вся его семья, заклятый враг последнего. Брать его с собой в поход было ошибкой, но и оставлять его в столице было бы для Романа слишком рискованно.

Роман Диоген допустил ряд грубых тактических промахов – непростительных нарушений самых основных правил византийской военной науки. У него слабо работала разведка, и тем не менее он, не зная местоположения противника, решил разделить свои силы. Половцам и франкам было поручено занять небольшую крепость на берегу озера Ван. Роман с другой частью войск расположился близ селения Манцикерт. Тут и произошла решающая битва.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

Удивительно, но в этом роковом сражении повторились события другой военной катастрофы, происшедшей почти день в день более 400 лет назад, 20 августа 636 г. – сражения при реке Ярмук. В пятницу, 19 августа 1071 г. турецкий султан Алп-Арслан напал на армию Романа, ожидавшую возвращения франко-половецкого корпуса. Однако наемники так и не пришли на помощь: половцы, уже давно не получавшие жалования, вспомнили, что они тоже тюрки, и накануне ночью перешли на сторону турок (точно так же, как арабы-гассаниды в 636 г. перешли на сторону арабов-мусульман), а франки решили не рисковать и не ввязываться в бой.

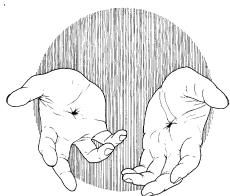
И опять, как и несколько столетий назад в битве при реке Ярмук, византийцы заняли невыгодную позицию: ветер, поднимавший клубы пыли, дул им в лицо и слепил глаза. Роман вел себя мужественно, но не мог переломить ход сражения. Андроник, командовавший резервами, увидев, что чаша весов колеблется, предал своего монарха. Он поспешно развернул свои войска и, вместо того, чтобы прийти на помощь Роману, быстрым маршем повел их на Константинополь, бросив императора на произвол судьбы. Роман с остатками войск продолжал еще какое-то время сдерживать турок. Под ним пал конь, и он продолжал героически сражаться в пешем строю. Лишь к вечеру византийская армия была разгромлена, а Роман ранен и захвачен в плен. Никто и не подозревал, какую роковую роль в истории Византии сыграет это поражение.

Тюркские народы к тому времени уже имели богатое прошлое. Они создали несколько процветающих государств, имевших сношения с империей. Уйгуры были христианами несторианского толка, хазары приняли иудаизм. Мусульмане-сельджуки были самым диким из всех тюркских народов. Степные кочевники, профессиональные воины, жившие набегами, погромами и грабежами, они держали в страхе весь Восток, на котором они исполняли роль, в чем-то схожую с ролью норманнов на Западе. Именно турки-сельджуки, не так давно вышедшие из центрально-азиатских степей, завладевшие Багдадом и разгромившие Аббасидский халифат, теперь проложили себе путь на исконно-христианские земли Малой Азии.

Впрочем, султан-победитель Алп-Арслан тогда не задумывался о великом значении своей победы. Он лишь обеспечил безопасность своих флангов и мог, более не страшась византийской угрозы, заняться устройством своих дел на Востоке. Алп-Арслан потребовал от взятого в плен императора очистить Армению от имперских войск и заплатить большой выкуп за собственное освобождение, после чего отправился добивать арабо-мусульманских властителей. Его преемник, Малик Шах, чья империя простиралась от границ Китая до Средиземноморья, также не интересовался Малой Азией.

Однако переселение народов началось. Граница была открыта, и остановить кочевников было некому. Волна турок хлынула в Малую Азию. Если бы империя собрала все силы, то последствия поражения при Манцикерте можно было бы нейтрализовать, а вторжение турок в Малую Азию – предотвратить. Но разгоревшаяся в столице междоусобица отнимала все силы у претендентов на престол, и до защиты территории государства ни у кого не доходили руки. Слабая пограничная защита была сметена, а сами византийцы следующие 10 лет своей истории были заняты исключительно дворцовыми интригами, переворотами и гражданскими войнами, в которых все враждующие стороны активно использовали турецкую помощь. Тем временем заселение турками Малой Азии стало практически необратимым.

Сельджуки были примитивным кочевым народом, не занимавшимся сельским хозяйством. Где бы они ни поселялись со своими отарами овец и табунами лошадей, цивилизация разрушалась, дороги и акведуки приходили в негодность, колодцы пересыхали. Вся налаживавшаяся веками ирригационная система Малой Азии была уничтожена буквально в считанные годы. Цветущие сельскохозяйственные угодья превратились в пустыни, народ бежал в прибрежные районы,

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

находившиеся под охраной византийского флота. Опустошение местностей сделало их совершенно непригодными для жительства уже спустя несколько лет.

Между тем, утерянная Византией Малая Азия была ее продовольственной житницей, как и источником людских ресурсов, откуда вербовалось наибольшее количество рекрутов для воинской службы. Нужно было срочно организовывать поставки продовольствия из других регионов. А в военных делах приходилось все надежды возлагать на наемников, что ложилось дополнительным бременем на государственную казну, и так уже изрядно опустошенную.

Турецкое вторжение в Малую Азию началось в 1073 г., а к 1080 г. практически вся ее территория, за исключением узкой прибрежной полосы, была уже в руках сельджуков. Никея – один из наиболее почитаемых христианских центров, расположенный всего в 150 км от Константинополя – стала столицей образовавшегося на имперской территории турецкого государства – Румского султаната.

После поражения при Манцикерте Андроник Дука, вовремя прибывший со своим корпусом в Константинополь, стал главным советником молодого императора Михаила VII Дуки. Роман Диоген был заочно низложен, а когда он вернулся из плена, то был схвачен и ослеплен раскаленным железом с такой жестокостью, что вскоре скончался. Но и члены семейства Дуки недолго удерживали власть.

В 1081 г. императорский престол занял представитель влиятельной аристократической семьи – полководец Алексей Комнин. Ему было суждено править 37 лет, вплоть до своей смерти в 1118 г., и стать основателем новой династии. Это был один из величайших политических деятелей своего времени. Однако в 1081 г. всем казалось очевидным, что ни он, ни его империя долго не протянут. Положение было таково, что бразды правления мог согласиться принять либо человек отчаянной храбрости, либо отчаянной глупости.

Алексею тогда не было еще и 30 лет, но у него уже был немалый опыт командования армией. Его силы никогда не были значительными, а потому в боях приходилось полагаться не на численный перевес, а на разум, изобретательность, тонкую дипломатию... Невысокого роста, он был прекрасно сложен, и весь его облик дышал глубоким врожденным благородством. Он очень хорошо владел собой и был необычайно учтив. Мягкий по природе, он мог быть очень жестким, если этого требовали интересы государства. В дипломатии он применял методы, которые мы сегодня назвали бы «грязными», – но такова была дипломатическая практика того времени. С другой стороны, следует отметить, что Алексей никогда не изменял данному им слову.

Он был человеком высокой культуры, философом и богословом, что было редкостью в ту эпоху. Алексей по природе своей не выносил жестокости – и, возможно, он был единственным среди современных ему правителей, который пытался обратить еретиков (в том числе и опасных богомилов) убеждением, а не пытками и казнями.

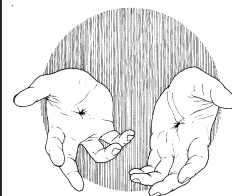
Когда Алексей пришел к власти, у него не было ни армии, ни дохода; казна была пуста. Мятежная аристократия была настроена против него; в его собственной семье постоянно зрели заговоры.

Империя была окружена врагами и лишилась своих лучших провинций в Малой Азии, где прочно утвердились сельджуки. На Балканах, в Сербии и Далмации, восстали славяне. Печенеги постоянно совершали набеги через Дунай. Норманнский правитель Южной Италии Робер Гвискар начал вторжение с Запада, надеясь оторвать у византийцев изрядный территориальный кусок. В общем, гибель империи казалась лишь вопросом времени, причем самого скорого.

И в этой ситуации Алексей совершил невозможное: он обновил армию, реорганизовал государственную администрацию, отвоевал у турок значительные малоазиатские территории. В течение 100 лет правления основанной им династии Византия продолжала оставаться ведущим государством мира, а Константинополь – его общепризнанной столицей.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

Спаситель своего отечества был недюжинным стратегом и гениальным дипломатом. Он замечательно умел играть на противоречиях своих врагов, натравливая их друг на друга. Его военные способности позволяли ему переживать поражения и дожидаться лучших времен, а когда, наконец, создавались оптимальные условия, громить своих противников по всем правилам военного искусства.

Алексей допустил лишь два серьезных просчета. Первый из них состоял в том, что в обмен на немедленную помощь он предоставил коммерческие преимущества иностранным купцам в ущерб собственным гражданам. Именно эти договоры положили начало расцвету таких торговых городов, как Пиза, Генуя, Амальфи, и небольшого, недавно основанного городка, расположенного на островах лагуны в северо-западном углу Адриатики, – Венеции. Через сто двадцать лет венецианцы, организовав Четвертый крестовый поход, от души «отблагодарят» за это переживавший трудности Константинополь.

Второй тяжелой ошибкой Алексея Комнина была девальвация в критический момент имперской золотой монеты (она называлась «номисма» или «безант»): к ней были подмешаны дешевые сплавы. Это серьезно подорвало доверие к имперским деньгам вообще, и, следовательно, нанесло ущерб кредитоспособности империи – ведь до того, начиная с эпохи Константина Великого, безант был единственной стабильной валютой в нестабильном мире: его цена оставалась неизменной на протяжении более чем семи веков, что обеспечивало ведущие экономические позиции Восточно-Римской империи на всем континенте. Однако выбора у императора не было – альтернативой была просто гибель страны.

Прежде всего, Алексею нужно было справиться с норманнским правителем Робером Гвискаром, вторгшимся в имперские земли со своим сыном Боэмундом. Алексей заключил перемирие с турками, привлек в союзники Венецию и западного императора Генриха IV. Для отражения норманнского нашествия ему пришлось даже конфисковать церковные сокровища. Тем не менее, византийская армия продолжала терпеть поражения. Норманны взяли Диррахий и вплотную подошли к Салоникам. Отбить их удалось лишь в 1085 г., после смерти Гвискара.

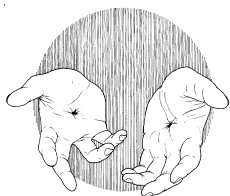
Затем император занялся печенегами. Он подговорил половцев напасть на них с тыла. Но в это время восстали богомилы (манихейская секта, имевшая большую популярность на Балканах) во Фракии, что осложнило обстановку. Пришлось срочно перебрасывать армию на борьбу с ними. Наконец, в 1091 г. Алексей наголову разбил печенегов: с тех пор они никогда уже не тревожили империю. Правда, начались набеги половцев, которых имперские войска разбили в 1096, и вновь в 1114 г.

В 1084 г. скончался султан Сулейман, и начались гражданские войны между турецкими эмирами. В 1091 г. Алексей отвоевал Никомидию. Ситуация для возвращения Малой Азии была чрезвычайно благоприятной. Однако императору катастрофически не хватало солдат...

В то время, во многом благодаря дипломатическим способностям Алексея, отношения между империей и Святым Римским престолом развивались в чрезвычайно благоприятном направлении.

В 1088 г. папой становится Одо из Лажери под именем Урбана II. Урбан был мудрым пастырем и политиком, полагавшим, что его предшественники допустили немало ошибок в отношениях с Византией. Положение же Алексея тогда стало весьма прочным: норманны отступили, кочевники были отброшены за Дунай, а дальнейшую экспансию турок удавалось сдерживать. В итоге, папа Урбан решил сделать шаг к примирению. В 1089 г. он посылает в Константинополь делегацию во главе с кардиналом Ранжером (или Рожером), – позднее архиепископом Реггио – и Николаем, аббатом греко-итальянского монастыря в Гроттаферрата. Послы имели при себе письмо с отменой отлучения 1054 г. и просьбой вновь открыть латинские церкви во владениях императора. Папа испрашивал для них разрешения совершать богослужение по собственному чину. Алексей ответил на это дружеское послание без всякого промедления. Он созвал в Константинополе синод, который постановил, что име-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

на пап исключили из восточных диптихов по недоразумению, и что каноничным следует признавать лишь исключение имени по постановлению синода. Затем патриарх Николай III написал папе о том, что латинские церкви вновь открыты, и в них могут совершаться богослужения по западному обряду. Он обещал папе вновь вписать его имя в свой диптих, но предложил отсрочить окончательное решение на 18 месяцев, в течение которых или сам папа прибудет в Константинополь для обсуждения расхождений между двумя Церквями, или, если это невозможно, будет прислана грамота по всему кругу спорных проблем. Патриарх также тонко намекнул, что папа не послал ему окружного послания по случаю своего восшествия на престол, однако его личный приезд или высылка полного исповедания веры могли бы восполнить это упущение. Затем патриарх обращался к папе с просьбой распространить свое благоволение на некоторых греческих епископов в южной Италии, что означало фактическую передачу этих провинций в юрисдикцию Рима.

Ответ удовлетворил Урбана, и он деликатно не заметил, что патриарх именует его «брат», а не «отец». Правда, он, вероятно, никогда всерьез не собирался ехать в Константинополь. Не послал он и полного исповедания веры, возможно, потому, что не хотел поднимать вопрос о *Filioque*: это добавление не было бы принято на Востоке, но его уже нельзя было отменить на Западе. Фактически обе стороны действовали в духе *икономии* – братской терпимости, хотя имена первоиерархов так и не появились в диптихах их Церквей. Однако существующий уровень отношений нельзя было называть *схизмой*, скорее, это было осторожное общение, и такое положение дел имело место на протяжении десяти лет.

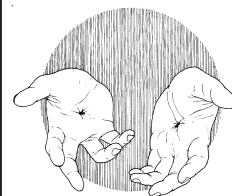
Итак, в конце XI века между Западом и Востоком шли переговоры о восстановлении единства. Пользуясь этим, Алексей в 1094 г. направил послов к папе Урбану II с просьбой послать ему военные подкрепления. Император надеялся получить новые отряды наемников. Однако дальнейшее развитие событий привело совсем не к тем результатам, которых намеревались достичь...

Многие века перед Церковью стоял фундаментальнейший вопрос: насколько возможно для христиан воевать? Св. Василий Великий в своем 13-м каноне, хотя и оговаривает, что убийство на поле брани не может приравниваться к умышленному убийству, все же рекомендует воинам, вернувшимся домой, воздерживаться от Причастия в течение трех лет, как виновным в невольном пролитии крови.

Канон этот, хотя и входил во все православные сборники церковного права, вряд ли когда-либо соблюдался. Византийцы не относились к своим воинам как к убийцам. Однако в Византии военная профессия не была окружена романтикой и славой, а смерть на поле боя против неверных не считалась мученичеством: мученик умирал вооруженный лишь своей верой. Война против неверных рассматривалась как печальная необходимость, сражаться же против христиан было вдвойне греховно. Во всей тысячелетней византийской истории не было ни одной агрессивной, экспансионистской войны: войны были либо оборонительные, либо направленные на возвращение ранее утраченных территорий.

При прочих равных условиях византийцы всегда предпочитали мирные методы. Для западного же человека, привыкшего восторгаться военной доблестью, действия многих византийских государственных деятелей ассоциировались с трусостью или коварством. На самом же деле поступками восточных римлян руководило искреннее желание избежать пролития человеческой крови. Византийцы считали войну крайней мерой. Применение военной силы было для них позором, на который можно пойти, лишь когда все остальные средства исчерпаны. Любая война была для них, по сути, признанием собственного бессилия. Поэтому византийцы часто предпочитали выплачивать субсидии соседним племенам. Пусть их князьки, если им этого так хочется, называют это данью: для византийских императоров это было разумное капиталовложение – самый дешевый и эффективный путь без кровопролития обеспечить спокойствие своих границ. В любом случае война все равно обошлась бы дороже.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

Западная точка зрения была иной. Общество, сформировавшееся на Западе в результате варварских вторжений, оправдывало войну. Постепенно формировался рыцарский кодекс поведения. Военный героизм был весьма романтичен; пацифистские убеждения не пользовались особым почетом. Западная Церковь, даже если бы и хотела, не могла противостоять столь мощному общественному мнению: она лишь стремилась направлять ратную энергию молодых народов в более приемлемое и выгодное ей русло.

Старания Церкви остановить междоусобные войны между христианами обычно не увенчивались успехом: хотя на словах все поддерживали эти начинания, на деле войны не прекращались. И тогда в кругах церковной элиты созрела идея направить воинский пыл в русло борьбы с неверными.

«Священная война» (т.е. война в интересах Церкви) была провозглашена позволительной, в высшей степени полезной и нужной. Еще в середине IX в. папа Лев IV заявил, что все, погибшие в битвах ради защиты Церкви, получают награду на небесах, а еще через несколько лет папа Иоанн VIII возвестил, что павшие в Священной войне являются мучениками, которым прощены все грехи. Заметим, кроме того, что для стран Запада мусульманская угроза выглядела куда более страшной, чем для византийцев до турецких вторжений; да и турки воспринимались византийцами скорее как варвары, чем как неверные.

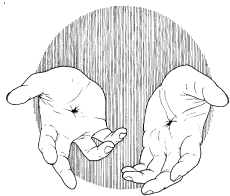
После того, как в начале VIII в. арабские вторжения были отражены у стен Константинополя, война Византии с исламом носила позиционный характер: она не прерывала надолго торгового и культурного сообщения. Арабы, эти вчерашние кочевники, сами усвоили многие достижения греко-римской цивилизации. В X-XII вв. они вели приблизительно тот же образ жизни, что и жители империи. Византиец чувствовал себя куда более «в своей тарелке» в Каире или в Багдаде, нежели в Париже или даже в Риме. Кроме редких случаев кризисов и вынужденных ответных мер, между Империей и Халифатом соблюдалось негласное джентльменское соглашение об отказе от насильственных обращений в свою веру и о свободном отправлении культов на своих территориях.

Западный христианин не был столь терпимым. Он гордился своим христианством и считал себя наследником Рима. Ему казалось оскорбительным, что исламская цивилизация во многих отношениях выше, чем его собственная. Мусульмане контролировали западное Средиземноморье от Сицилии и Испании до Туниса. Мусульманские пираты грабили христианские корабли, а однажды даже устроили успешный набег на Рим, основательно разграбив Вечный город. Они захватили плацдармы в Италии и Провансе и построили там замки, откуда совершали набеги на окрестные земли. В любой момент они могли вновь перейти Пиренеи и обрушиться на Европу.

В X в. мусульмане одержали ряд побед в Испании, и само существование христианских государств на Пиренейском полуострове было поставлено под угрозу. Однако в начале XI в. положение изменилось, и христиане перешли в контрнаступление. Борьба была очень напряженной; испанские христиане апеллировали к христианским государствам всего мира, умоляя помочь им в борьбе с неверными. Эти призывы были поддержаны клонийцами, а за ними – и Римскими папами.

В 1064 г. папа Александр II обещал прощение грехов всем, кто сражался за победу Креста в Испании. Это был первый прецедент официально объявленной «Священной войны», или Крестового похода. Однако к концу XI в. после ряда крупных побед испанские христиане закрепились на новых рубежах, и их воинский пыл начал остывать.

Тем не менее, сама идея Священной войны уже прочно закрепилась как в сознании народа, так и на практике. Она вошла в повседневную жизнь. Церковь рекомендовала христианским рыцарям и воинам прекратить свои мелкие междоусобные конфликты и стычки и забыть о войнах друг с другом. Вместо этого им вменялось в обязанность предпринять путешествие к границам христианского мира, где они смогут биться против неверных, утоляя, таким образом, свою жаж-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ду подвигов на поле брани. В вознаграждение за это они могут присвоить себе отвоеванные земли и к тому же получить вечное блаженство на небесах.

Хотя многие короли и крупные феодалы предпочитали держаться подальше от таких предприятий, бедное рыцарство с радостью откликалось на призывы к Священной войне. Отчасти их мотивация была обусловлена искренним религиозным чувством. Им было стыдно продолжать братоубийственные войны – сражаться за Святой Крест было куда более благородным делом. Нужно принять во внимание и социологические причины: перенаселение Европы, острую нехватку земель в европейских странах. Особенно она чувствовалась на севере Франции, где уже к XI в. установилась своеобразная практика наследования. Старший сын получал всё имение отца, не желавшего делить свои земли, сконцентрированные вокруг родового замка. Второму сыну было уготовано духовное призвание. Всем же прочим сыновьям оставалось искать счастья где-то еще. Именно в этом необходимо видеть корни вечного беспокойства и неуемной жажды приключений среди рыцарского сословия Франции. Особенно явным это было среди норманнов, всего несколькими поколениями отделенных от своих предков – пиратов-викингов. Возможность сочетать христианский долг с приобретением собственных земель в теплых южных странах казалась весьма привлекательной. На западных границах Европы методы Священной войны были уже опробованы. Ничто не мешало опробовать их и на восточных рубежах.

Между тем, новости с Востока были весьма неутешительными. С 1004 по 1014 гг. сумасшедший халиф Хаким (из династии Фатимидов, правившей в Египте, Сирии и Палестине) проводил жестокое гонение на христиан, он приказал разрушить или конфисковать практически все христианские храмы, а в 1009 г. даже сжег храм Воскресения Христова (Гроба Господня) в Иерусалиме. Но в 1016 г. Хаким объявил себя новым посланником Бога и внес серьезные изменения в традиционную мусульманскую практику: он запретил пост Рамадан и паломничества в Мекку. В 1017 г. он провозгласил полную религиозную свободу для христиан и иудеев, в 1020 г. вернул все конфискованные церкви и синагоги и сравнял христиан и иудеев в правах с мусульманами. В это время рьяные сторонники Хакима, возглавляемые его приближенным Дарази, даже провозгласили неуравновешенного халифа воплощением божественной сущности. В 1021 г. Хаким исчез во время ночной прогулки. Скорее всего, он был убит. Но основанная Дарази секта друзей продолжала существовать. Друзы (ныне их около 1 млн. человек) в настоящее время живут в горах южного Ливана, а также на территориях Сирии и Израиля. Они верят в божественность аль-Хакима и считают, что он вернется в конце веков.

Эта история, пусть единичная, произвела глубокое впечатление на Западе. Новости туда поступали через паломников-пилигримов, поток которых в Святую Землю никогда не иссякал. До турецких завоеваний паломники, за редкими исключениями, свободно допускались к святыням и не испытывали особых трудностей.

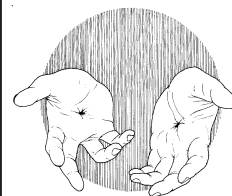
В 1071 г. (год битвы при Манцикерте и падения Бари) турки штурмом взяли Иерусалим и завоевали всю Палестину до Аскалона. В 1075 г. они заняли Дамаск. В 1085 г. была захвачена византийская Антиохия. Падение великого города шокировало всех.

На занятых турками территориях немедленно началась междоусобная война между многочисленными турецкими эмирами. Проезд паломников к святым местам сделался практически невозможным.

Еще папа Григорий VII вскоре после битвы у Манцикерта начал планировать поход для помощи Византийской империи и освобождения Гроба Господня. Его планы реализовались в правление папы Урбана II.

В марте 1095 г. Урбан созвал в Пьяченце собор *contra schismaticos* – «против схизматиков», т.е. против антипапы Жильбера и поддерживавшего его императора Генриха IV Германского. Случилось, что одновременно в Италии находились два посла императора Алексея. Алексей в это время,

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

добившись, в основном благодаря тонкой дипломатии, успеха в войне с турками, тем не менее крайне нуждался в воинах, так что два упомянутых посланника должны были найти на Западе рекрутов. Узнавши, что множество прелатов и князей съехались отовсюду на собор, они почли удобным именно там объявить о нуждах императора. Папа позволил им обратиться к собору, и они описали положение восточного христианства столь яркими красками, что папа с советниками решились послать на Восток целую армию, чего вовсе не хотел Алексей.

В четверг 27 ноября 1095 г. папа Урбан II произнес зажигательную речь-проповедь на соборе в Клермонте. Он призвал западных христиан помочь страждущим византийским собратьям, находящимся на краю гибели перед лицом мусульманской угрозы, но – главное – освободить святой град Иерусалим. Папа не захотел понять, что император Алексей просил его совсем не об этом.

Папа гарантировал трехлетний мир внутри христианской Европы и неприкосновенность имущества воинов, отправившихся на Восток. Их знаком должен был стать крест на одежде. Папа, используя все свое ораторское искусство, призвал снять позор со всего христианского мира и освободить Святую Землю от неверных. Вместо того, чтобы губить свои души в братоубийственных войнах, христианские воины могут заслужить рай в борьбе за святое дело Божие. Их боевым кличем должен стать возглас: «Deus volt!» – «Так хочет Бог!». Смерть в Крестовом походе искупит все грехи его участника.

Речь папы произвела на слушавший ее народ потрясающее впечатление. Все присутствующие в один голос скандировали «Deus volt!», рвали свои плащи и накидки на полосы, из которых делали кресты и нашивали себе на одежду.

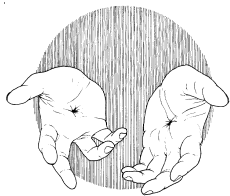
Через несколько месяцев определились главные участники будущего похода. Ни один монарх так и не присоединился к нему. Однако же лидерами пожелали стать представители высших аристократических кругов. Причины их участия в этом предприятии были самыми разными: у ряда из них – искреннее благочестие и желание искупить свои грехи, у других – жажда приключений, у третьих – стремление основать собственные княжества на новых землях. Возможны и любые комбинации этих трех причин. Единого главы у готовящейся армии не было: папский легат – епископ Адемар Пийский – не был главнокомандующим, а магнаты изначально относились друг к другу с ревностью и подозрением. Все это усугублялось тривиальным снобизмом представителей высшей знати.

Среди аристократов-крестоносцев выделялись: Гуго Вермандуа, брат французского короля (он был младшим сыном короля Генриха I и Анны Ярославны Киевской); Роберт, герцог Нормандии – брат английского короля; Роберт, граф Фландрии; Стефан, граф Блуа, и другие знатные особы. Среди самых заметных крестоносцев стоит назвать графа Раймунда Тулузского – сказочно богатого правителя плодородных областей на юге Франции. Он снарядил и повел за собой самый большой отряд воинов. Раймунд был уже довольно пожилым человеком, обладавшим большим жизненным и военным опытом. Он был весьма благочестив и по-своему честен, но, увы, не слишком умен.

Другим видным персонажем был Годфрид Бульонский – герцог Нижней Лотарингии. Позднейшие легенды наделяют его всеми добродетелями рыцаря без страха и упрека. На самом деле все было не совсем так. Годфрид обладал благородной внешностью, был весьма набожен и известен хорошими манерами. Но он был заметно беднее Раймунда Тулузского – не только имуществом, но и умом. К тому же он не отличался силой характера, хотя и был склонен в самых неподходящих случаях проявлять неразумное упрямство. Куда способнее и решительнее был его младший брат Балдуин (будущий король Иерусалима), также отправившийся в поход.

Самым одаренным – талантливым полководцем и выдающимся дипломатом-интриганом – был норманн Боэмунд Тарантский – сын завоевателя Апулии, Калабрии и Сицилии Робера Гвискара. Боэмунд

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

был очень хорош собой и, когда ему это было выгодно, умел очаровывать своего собеседника. При всех своих несомненных дарованиях, Бозмунд выделялся среди прочих крестоносцев полной беспринципностью и аморальностью. Он менее других был склонен к религиозным сантиментам и отправился в Крестовый поход, обнаружив заманчивые перспективы для основания собственного государства. С ним шел на войну и его племянник Танкред, столь же беспринципный и честолюбивый, как его дядя.

Местом встречи крестоносного воинства был назначен Константинополь, куда все должны были собраться к 1096 г. К столице вело три дороги: через Венгрию и Сербию, через Северную Италию и Далмацию и через Адриатику – из Апулии в Диррахий. Путь до Константинополя каждый из крестоносцев выбирал сам.

Покуда рыцари собирали свои армии, «процесс уже пошел». По странам Европы разъезжало множество проповедников, призывавших простой народ отправиться воевать за Святой Крест. Самым известным среди них был Петр Пустынник, родом из Франции. Сей персонаж был маленького роста, смуглый, с длинным худым лицом, несколько напоминавшим морду ослика, на котором он ездил, и который вместе со своим хозяином был предметом религиозного поклонения. Петр круглый год ходил босиком, никогда не стирал свою одежду, не ел ни мяса, ни хлеба. Зато он ел рыбу и пил вино. Он несомненно обладал харизмой и громадной магнетической силой.

По мере продвижения Петра от селения к селению, за ним следовало все больше и больше городских и сельских бедняков. По существу, терять им было нечего – любая судьба была лучше, чем то, что они видели у себя дома. Их ежедневная жизнь была тяжелой и беспросветной. Положение усугублялось засухой предыдущего года. Как и во все тяжелые времена, среди них были широко распространены апокалиптические настроения. Искушение сбросить бремя постылого существования и отправиться в дальние страны было весьма велико. К тому же это желание поощрялось Церковью. Народ был достаточно темным, и мало кто из них знал разницу между реальным земным и Небесным Иерусалимом. Люди свято верили, что Бог даст им силу победить легионы Антихриста и введет их в землю, текущую молоком и медом.

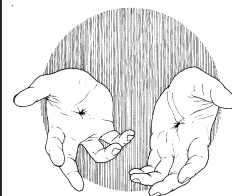
Петр и его помощники – обедневший рыцарь Вальтер Пустокарманный и монах-расстрига Готтшалк – собрали вокруг себя множество народа. Потрясенные современники говорят о сотнях тысяч. В действительности, их было, вероятно, до 20 тысяч человек. Армией эту толпу назвать было трудно. «Освободители Гроба Господня» продвигались к Константинополю с грабежами и насилием. Венгры весьма сильно потрепали их в ответ на грабежи. На имперской территории они вели себя не лучше, грабя и разоряя всё подряд. Имперская полиция прибегала к ответным мерам. В результате отряды Петра Пустынника сильно поределли.

1 августа 1096 г. вся эта экспедиция достигла Константинополя. Алексей не собирался держать неуправляемые толпы в окрестностях столицы. Поэтому он перевез их через Босфор на азиатский берег, разместил их в лагере и настоятельно посоветовал вести себя прилично и дожидаться подхода основных сил. Однако отряды Петра с презрением отвергли эти трусливые советы, с ходу ринулись в бой и были наголову разбиты турками. Спаситься удалось лишь Петру Пустыннику с горсткой людей, которых византийцы эвакуировали на европейский берег. Если бы не вмешательство императора Алексея, то турки вырезали бы их до последнего человека.

Не многим лучше вели себя и армии под предводительством высокородных принцев: в большинстве своем они грубо отвергали призывы императора к дисциплине и порядку. Армия Годфрида опустошила окрестности Константинополя и потерпела поражение в битве у стен этого города прежде, чем Годфрид согласился хотя бы встретиться с императором. Воины Раймунда Тулузского все время отклонялись от прямого пути, совершали набеги на имперские города, и сам папский легат, следовавший за ними, был ранен во время одного такого набега византийскими жандармами, печенегами по национальности; причем потерпевший не имел никаких претензий к императорским властям. Хотя последние прибывшие

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

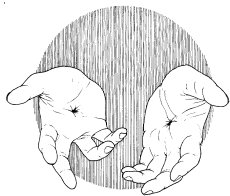
армии – Робера Нормандского и Стефана из Блуа – пересекли Балканы без скандальных происшествий, атмосфера взаимной неприязни между крестоносцами и византийцами уже прочно установилась.

Переговоры прибывших князей с императором в Константинополе прошли несколько трудных этапов и завершились достаточно сердечно. Мы не знаем, какую роль во время этих переговоров играл папский легат Адемар, епископ Пийский, представлявшийся рядовым крестоносцам главным вождем этого похода. Он был другом и доверенным лицом папы Урбана, так что, без сомнения, проводил политику Святого Престола. Вскоре по своем прибытии в Константинополь, несколько запоздав из-за упомянутого несчастного случая, его ближайший друг из числа князей Раймунд Тулузский совершенно изменил свое отношение к императору, перейдя от подозрительности к чрезвычайной любезности. Возможно, это было следствием тонкой политики Алексея, использовавшего соперничество Раймунда и Боэмунда. В конце концов, все принцы согласились почтить императора и обещали вернуть ему, после завоевания, все земли, принадлежавшие Византийской империи до турецкого вторжения. Вполне вероятно, что латинских князей подвигла к этому вынужденная необходимость: они видели, что византийская армия была гораздо дисциплинированнее, сильнее и маневреннее, чем их собственные войска. Потому-то небезосновательные требования императора пришлось удовлетворить. С другой стороны, цели западных крестоносцев и Алексея Комнина объективно различались: первые не собирались становиться наемниками империи. Ведь они были не только солдатами, но и пилигримами, и их путь лежал к Иерусалиму – главной цели их паломничества. Многие из них собирались поселиться в Святой Земле навсегда.

Император же считал своей первостепенной задачей благо империи, и лишь второй – защиту Православия на Востоке, где многочисленные христиане хотя и жили под властью неверных, но признавали его главой христианского мира. Для него главным врагом было не мусульманство вообще, но те конкретные турки, которые угрожали его державе и разоряли имперские территории, так что император предпочитал войне действенную дипломатию. Алексей остро нуждался в наемниках, но только в таких, которые бы безоговорочно подчинялись его приказам. Громадная независимая армия, угрожавшая успеху его дипломатии неуклюжими агрессивными действиями, вовсе не была тем, что он искал. Для византийцев идея Священной войны была неприемлема. Суровые восточные богословы, такие, как св. Василий Великий, считали, что война вообще не может быть «священной», даже если она действительно необходима, так что византийцы были особенно потрясены видом множества воинов-священников в толпе крестоносцев. Рядовых же крестоносцев с их «детской» прямолинейностью несомненно раздражало «двуличие» византийцев.

Первая же победа объединенных византийских и крестоносных войск – взятие Никеи – принесла разочарование: город сдался императору, который не разрешил мародерства и слишком мягко, по мнению крестоносцев, обошелся с пленными турками. Следующая победа при Дорелее была одержана при весьма незначительной помощи византийцев, а во время долгого похода через Анатолию крестоносцы постоянно выказывали недовольство греческими проводниками и небольшой группой византийских воинов, находившихся в их лагере. Боэмунд делал все возможное, чтобы разжечь вражду, а развязка наступила при взятии Антиохии.

История осады Антиохии крестоносцами и их последующая оборона в стенах этого города стала темой рыцарского эпоса. Западное воинство вынесло все тяготы войны в одиночку, без поддержки византийских союзников. Император, пообещавший рыцарям помощь, выступил в поход со своей армией, сознавая всю опасность этого военного предприятия. Вскоре, получив от беглых крестоносцев ложное известие, будто все потеряно, он, зная о приближении турецкой армии к его коммуникациям, решил не рисковать судьбой империи и повернул назад. Его осторожная стратегия была сопряжена с серьезной психологической ошибкой: крестоносцы почувствовали, что греки их сознательно

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

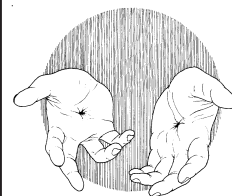
предали. По ранее достигнутому соглашению, Антиохия должна была отойти к империи. Однако теперь, по убеждению многих крестоносцев, Алексей в силу своего предательства, как и в силу того, что не явился лично принять освобожденный город, потерял права на него. Боэмунд, больше других отличившийся при взятии Антиохии, объявил ее своим владением, и общественное мнение в крестовоносной армии было на его стороне. Правда, Раймунд Тулузский активно протестовал, да и сам Боэмунд не был вполне уверен в законности своих действий. Позднее он подделал секретный договор с императором, по которому Антиохия якобы отходила к нему.

Несколькими месяцами ранее Болдуин из Болоньи захватил другой город, некогда принадлежавший империи – Эдессу или Урфу. Алексей «закрыв глаза» на присвоение крестоносцами Эдессы потому, что тамошнее население состояло почти исключительно из армянских и сирийских монофизитов, а также потому, что императору было трудно поддерживать связь со столь отдаленным пунктом. Но с Антиохией дело обстояло совсем иначе. Это был важнейший стратегический узел, и Алексей не собирался терять его. Отныне отношения между ним и Боэмундом окончательно расстроились.

Как это не раз бывало, политические распри дали выход затаенной религиозной вражде. В начале похода все князья и принцы, включая Боэмунда, прилежно разъясняли своим неграмотным солдатам, что греческие и сирийские православные – это их братья во Христе. Сам Адемар Пийский, следуя, без сомнения, инструкциям папы, но, впрочем, и своим собственным симпатиям, искренне стремился к сотрудничеству с восточными христианами. Антиохийский патриарх Иоанн Оксит, по происхождению константинопольский грек, не захотел оставить свою паству и находился в городе во время осады. Турки весьма жестоко обходились с ним, и, в конце концов, посадили его в клетку, вывешенную на городской стене. По вступлении в город Адемар тут же вновь возвел его на патриарший престол, а франкские хроникеры восторгались его мужеством. В кафедральном соборе Антиохии латинские службы совершались попеременно с греческими. Когда крестоносцы захватили город Альбару и основали там новый епископат, латинский епископ был, вероятно, рукоположен все тем же Иоанном. Примерно в то же самое время Адемар завязал отношения с Иерусалимским патриархом Симеоном, который находился на Кипре. Симеон поспешил послать крестоносцам из своего изгнания провизию и другие необходимые припасы. Его дары были приняты с благодарностью. Когда же Адемар посчитал, что пришло время дать отчет папе, то направил из Антиохии послание от имени «Симеона, патриарха Иерусалимского, и Адемара, епископа Пийского, и в основном от последнего, которому поручена христианская армия папой Урбаном». Несколько месяцев спустя он снова пишет на Запад об экстренной необходимости в подкреплениях, причем для вящей убедительности составляет послание от имени того же Иерусалимского патриарха. Без сомнения, текст письма был подготовлен Адемаром, причем Симеон был в нем назван титулом *Apostolicus*, которого прежде к Иерусалимским патриархам не применяли. Симеон якобы выступает от имени всех епископов на Востоке – греческих и латинских, причем угрожает отлучением всякому, кто на Западе или на Востоке не исполнит просьбы крестоносцев. Этот замечательный документ папского легата, написанный весьма торжественным слогом от имени восточного патриарха, на самом деле содержал явные посягательства на права Константинопольской и Антиохийской кафедр, стоящих выше Иерусалимской. Отсюда можно заключить, что отношения папского легата с Иоанном Антиохийским к тому моменту значительно ухудшились.

1 августа 1098 г. Адемар Пийский безвременно скончался, и это событие имело трагические последствия. Адемар был мудрым и терпимым человеком, и его благотворное влияние на армию было огромным. Папский легат последовательно выступал за тесное сотрудничество с восточной иерархией, за уважение прав восточных христиан. С его уходом некому стало гасить как раздоры между лидерами крестоносцев, так и их усиливавшуюся неприязнь к «грекам». Все противоречия разом выплеснулись наружу.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

7 июня 1099 г. крестоносцы подошли к Иерусалиму, который за год до того снова перешел под контроль египетского халифата Фатимидов, отбившего его у турок-сельджуков. Когда франкская армия приблизилась к городу, из него были изгнаны все христиане. Колодцы в его окрестностях были засыпаны или отравлены. В Египте собиралась громадная армия в помощь осажденному городу. Крестоносцев же к тому моменту оставалось не более 15 тысяч человек. Осаждать город у них не было ни сил, ни времени. Нужно было брать его штурмом, и по возможности скорее – до подхода главных сил неприятеля.

Первый штурм окончился неудачей. Крестоносцы спешно занялись сооружением осадных башен и катапульт. 15 июля 1099 г., после второго приступа, Иерусалим пал. Крестоносцы, опьяненные победой, учинили в городе страшную резню. Спасли свои жизни лишь те мусульмане, которые сдались Раймунду Тулузскому; все остальные были уничтожены. Также были вырезаны и все находившиеся в городе евреи, которых обвинили в пособничестве мусульманам. Весь город был завален трупами. По свидетельству очевидцев, на храмовой горе потоки крови были выше уровня колен. Даже многие крестоносцы были шокированы происшедшим.

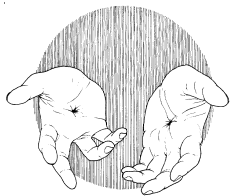
Если до этого многие мусульманские правители достаточно терпимо относились к франкам и готовы были считаться с их интересами, то теперь все изменилось. После иерусалимской резни мусульмане поняли, что западные христиане – беспощадные враги, которых необходимо уничтожить. Фанатизм христиан пробудил исламский фанатизм.

Между тем, в завоеванном Иерусалиме было необходимо учредить правление. Вначале власть была предложена Раймунду, однако он не был слишком популярен среди других предводителей похода и сам понимал это. Он отказался стать королем, заявив, что христианин не может царствовать в городе, в котором Сам Господь был коронован терновым венцом и претерпел страдания и смерть. И тогда Годфрид Бульонский согласился принять властные полномочия, наименовав себя не королем, а лишь *Advocatus Sancti Sepulchri* – «Защитником Гроба Господня».

А защищаться пришлось практически сразу. Из Египта к городу приближалась 20-тысячная армия. Годфрид выступил ей навстречу и в августе 1099 г. одержал победу у Аскалона. В его рядах сражалось не более 10 тыс. человек, а ведь три года назад к стенам Константинополя собралось свыше 80 тысяч.

В завоеванном Иерусалиме не было вообще никаких церковных иерархов: Симеон умер, а его епископы погибли или были в изгнании. В этих обстоятельствах латиняне избрали патриарха из числа находившихся в их лагере западных епископов. Такое назначение, безусловно, было неканоничным. С другой стороны, христиане Палестины без особых возражений приняли нового Владыку. Здесь нужно заметить, что для многих православных сирийцев греки, управлявшие их церковью, были такими же иностранцами, как и франки. Ситуация вполне могла разрешиться мирно, однако первые латинские патриархи повели себя далеко неподобающим образом. Арнольд из Шоке приказал изгнать монофизитов из принадлежавших им пределов в Храме Гроба Господня, а затем принялся пытать православных монахов, требуя, чтобы они открыли тайники, где хранятся Древо Честного Креста и другие священные реликвии, будто бы спрятанные Симеоном перед его бегством на Кипр. Несколько месяцев спустя Арнольда сменил Даймберт из Пизы, который пошел еще дальше. Он решил изгнать всех без исключения местных христиан, даже православных, из Храма Гроба Господня и допускать туда лишь латинян. Богослужения в Иерусалиме и окрестностях совершались отныне только по западному обряду. Лишь вмешательство короля Балдуина I позволило местным христианам частично восстановить свои права.

Вплоть до завоевания Иерусалима Саладином в 1187 г. православные христиане Палестины оставались в подчинении латинским иерархам, однако их недовольство постоянно нарастало. Дело в том, что все латинские патриархи, правившие в Иерусалиме, были людьми западной культуры, не

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

испытывавшими никаких симпатий к Востоку. Их произвол до какой-то степени смягчался политической светских властей. Среди пяти Иерусалимских королей только одна вдовствующая королева Сицилийская (чей брак был быстро аннулирован) не имела отношения к восточным традициям. Королевы-жены Балдуина I и Балдуина II были православными армянками; супруги Балдуина III и Амальрика I были византийскими принцессами. По имеющимся свидетельствам, принцесса Мелесинда, дочь Балдуина II, дала богатые пожертвования в православный монастырь Св. Сабата. Проявляя удивительную религиозную терпимость, она опекала и сирийских яковитов (монофизитов).

В целом продолжалось и сотрудничество с Константинопольскими властями. В 1169 г. византийский император Мануил в согласии с латинской иерархией Святой Земли начал восстановление главных святынь. Он послал мастеров мозаики в Храм Рождества в Вифлееме, на стенах которого были помещены изображения и восточных, и западных святых. Те же мастера работали в Храме Гроба Господня, а также в церкви Успения на горе Сион. Греческие священники служили у Гроба Господня. Очевидно, что схизмы как таковой тогда еще не существовало, однако то и дело проскакивали нотки соперничества. Так грек Иоанн Фока, совершивший паломничество в Иерусалим в 1184 г., был в общем доволен оказанным приемом и с одобрением вспоминал латинского епископа Вифлеема, повесившего в своей резиденции портрет императора Мануила. Но он же ликовал при виде неудавшегося чуда, которое пытался совершить латинский епископ Лидды, и даже назвал того «разбойным» епископом. В то же время, латинский патриарх Иракий, порочный и грубый человек, терпеть не мог рожденную в Византии вдовствующую королеву Марию, и переносил свою неприязнь вообще на всех «восточных».

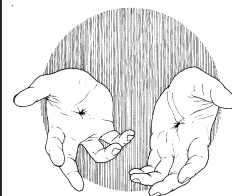
Куда хуже обстояли дела в Антиохии. В 1099 г. Боэмунд изгнал из города законного патриарха Иоанна IV Оксита, повсеместно почитаемого в качестве исповедника. Новым патриархом Боэмунд назначил своего кандидата Бернарда Валенского. Это было несомненной подлостью по отношению к патриарху Иоанну, который до того оказывал всяческую поддержку тем, кого он считал своими братьями-христианами, и даже поставил им одного латинского епископа. Деяние Боэмунда было тем более возмутительным, если учесть, что Антиохийская кафедра прежде никогда не разрывала общения с Римом.

Иоанн IV поселился в Константинополе, где написал трактат, обличающий латинство, в котором добросовестно перечислил все притеснения, понесенные православными от латинян. Вскоре он ушел на покой, а антиохийские клирики, проживавшие в изгнании в Константинополе, избрали нового патриарха. Таким образом возникла параллельная иерархия в Антиохии. Император же Алексей вынужден был обязаться выставить непрощенных гостей из Антиохии, восстановить там законного патриарха и защитить права местных православных.

Так были созданы все условия для последующей схизмы двух восточных патриархатов с Римом, которой, при более разумной и деликатной политике, вполне можно было бы избежать. Здесь необходимо учесть еще одно обстоятельство. Патриархами в Антиохии и Иерусалиме (Сирии и Палестине) были, как правило, греки или представители греческой культуры. В главных храмах и соборах богослужение отправлялось на греческом языке, а в деревенских церквях – на местном наречии. Византийский император номинально признавался главой христианского мира, а Антиохийский патриарх более столетия находился в его прямом подчинении. И все же, народ и клир относились к ставленникам Константинополя без особого радушия и всегда противились попыткам гордых греков стать над ними. Если речь шла о выборе между юрисдикциями, то многие, вероятно, предпочли бы далекий Рим. Всё, однако, изменилось с появлением колоний крестоносцев на восточных землях. Местные христиане не могли смириться с вытеснением своей иерархии иерархией латинской, своей религиозной культуры культурой латинства и т.д. Если бы Рим пришел к идее «униатских церквей» (с сохранением местной иерархии, литургических, канонических и благочестивых традиций) на пару столе-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

тий раньше, если бы он систематически занялся установлением отношений с восточными епископами и ограничил бы юрисдикцию латинских иерархов одними лишь общинами западных колонистов, то, скорее всего, Антиохийская и Иерусалимская церкви добровольно признали бы первенство Рима. Так в 1215 г. патриарх Александрии, не затронутой присутствием крестоносцев, признал авторитет папы Иннокентия III на IV Латеранском соборе.

Ответственность за деяния крестоносцев, естественно, возлагалась на Римский престол, бывший инициатором Крестовых походов. Рядовые верующие, священники и миряне, не делали различия между намерениями папы и намерениями новых «хозяев Востока», пришедших с Запада. Восточные церкви почувствовали, что у них силой отняли их законные и освященные традицией права, причем сделано это было по приказу папы, проявлявшего к тому же враждебность по отношению к их традиционному (хоть и номинальному) защитнику – императору в Константинополе. В конце концов, христиане Сирии и Палестины порвали с Римом, но сделали это не потому, что хотели перейти под власть Константинополя, а потому, что папа выказал к ним глубокое неуважение. Между тем, папа Урбан II (действительно выдающийся человек), руководствовался самыми лучшими пожеланиями: освободить восточных братьев, помочь Византийской империи... Однако результаты порожденного им движения оказались прямо противоположными ожидаемым. Крестоносцы принесли на Восток не мир, но меч, и этот меч окончательно разрубил христианский мир.

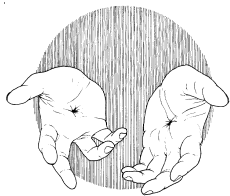
Контрольное задание

Крестовые походы окончательно рассорили три великие цивилизации (западно-христианскую, восточно-христианскую и исламскую), посеяли семена ненависти между ними. А каким, по Вашему мнению, мог быть оптимальный вариант развития отношений между этими цивилизациями?

4. Окончательный разрыв между Востоком и Западом

Трения между восточными патриархатами и Римом возникли главным образом из-за вторжения крестоносцев на восточные земли и их колонизации. Противоречия Константинополя и Рима в XII в. были и тоньше, и сложнее по своей природе. Рим никогда не понимал вполне положения дел в Константинополе. Папа, видя, что император диктовал свою волю Церкви, был склонен полагать, что Церковь станет повиноваться любому приказу императора. На деле же цезарепапизм императора имел свои границы: ни один император не мог пойти против общественного мнения; он не мог также пренебрегать законами и традициями империи, где имелся сильный и хорошо образованный слой мирян; да и народ в столице придерживался строгих взглядов и застарелых предубеждений, которые он, при первом удобном случае, активно выражал. В формировании этих воззрений священство играло куда более существенную роль, чем императорский двор. Даже Алексей Комнин в своих попытках вмешиваться во внутренние дела Церкви по соображениям государственной пользы добился лишь стойкой непопулярности в народе и породил многочисленные интриги против собственной персоны. На своем опыте он в конце концов убедился, каковы действительные пределы его власти.

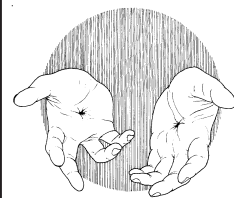
Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Сам Алексей, его сын Иоанн и внук Мануил очень хотели сохранить добрые отношения с Римом, отчасти из искреннего желания поддерживать мир среди христиан, отчасти же из политических соображений. На протяжении почти всего XII столетия императорский двор проводил уклончивую политику, избегая всяких трений с Западной Церковью. Однако византийское духовенство не принимало в расчет политику императора. Церковь Константинополя постепенно выработала убеждение, согласно которому именно она и только она хранит истинные христианские ценности, а сам Константинополь является единственным центром христианского мира. За истекшие века в Константинополе понемногу научились презирать Римскую Церковь. Здесь не понимали силы и значимости возрождавшегося папства, его исключительную роль в защите христианских идеалов на Западе. Претензии папы на мировое господство казались отсюда до смешного напыщенными, безумными, а то и прямо богохульными. При этом отвергалась, как что-то «нижнее», латинская богослужебная практика, особенно использование опресноков; не принимались и односторонние изменения, внесенные Западом в Никео-Константинопольский Символ веры (Filioque). Таким образом любой шаг императоров, предполагавший подлинные или мнимые уступки Риму, тут же сталкивался с мощными оппозиционными настроениями в рядах низшего и среднего духовенства и многих мирян. Правда, общественное мнение мирян поначалу не доходило до высокой точки кипения. В начале Крестовых походов византийцы в целом доброжелательно встречали своих западных братьев-христиан. Затем, однако, неуправляемость западного воинства, как и естественные тяготы, связанные с пребыванием чужеземных войск на своей территории, обусловили нелюбовь к ним местного населения. Кроме того, Византию заполонили итальянские купцы, прибравшие к рукам торговлю, что также порождало недовольство и конфликты. Короче говоря, благодатная почва для антиримской пропаганды со стороны влиятельных церковных кругов была уже готова. Император так или иначе был вынужден считаться с общественным мнением. С другой стороны, византийское духовенство тогда еще не принимало идеи полного разрыва. Скорее, доминировало подспудное убеждение, что хотя Восточная и Западная Церкви существенно различаются, причем Церковь Востока стоит неизмеримо выше, но, все-таки, это – одна Церковь.

Убеждение в принципиальном единстве Церкви звучит и в латинских хрониках Первого Крестового похода. Константинополь представлен в них воистину святым градом. Роберт Отшельник утверждал, что сей град мог бы сравняться с Римом по величию и святости, если бы в Риме не было престола папы. Жиберт Ногентский соглашался с тем, что Константинополь заслуживает всемирного почета, а Экхард де Аура – с тем, что он заслужил дарованное ему Божественное покровительство. Население на Востоке уважительно отнеслось к Петру Отшельнику, несмотря на то, что его воинство отличалось крайней недисциплинированностью. Забавный эпизод имел место в Афинах в 1099 г., когда некоторые крестоносцы, намеревавшиеся достичь Палестины морским путем, принуждены были из-за непогоды высадиться в Пирее. Губернатор Афин отнесся к ним подозрительно, приняв их за пиратов. Тогда крестоносцы обратились к местному монаху-отшельнику Мелецию, и тот приветствовал их как братьев, а затем убедил афинские власти и население встретить их по-доброму.

Очень часто это доброе отношение не подкреплялось поведением крестоносцев. Подозрительность тех же афинян была вполне объяснима, если вспомнить, что несколькими месяцами ранее военный отряд, сопровождавший архиепископа Пизанского, имевшего полномочия папского легата, задержался в пути и разграбил города Корфу, Левкас и Занте. Даже терпимый епископ Теофилакт Болгарский, через епархию которого проследовали многочисленные крестоносные армии, уподобляет их варварской орде, хотя и отмечает, что лично он и его паства ради святого дела готовы терпеть всяческие неудобства. Население Константинополя пришло в ужас при виде грабительских замашек солдат-крестоносцев; а последние, почувствовав неприязнь местного населения, стали отвечать не-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

меньшей неприязнью. В дальнейшем обе стороны охотно порочили друг друга. Крестоносцы обвиняли императора с советниками в военном предательстве и двуличии. Они презирали греков – «проклятых маленьких греков, ничтожнейших из людей», как пишет о них Жиберт Ногентский.

Дальнейшие события также не способствовали улучшению отношений. В 1144 г. правитель мусульманского Мосула Зенги взял штурмом Эдессу. Буферная зона, прикрывавшая христианские государства в Сирии и Палестине с северо-востока, была утрачена.

Падение первого из восточных крестоносных государств вызвало шок на Западе. Срочно был организован новый – Второй Крестовый поход (1147-1148 гг.). Его вдохновителем стал самый знаменитый проповедник того времени, св. Бернард Клервосский – основатель ордена цистерцианцев, пользовавшийся высочайшим авторитетом в Европе. Казалось, начинание, благословленное столь святым лицом, не может окончиться неудачей. В действительности же, результаты оказались плачевными.

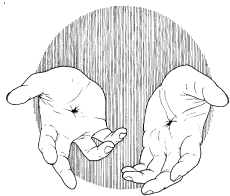
По мысли папы Евгения III, возглавить поход должен был французский король Людовик VII Благочестивый. Именно к его двору и направился св. Бернард. Пламенной проповедью он убедил короля и его вассалов принять участие в Крестовом походе. Воодушевленный своим успехом, св. Бернард отбыл ко двору германского короля (впоследствии императора) Конрада III. Используя весь блеск своего красноречия, Бернард буквально вынудил Конрада присоединиться к походу.

Итак, в поход отправились две армии – немецкая и французская, каждая с королем во главе. С немцами шли их вассалы, в том числе король Владислав Богемский и Болеслав IV Польский. Также в немецком лагере находился племянник и наследник Конрада Фридрих, герцог Швабский – будущий император Фридрих Барбаросса.

История Первого Крестового похода во многом повторялась. Первыми на имперские земли вступили немецкие армии. Вели они себя там, как на вражеской территории, и императору Мануилу пришлось прибегнуть к силе, чтобы удержать их от бесчинств. Отношения с французами были еще более напряженными, и в окружении Людовика VII даже обсуждалась возможность захвата Константинополя.

Мануил предложил крестоносцам разумный план: обойти Константинополь стороной, переправиться через Геллеспонт и продвигаться к Палестине вдоль малоазийского побережья, оставаясь в византийской зоне и минуя пустынные области внутренней Анатолии, где господствовали сельджуки. Однако Конрад, а затем Людовик отвергли этот план – они рассчитывали, что их появление у стен Константинополя заставит византийцев быть более сговорчивыми, и поэтому обе армии выказали намерение форсировать пролив Босфор. Тогда Мануил решил, что имеет дело с врагами, и поспешил заключить с иконийским (турецким) султанатом мирный договор, по которому сельджуки возвращали империи несколько крепостей, а Мануил обязался соблюдать нейтралитет в последующих военных действиях. Императора отчасти можно понять, тем более что сицилийские норманны, в нарушение всех договоров и правил, вновь напали на империю, и Мануил, чтобы дать им достойный отпор, должен был обеспечить себе спокойствие на восточном фланге.

Немцы решили не дожидаться французов и действовать самостоятельно. Они направились к Иконии, где их наголову разбили турки, и Конрад, лишь с одной десятой частью своего войска, был вынужден отступить к Никее. Теперь уже оба монарха решили действовать совместно. Их путешествие по византийским землям было не из легких. Провианта не хватало, а зимние дожди сделали горные дороги труднопроходимыми. После изнурительного марша крестоносцы достигли порта Атталии. И хотя был разгар зимы (а зимой судоходство обычно прекращалось), они пришли в неописуемый гнев, когда узнали, что местный правитель, латинянин по происхождению, Ландольф, не может немедленно предоставить им достаточное количество кораблей для морской переправы. Те не-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

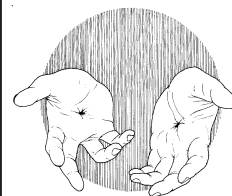
многие корабли, которые все-таки нашлись, предназначались для короля Людовика, его свиты и старших командиров. Рядовые же воины, лишившись своих предводителей, отказались остаться в лагере, предоставленном Ландольфом, отказались и от его проводников, и отправились в трудное путешествие в Сирию по суше. До конца прошли этот путь только немногие. Естественно, обескровленное войско не смогло добиться никаких военных успехов, что и повергло всех в уныние.

Людовик принял решение отступить. В сопровождении отряда сицилийцев он отплыл из Палестины, и вскоре подвергся атаке греческого флота, поскольку Византия находилась в состоянии войны с сицилийскими норманнами. Несколько кораблей было захвачено, включая и корабль с багажом Людовика, так что король лишь спустя несколько месяцев смог получить обратно свое имущество. Вернувшиеся домой не солоно хлебавши крестоносцы всю ответственность за свои неудачи возложили исключительно на греков. Это мнение распространялось столь успешно, что к нему присоединился даже св. Бернард Клеровский. Ему было трудно смириться с тем, что дело, на которое он воодушевил своих соотечественников, закончилось столь очевидным крахом, и когда Людовик объявил главными злодеями греков, он охотно согласился с такой трактовкой событий. Согласился с ней и влиятельный Петр Почтенный из Клуни, который 25-ю годами ранее писал теплые дружеские письма византийскому императору и Константинопольскому патриарху. Папский легат в Германии кардинал Тейдвин присоединился к тому же мнению и начал агитировать в пользу нового Крестового похода – теперь уже против Константинополя. Впрочем, папа Евгений III проявил мудрость и не поддержал этих планов, а король Конрад наотрез отказался воевать, так что «Священная война» против Византии к счастью не состоялась.

Так или иначе, Второй Крестовый поход стал новой вехой в истории отчуждения христианских народов Востока и Запада. Запад еще больше утвердился во мнении, что византийцы неверны святому делу и крайне вероломны. Повсеместно сложилось убеждение: византийский император не хочет торжества христианства; он поддерживает связи с неверными; он относится недружелюбно к христианским князьям в Антиохии; он позволяет своим публицистам позорить крестоносцев, выставляя их в неприглядном виде как неорганизованных и неумных воинов. Можно ли его еще считать христианином? Каким же образом священные реликвии христианства могут оставаться в Константинополе в руках столь нечестивых владык? Именно после Второго Крестового похода западные христиане в своей массе перестали считать «восточных» своими братьями во Христе. Византийцы же, со своей стороны, пришли к выводу, что люди с Запада еще более грубы, наглы и бескультурны, чем им казалось прежде. Могли ли они отдать свою великую и святую Церковь под власть епископа, происходящего из такого варварского народа? Больше, чем когда бы то ни было, притязания Рима казались им нелепыми и надменными.

Смерть императора Мануила в 1180 г. стала вторым поворотным пунктом в ухудшении отношений. Этот император, несмотря на всю неоднозначность своей политики, все-таки не желал разрыва с Западом. Проявляя неуступчивость, он стремился нейтрализовать негативное впечатление на Западе новыми актами приязни, например, выкупая из мусульманского плена рыцарей-крестоносцев. Другое дело, что и он сам, и его политика были крайне непопулярны в собственном государстве. Его непомерные амбиции привели к растраниванию ресурсов империи, причем император упрямо отказывался признавать факт экономического кризиса. В 1176 г. из-за своей полководческой бездарности он привел армию империи к тяжелейшему поражению от турок при Мириокефалоне; с тех пор военная мощь Византии так и не восстановилась. Его пристрастие к латинянам не вызывало сочувствия ни в Константинополе, ни в провинциях: казалось, все важнейшие посты в армии и администрации были отданы в руки франков. При его попустительстве и посредством собственного политического шантажа итальянские города постепенно прибирали к рукам всю торговлю в Византии; материальное процветание и заносчивость этих купцов возмущали гре-

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

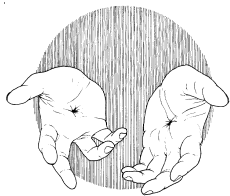
ков, поскольку их собственный уровень жизни неуклонно снижался. Император правил твердой рукой, справляясь с оппозицией, но с его уходом затаенное недовольство прорвалось наружу.

Мануил был женат дважды: его первая жена, немецкая принцесса, умерла, оставив ему дочь, кесариссу Марию Порфирородную, которая в свою очередь вышла замуж за итальянского князя Райнира из Монферата. Вторая жена, латинская принцесса Мария Антиохийская, родила ему сына, Алексея II, по смерти отца наследовавшего трон в возрасте двенадцати лет, в то время, как регентшей стала вдовствующая императрица Мария. Современники дружно восхищались красотой и очарованием Марии, неудивительно, что все кавалеры при дворе искали ее расположения. К несчастью, она выбрала своим наставником и возлюбленным самого жалкого из кузенов покойного мужа – протосевастора Алексея Комнина. Он был особенно непопулярен в Константинополе, а роль фаворита императрицы лишь добавила ему врагов. Мария, естественно, была склонна опираться на латинских друзей Мануила. Ее фаворит, непопулярный у соотечественников, также был вынужден искать друзей среди латинян. Раздраженным византийцам казалось, что вся власть перешла в руки латинян, так что соперники императрицы без труда смогли восстановить население против Запада. На деле же лидеры оппозиции сами были по преимуществу латинянами. Во главе оппозиции стояли сводная сестра юного императора – кесарисса Мария Порфирородная (полунемка) и ее итальянский муж. Прошло едва более года, и кесарисса в расчете на антилатинские настроения в столице составила заговор с целью свергнуть правительство «иностранки», как называли греки императрицу-регентшу. Вскоре тайна этого заговора была раскрыта, а главные заговорщики укрылись в храме Св. Софии, рассчитывая на симпатии к ним патриарха и духовенства. Императрица и протосевастор отправили отряд латинских солдат, чтобы арестовать их, однако те не смогли пробить себе дорогу в храм. Под давлением общественного мнения правительство было вынуждено амнистировать кесариссу и ее мужа. Затем императрица попыталась сместить патриарха Феодосия и заточить его в монастырь, однако он был вызволен оттуда народом и с триумфом восстановлен на кафедре. Лишь с помощью латинских наемников императрица еще могла поддерживать относительный порядок в столице. И тогда она обратилась за помощью к своему сваяку, королю Венгрии.

За происходящими событиями со все возрастающим интересом наблюдал еще один член семейства Комнинов, Андроник, человек, прославившийся в юности многими романтическими похождениями, но теперь живший в ссылке и забвении в Анатолии. Он отправил целую вереницу своих агентов в Константинополь, провоцируя антилатинские настроения и представляя дело так, будто он один может спасти империю от засилья «западников». Весной 1182 г. он, сколотив вооруженный отряд, прошел маршем через всю Анатолию, причем по пути в ряды его сторонников влилось множество недовольных. В мае Андроник разбил лагерь в Халкидоне, на Азиатском побережье напротив столицы. Как только стало известно о его прибытии, взбунтовался весь Константинополь, и в латинских кварталах началась безобразная резня франков и итальянцев, прекратившаяся только тогда, когда Андроник неспешно вошел в город и взял в свои руки власть.

Кровавая бойня, учиненная греками в Константинополе, никогда не забывалась на Западе, хотя, возможно, ее ужасы были несколько преувеличены хроникерами. Единственное подробное описание этих событий «по горячим следам» мы находим у Вильяма Тирского, однако и он не был непосредственным очевидцем происходящего. Греческие историки упоминают о резне лишь мимоходом, хотя и с несомненным осуждением. Впрочем, при всех скидках на преувеличения, следует признать, что многие выходцы с Запада в то время расстались с жизнью, включая папского легата и капеллана пизанской колонии, а их имущество, в том числе и церковное, было полностью разграблено. Около пятидесяти латинских кораблей, стоявших в Константинопольском порту, сумели уплыть, увозя массу гражданс-

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ких беженцев, латинских солдат-наемников и купцов. Резня была не следствием военных действий, а акцией одних граждан города (придерживавшихся «греческих традиций») против других его граждан, принадлежащих к «латинской традиции». И все это происходило в столице Восточного христианства! У Запада теперь появились веские основания призывать к Священной войне против Византии.

Однако этим планам пока еще не было суждено реализоваться. Третий Крестовый поход (1189 г.), возглавляемый Фридрихом Барбароссой, был предпринят ради помощи дышавшим на ладан крестоносным государствам в Палестине, чье положение стало безнадежным после захвата Иерусалима талантливым мусульманским военачальником Саладином. Запад в очередной раз убедился в вероломстве восточных христиан: сразу после захвата Иерусалима Саладин предложил императору поставить греческого патриарха взамен латинского, и император принял это предложение. Фридрих, со своей стороны, откровенно ненавидел Византию и прямо призывал к штурму ее столицы. Он вел теперь гораздо более дисциплинированную, чем раньше, армию; ее набеги, хотя и более редкие, чем прежде, были зато гораздо страшнее. Византийский император Исаак Ангел попробовал оказать давление на Фридриха, задержав его послов как заложников, и этим сверг крестоносцев в неопишувемый гнев. Если бы Фридрих не торопился в Палестину, то прямого военного столкновения было бы не избежать. В данном же случае, Исаак извинился, а германцы согласились проследовать в Азию через Дарданеллы, так что Константинополь был спасен.

Почти в то же самое время фатальной для перспектив церковного единства стала деятельность одного из немногих выдающихся правоведов Восточной Церкви – Феодора Вальсамона. Вальсамон издал компендиум по Каноническому праву и еще при жизни стал непререкаемым авторитетом, к которому обращались по правовым вопросам все иерархи и миряне в православном мире. Он был поставлен патриархом Антиохийским, однако действительными хозяевами в этом патриархате были латиняне, так что его титул был только номинальным. Этим была обусловлена его личная неприязнь к латинянам.

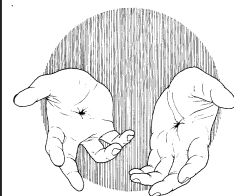
Если бы мы задались целью найти «отрицательного героя» схизмы со стороны православных, то, вероятно, Вальсамон был бы первым претендентом: он заслуживает этого звания куда в большей степени, нежели Фотий или Керуларий. До тех пор главным достоинством Православия в споре с Западом была позиция *икономии*, добродетели терпимости, которая позволяет не замечать и даже прощать некоторые отклонения в интересах мира и добросердечия. Но Вальсамон был правоведом, а правоведы любят смотреть на все исключительно с юридической точки зрения, так что милосердие им свойственно мало.

Взгляды Вальсамона на отношения Церкви и государства были прямо противоположны тем, которые принимались в Риме. Он вновь сделал актуальным не вполне ясное положение древних византийских кодексов, согласно которому император и патриарх являются двумя важнейшими источниками власти в Империи-Церкви, а и их согласие между собой составляет главный принцип благополучия. Впрочем, императора Вальсамон ставил выше, поскольку к его компетенции относятся и мирские, и духовные дела, а к компетенции патриарха – только духовные. Император, по мнению Вальсамона, не связан ничем, кроме учения, изложенного на первых семи Вселенских Соборах. Из этого следует, что император по определению выше папы, и не имеет права распространять его авторитет на Восточную Церковь. Если бы он сделал это, то тем самым вступил бы в противоречие с постановлениями Семи Соборов, установивших пентархию патриархов и утвердивших Боговдохновенный Символ веры, к которому Рим незаконно добавил слово.

Относительно Латинской Церкви Вальсамон придерживался ясных и бескомпромиссных взглядов: когда патриарх Марк Александрийский просил разрешить его сомнения, должен ли он причащать латинян, то в ответе Вальсамона были расставлены все «точки над и». «Уже много лет, – писал

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

он, – как Западная церковь прекратила духовное общение с четырьмя другими патриархатами и стала чуждой Православию..., поэтому папа не поминается в диптихах. Так что не следует общаться ни с одним латинянином, если он прежде не отречется от учения и обычаев, которые разделяют его с нами, и не станет подчиняться канонам Церкви вместе с православными». Впрочем, перекрещивать латинян не требуется: они не таковы, как еретики яковиты и несториане.

Итак, в глазах Вальсамона разделение Церквей уже вполне совершилось, причем, с его точки зрения, это произошло, когда имя папы было вычеркнуто из диптихов. При этом он не дает прямого ответа на вопрос, находятся ли Церкви в схизме с 1009 г. (тогда вычеркивание имени папы как раз и имело место), а также не упоминает о синоде 1089 г., который постановил, что имя папы было вычеркнуто по небрежности. По его мнению, Рим уклонился от правой веры, и нельзя пребывать в общении с Римскими епископами.

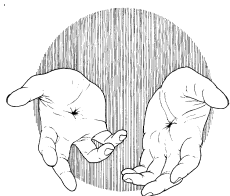
Высокая репутация Вальсамона способствовала популярности его личных взглядов, так что со временем их стало разделять большинство византийцев. Правда, иногда высказывались и иные точки зрения. Спустя двадцать лет Димитрий Хоматиан писал, что многие находят в утверждениях Вальсамона излишнюю суровость и категоричность и не считают правильным исключать из общения латинян на основании принятых у них обычаев. Ведь ничто в их практике не было подвергнуто синодальному осуждению, и никогда латиняне не признавались еретиками. Напротив, для них было естественно участвовать в православном богослужении и молиться с православными. Отсюда следует, что некоторые круги в Византийской Церкви признавали полноту общения восточных и западных христиан, несмотря на разногласия между их иерархами.

Что же касается латинян, то и у них к концу XII столетия возобладало отношение к восточным православным как к схизматикам. Латинским правоведам отказ православных признавать первенство Рима представлялся очевидным признаком схизмы. Западное общество больше не считало Константинополь «святым градом», как это было во времена Первого Крестового похода. Когда же после Четвертого Крестового похода жители Анжера получили священные реликвии, изъятые из Константинополя, то они приветствовали их прибытие гимном, начинавшимся такими словами: «Constantinopolitana Civitas diu profana...» («Град Константинополь, так долго бывший безбожным...»).

В 1198 г. на Римский престол взошел, наверное, самый выдающийся средневековый папа – Иннокентий III (1198-1216), отличавшийся многими и разнообразными талантами. Своей главной целью он считал достижение единства всего христианского мира, естественно, под своим собственным началом. Иннокентий III полагал, что ему по праву принадлежит вся полнота как духовной, так и светской власти. Он начал свой понтификат с призывов к новому Крестовому походу, дабы смыть нестерпимый позор – порабощение Иерусалима врагами истинной веры. Папа даже обложил все духовенство данью: каждый клирик должен был выделить сороковую часть своих доходов на организацию Крестового похода.

Были извлечены и уроки из прошлого: папа сам назначил единого главнокомандующего – маркиза Бонифация Монферратского. В Палестину крестоносцы должны были добираться по морю, а венецианцы обязались предоставить им корабли.

Начались долгие переговоры с дожем (главой городского самоуправления) Венеции Энрико Дандоло. Ему было уже за 80, и он был почти слепым (30 лет назад, будучи с посольской миссией в Константинополе, он с кем-то подрался и частично утратил зрение; с тех пор он затаил ненависть к грекам). Дандоло был одним из наиболее дальновидных политиков-прагматиков своего времени – правда, и одним из самых беспринципных. Никакая риторика относительно Крестового похода как священного долга христианина на него не действовала. Но он понимал, что прочное господство Венеции на Востоке может быть достигнуто только при условии уничтожения Византийской империи.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Конечно, венецианцы имели в Константинополе широкие торговые привилегии, но эти привилегии вполне могли быть отобраны, что представлялось вполне реальным ввиду конкуренции Генуи и Пизы, активно заигрывавших с византийцами. Чтобы обеспечить свою монополию, венецианцы должны были завладеть империей. Вероятно, идея изменить направленность Крестового похода созрела у Дандоло давным-давно. Раньше византийцы добровольно уступили венецианцам господство на море, теперь же эта уступка поставила на грань краха их империю.

Договор, предложенный венецианцами крестоносцам, был четким и деловым. Венецианцы получают 85 тысяч кельнских марок. Взамен они предоставляют на год транспорт и провиант для 4500 рыцарей, 9 тысяч оруженосцев и их лошадей и 20 тысяч пеших солдат. Кроме того, от Венеции отправляются в поход 50 галер с воинами. Венецианцам отходит половина всех будущих завоеваний.

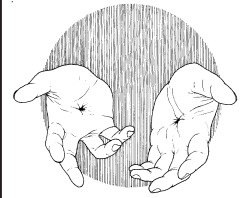
В августе 1202 г. крестоносцы собрались в Венеции, но, как и ожидалось, всей предусмотренной в договоре суммы у них в наличии не оказалось. Все войско было переправлено на один из островов в лагуне. Продовольствие доставлялось туда с перебоями. Солдаты голодали.

Когда армия начала волноваться и уже выходила из повиновения, венецианцы предложили компромисс: платеж может быть отсрочен, если крестоносцы помогут им взять Зару (Задар) – город на Адриатическом побережье, на который претендовали Венеция и Венгрия. В результате недавней войны Зара отошла к Венгрии, и Венеция была этим весьма недовольна. В ноябре 1202 г. объединенными силами крестоносцев и венецианцев Зара была взята. После этого союзники решили, что пока не пройдет зимняя непогода, лучше оставаться в завоеванном городе, а заодно и подумать о будущем направлении похода. Так они и сделали. Иннокентий, услышав о нападении крестоносцев на христианский город, был в ярости и отлучил от Причастия всю экспедицию. Потом, немного остыв, он понял, что крестоносцы сами стали жертвой шантажа. Он снял отлучение с них, но вновь подтвердил его для венецианцев. Однако это лишь расколодило руководителей похода, решивших, что отлучения так же легко отменяются, как и накладываются.

Тем временем в лагере крестоносцев появился византийский царевич Алексей – бежавший сын низвергнутого и ослепленного императора Исаака Ангела – и стал просить о помощи. Условия, предложенные им, были такими: если крестоносцы восстановят на престоле его отца и его самого, он выплатит долг венецианцам, пошлет с Крестовым походом в Египет 10 тысяч воинов и будет постоянно содержать 500 рыцарей в Палестине. Он также обещал подчинить Восточную Церковь Риму. Договор был подписан в мае 1203 г., и армия отправилась к Константинополю. Лишь небольшая часть крестоносцев во главе с графом Симоном де Монфором возмутилась таким позорным изменением цели похода и отплыла на найденных ими судах в Палестину. В конце июня 1203 г. венецианский флот с крестоносцами на борту появился в водах Босфора. Узурпатор Алексей III бежал с мешком драгоценных камней, слепой Исаак вышел из темницы и воцарился вместе с молодым Алексеем IV. Только теперь последнему стало понятно, что давать обещания куда легче, чем их выполнять. Его робкая попытка заставить духовенство признать римское верховенство и ввести латинские богослужебные обычаи с треском провалилась. Казна была пуста, народ, задавленный непосильными налогами, волновался, а крестоносцы стояли под стенами города и вели себя как победители. Династия Ангелов была обречена. В феврале 1204 г. отец и сын были низвергнуты, а на престол возведен Алексей V Дука Мурчүфл.

Надежды крестоносцев на мирное подчинение себе империи пошатнулись, и они, по настоянию Венеции, решили взять дело в свои руки. В марте 1204 г. они заключили тайный договор «во имя Бога, Папы и Империи». Это был самый преступный договор за всю историю Венеции. Согласно его условиям, Константинополь должен был быть оккупирован. Вся захваченная добыча

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

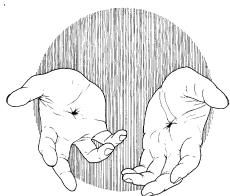
должна была быть поделена поровну между Венецией и франками, а совету из шести венецианцев и шести франков надлежало выбрать нового императора. Императору отдавалась 1/4 территории империи, а остающиеся 3/4 должны были быть поделены поровну между Венецией и крестоносцами. За Венецией сохранялись все торговые привилегии на всей территории бывшей империи. В случае, если императором избирали франка, патриархом должен был стать венецианец. Вся риторика о «долге христианина» и о Крестовом походе против неверных была благополучно забыта. Договор был оформлен и подписан. Началась тайная подготовка к штурму.

13 апреля крестоносцы ворвались в ничего не подозревавший и не успевший подготовиться к обороне город с моря и суши. Император Алексей Мурчуфл бежал. Город, остававшийся неприступным со дней Константина Великого, выстоявший против персов и арабов, аваров и болгар, пал жертвой христианской армии франков и венецианцев. Начались беспрецедентный трехдневный грабеж, резня и насилие.

Драгоценнейшие сокровища мировой культуры, так долго собиравшиеся и бережно хранившиеся в этом городе – столице христианской цивилизации, а также величайшие произведения искусства, созданные византийскими мастерами, – были разграблены, а то и просто уничтожены. Грабя и насилуя, крестоносцы распевали песенку: «Constantinopolitana, civita dui profana» – «Константинополь, город, так долго бывший нечестивым». Венецианцы, понимавшие толк в культурных ценностях, забирали, что получше. Невежественные франки крушили и жгли все подряд. Солдатня была одержима страстью разрушения. Французы и фламандцы носились по улицам, хватая все, что блестит, и ломая все, что не могли унести с собой. Они делали перерывы только для краткого отдыха после убийств и насилий или для того, чтобы освежиться в чьем-нибудь винном погребе. «Христианские воины» не щадили ни монастырей, ни церквей, ни библиотек. В Св. Софии пьяные солдаты обдирали серебряный иконостас и золотой престол, топча сапогами священные книги и иконы. Они распивали вино из евхаристических чаш, в то время как проститутки сидели на патриаршем престоле и распевали пошлые песенки. Монахинь насилывали в их монастырях. На улицах лежали раненные и умирающие женщины и дети. Никто не оказывал им помощи. Спустя три дня великий город, великолепная «столица мира», лежал в руинах. По словам историка Никиты Хониата, «даже сарацины милосердны и добры в сравнении с этими зверями, имеющими Крест Христов на своих плащах».

Наконец до руководителей похода дошло, что такое безудержное разорение не было выгодно никому. Когда солдаты выбились из сил от всех учиненных ими бесчинств, порядок был восстановлен. Грабителям было приказано сдать в казну все, что у них было на руках. Даже не считая всего бездумно уничтоженного, количество добычи, награбленной «христовыми воинами», не поддавалось разумению. Как писал один ошеломленный крестоносец, «с сотворения мира никогда столько добра не добывалось в одном городе». Все было честно поделено по условиям договора: три восьмых было отдано венецианцам, три восьмых – франкам и четверть – вновь избранному императору. О количестве добычи говорит и такой факт: до сих пор практически во всех древних соборах и музеях Европы хранятся предметы, вывезенные из Константинополя во время IV Крестового похода. Больше всего ценностей, конечно, сосредоточилось в Венеции: венецианцы лучше других разбирались в произведениях искусства. И сегодня венецианский собор св. Марка украшает четверка золотых коней с византийского ипподрома, а в его сокровищнице туристам показывают части золотого, инкрустированного драгоценными камнями и украшенного эмалевыми иконами престола Св. Софии.

Византийским императором был избран Балдуин Фландрский – безвольный и слабый человек. Кандидатура Бонифация Монферратского была заблокирована венецианцами, не желавшими видеть на престоле в Константинополе сильную личность. Император Балдуин был провозглашен сюзером

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

ном всех земель, кроме 3/8, отданных венецианцам. Даже 3/8 Константинополя, его столицы, было отдано венецианцам, включая собор Св. Софии, где венецианец Томазо Моросини был поставлен патриархом. Венецианцы присвоили себе ключевые пункты империи – порты и стратегические острова для поддержания своего морского господства. Остальные имперские территории перешли в управление крестоносных магнатов, признававших себя вассалами императора. Руководителю похода Бонифацию Монферратскому досталось Салоникское королевство.

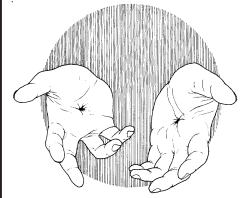
Восточные христиане никогда не забыли и не простили Западу Четвертого Крестового похода. С этого момента определенно начинается схизма между греческой и латинской Церквями. В то же время, трагедия Константинополя настолько деморализовала византийский мир, что у папы неожиданно появился шанс найти в греках союзников. Будь папа Иннокентий III более гибким в своей политике, он, пожалуй, смог бы подчинить греческую Церковь. Для этого ему нужно было завязать отношения с изгнанными греческими иерархами и взять их под свою защиту.

Однако папа испытывал противоречивые чувства. Он, безусловно, не одобрял изменений в направлении похода; он был по-настоящему потрясен тем фактом, что воины, отправившиеся на Священную войну с неверными, обратили свое оружие против христианского народа, пусть даже этот народ и не признавал его власти. Вместе с тем, он не нашел в себе сил осудить создание Латинской империи на Востоке: ведь если бы ее власть оказалась прочной, все византийские территории с их церквями оказались бы в объятиях Рима. Папа был удовлетворен тем, что победители избрали императором не Бонифация Монферратского, отношения с которым у него к тому времени расстроились, а почтительного и благочестивого графа Балдуина Фландрского. Хотя Иннокентий и сожалел о том, что венецианец Моросини был избран патриархом поспешно и без папского одобрения, но все-таки принял изъявление сыновней покорности с его стороны. Да и в дальнейшем Моросини был неизменно лоялен к Святому Престолу. В итоге, получив известие о воцарении латинского императора, папа от всей души восславил Бога и тепло поздравил нового монарха в специальном послании. При получении же следующих сообщений Иннокентий испытывал все большую озабоченность. Он был возмущен тем, что крестоносцы окончательно отказались от похода в Палестину и принялись обустриваться на вновь захваченных территориях. Его охватил самый настоящий ужас, когда он услышал о подробностях погромов в Константинополе, кровопролитии и святотатстве. Именно Иннокентий III дал самую суровую и нелюбезную оценку тех ужасных событий. Но на Востоке это уже никого не интересовало. Православные христиане запомнили лишь первоначальный энтузиазм папы и не сомневались, что именно он приложил руку к разыгравшейся трагедии.

Между тем, господство крестоносцев в Византии оказалось крайне непрочным – ничуть не прочнее, чем в Палестине. Еще в самом начале штурма Константинополя, когда император Алексей V Мурчуфл бежал, в пока не захваченном соборе Св. Софии императором был провозглашен Феодор Ласкарис, зять бывшего императора Алексея III – первый за много лет достойный кандидат на престол. Спасти город было уже невозможно, и новый император удалился вместе с патриархом на азиатский берег, откуда возглавил борьбу с латинянами. Уже спустя два года после катастрофического падения Константинополя греческий мир реорганизовался на новых началах. На развалинах империи возникло три греческих государства.

Внуки Андроника Комнина с помощью своей тетки – великой грузинской царицы Тамары – основали на южном побережье Черного моря Трапезундскую империю. Благодаря обширным торговым связям в черноморском регионе и добыче серебра в богатых залежах руды копиях это государство достигло неплохого уровня благосостояния, а также прославилось во всем мире красотой своих принцесс.

Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия

В западной части Балканского полуострова побочная ветвь династии Ангелов основала Эпирский деспотат. Его правители в конце концов разгромили Салоникское королевство Бонифация Монферратского и присоединили его территории к своим владениям.

Но самое сильное из всех государств было создано Феодором Ласкарисом. Это была «Восточная Римская империя» со столицей в Никее. Именно в Никею эмигрировали самые видные граждане Константинополя. Бежавший из города вместе с Ласкарисом патриарх Иоанн Каматир вскоре ушел на покой (1206 г.). По его благословию константинопольское духовенство избрало нового патриарха, Михаила Автореана. Он-то и провел формальную церемонию венчания Феодора Ласкариса на царство. Таким образом, в глазах всего православного населения именно Никея стала законной преемницей Константинополя. Вскоре никейские императоры вернули себе практически все имперские владения в Азии, латинянам же путь в Малую Азию был закрыт.

Тогда же в кругах византийского духовенства стали появляться многочисленные полемические сочинения, отвергающие идею папского верховенства с богословской точки зрения. Первое из них – письмо патриарха Иоанна Каматира Иннокентию III. В нем патриарх настаивает, что папа – отнюдь не единственный наследник св. Петра. Роль Петра связана с его верой и вытекает из его веры. Следовательно, каждый православный епископ – хранитель веры, наследник Петра.

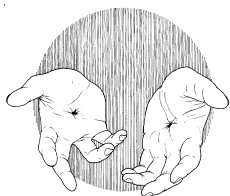
Еще большее значение имело возникновение двух параллельных иерархий. На одной и той же Константинопольской кафедре восседало два патриарха: латинский (эпо-ле) и греческий (пока – в Никее). Это было свидетельством окончате. ско-ла. Именно после IV Крестового похода разделение Церквей было не /ци-онально, но и утвердилось в широком народном сознании.

Контрольное задание

Подведите итоги: какие факторы, события, действующие лица в наибольшей мере способствовали церковному расколу Востока и Запада?

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

Библиография и содержание

Контрольные задания

1. Каким образом распространялась Благая Весть в античном мире? Можете ли Вы провести определенные параллели с современной эпохой?
2. В чем заключалась причина неприязни к христианам I века со стороны иудеев, а в чем – со стороны язычников?
3. Как Вы полагаете, какие черты и подходы раннехристианской апологетики сохраняют свое значение и сегодня?
4. В чем были принципиальные отличия гонений императора Деция от прежних гонений, и каковы были их последствия?
5. Каковы были основные мотивы гонений на христиан со стороны Римской империи? Как Вы полагаете, существуют ли аналоги некоторых из этих мотивов в нашу эпоху?
6. Какие параллели существуют между ситуацией Церкви первых веков и нашей современной ситуацией? В чем заключаются различия этих ситуаций?
7. Какие проблемы встали перед Церковью в связи с ее активной поддержкой государственной властью, начиная с царствования императора Константина? Существуют ли, по Вашему мнению, определенные параллели между эпохой Константина и нашей эпохой? Чему может нас научить опыт эпохи Константина?
8. Какое значение для Церкви имело и имеет свидетельство монашеской жизни?
9. Какие уроки можем мы сегодня извлечь из донатистского раскола? Действовали ли, факторы, подобные тем, которые привели к донатистскому расколу, в других, более поздних по времени церковных расколах? Постарайтесь привести соответствующие примеры.
10. Согласны ли Вы с утверждением, что основной причиной догматических споров, приведших к многочисленным церковным расколам в эпоху Вселенских Соборов, было переложение евангельской Благой Вести на язык эллинистической философии? Как Вы полагаете, был ли у древней Церкви какой-то иной, альтернативный путь развития, помимо ее превращения в имперскую структуру со строго очерченной догматикой? Какие еще причины церковных расколов, кроме чисто догматических, Вы можете выделить?
11. Оцените имперско-теократическую систему, достигшую расцвета при Юстиниане, и идею «симфонии» духовной и светской властей. Является ли она, по Вашему мнению, приемлемой (или неприемлемой) с христианской точки зрения? Поясните свою позицию.
12. Назовите причины «великого отступления» греко-римской христианской цивилизации на Востоке. Как Вы полагаете, можно ли было предотвратить подобный оборот дела? С помощью каких мер?
13. Играют ли изображения религиозного содержания какую-то роль в Вашей духовной жизни?
14. Каким образом различались мировоззрение и ментальность восточных и западных христиан в древности? А какие различия существуют между ними в наше время? Поделитесь своим мнением по этому поводу.

Я есмь Путь и Истина и Жизнь

15. Как Вы полагаете, **чем именно** должна определяться авторитетность той или иной епископской (патриаршей) кафедры?
16. Дайте краткую характеристику отношения христианского Востока к институту Папства в VI – IX веках.
17. Как Вы полагаете, какой путь исторического развития Церквей Востока и Запада мог бы предотвратить их резкий и полный разрыв?
18. Как мы могли убедиться, события 1054 г. не означали действительного раскола Восточной и Западной Церквей. В чем же тогда состоит их подлинное историческое значение?
19. Крестовые походы окончательно рассорили три великие цивилизации (западно-христианскую, восточно-христианскую и исламскую), посеяли семена ненависти между ними. А каким, по Вашему мнению, мог быть оптимальный вариант развития отношений между этими цивилизациями?
20. Подведите итоги: какие факторы, события, действующие лица в наибольшей мере способствовали церковному расколу Востока и Запада?

Библиография

- Бедуелл Ги. История Церкви. М.: «Христианская Россия», 1996
- Йозеф Лортц. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. В 2-х т. Т. 1. Древность и средние века. М., 1999
- Санников С.В. Двадцать веков христианства. Учебное пособие в 2 томах. Том 1. Первое тысячелетие. Одесса – Санкт-Петербург, 2002
- Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. В 4-х кн. СПб., 1907. Репринт: М., 1994
- Болотов В.В. История Церкви в период Вселенских соборов. М., 2007.
- Гонсалес Хусто Л. История Христианства. Т. I: от основания Церкви до эпохи Реформации. СПб., 2002
- Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. Н.Новгород, 2003
- Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель, 1988
- Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Курс лекций. Н.Новгород, 2003
- Успенский Ф.И. История Византийской империи VI-IX вв. - М., 1996
- Лебедев А.П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб, 1999
- Лебедев А.П. Очерки внутренней истории Византийской восточной церкви в IX, X и XI веках: от конца иконоборческих споров 842 г. до начала крестовых походов 1096 г. СПб, 2003
- Рансимен Стивен. Восточная Схизма. Византийская теократия. М., 1998

Содержание

Церковь в эпоху гонений	3
1. Начало гонений в иерусалимской общине	3
2. Благовествование среди язычников	5
3. Первые конфликты	8
4. Аполлетика в истории ранней Церкви	12
5. Гонения римского государства против христиан	18
6. Христианская жизнь в эпоху гонений	32
Церковь в Константиновскую эпоху	38
1. Император Константин и христианство	38
2. Возникновение монашества	44
3. Донатистский раскол	48
4. Арианство и Первый Вселенский Собор	52
5. Попытка языческого реванша при Юлиане Отступнике. Второй Вселенский Собор	57
6. Третий Вселенский Собор	60
7. IV Вселенский Собор и осуждение монофизитства	68
8. Церковь в позднеимперскую эпоху	77
Раскол Западной и Восточной Церквей: генезис, причины, последствия	90
1. Исторические предпосылки раскола	90
2. События 1054 года	102
3. Углубление противоречий между Западом и Востоком: Крестовые походы	113
4. Окончательный разрыв между Востоком и Западом	126
Контрольные задания	137
Библиография	138

Я есмь Путь и Истина и Жизнь